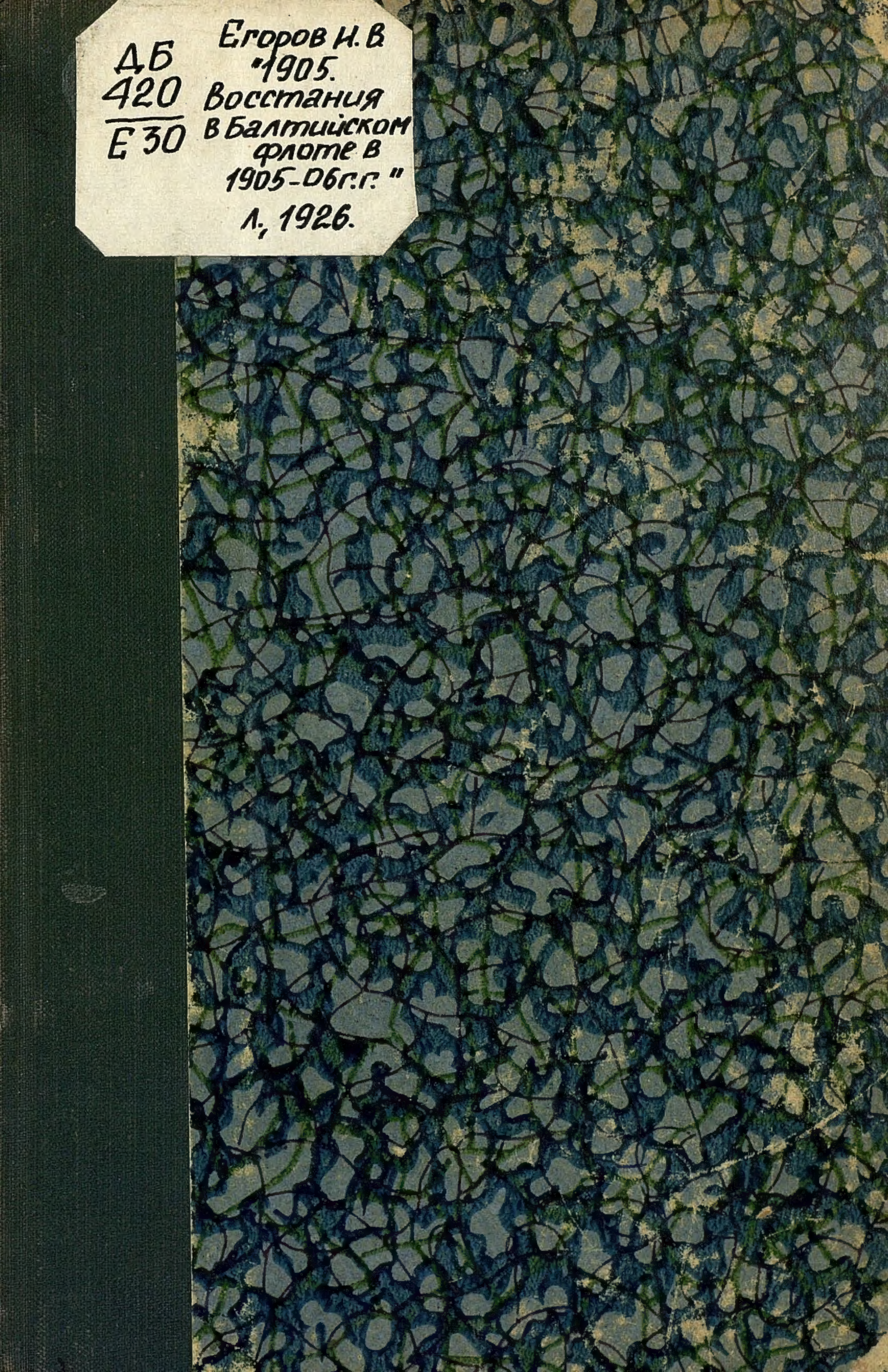
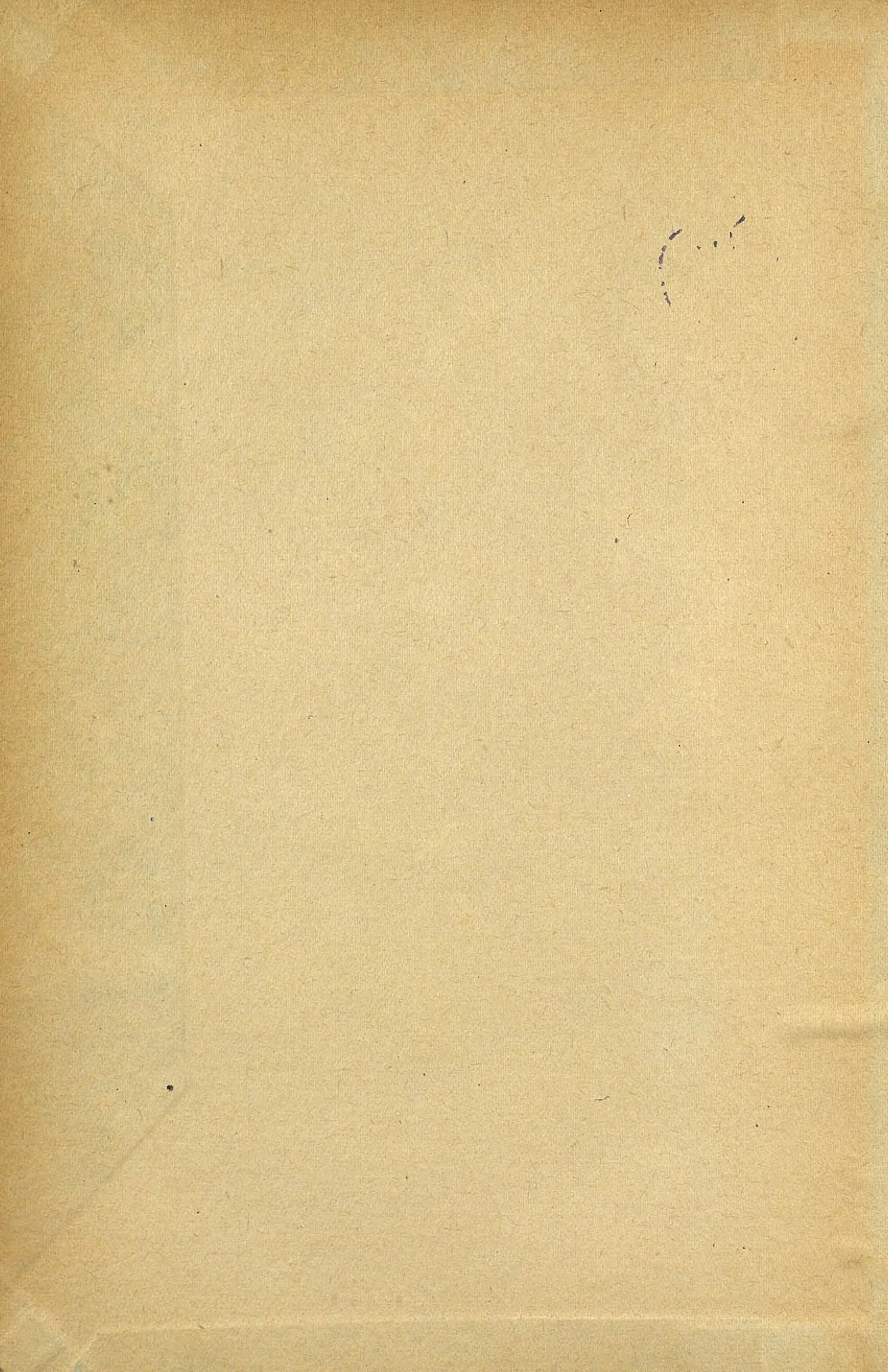

ДБ
420
Е 30
Егоров И. В.
"1905.
Восстания
в Балтийском
флоте в
1905-06г.г."
Л., 1926.

Отдел Ленинградского Губернского Комитета РКП (б) по изучению истории Октябрьской Революции и РКП (б) и комиссия Ленинградского Губернского Исполнительного Комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов по организации празднования 20-летия революции 1905 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1905

ВОССТАНИЯ В БАЛТИЙСКОМ ФЛОТЕ в 1905—06 гг.

В КРОНШТАДТЕ, СВЕАБОРГЕ и на КОРАБЛЕ «ПАМЯТЬ АЗОВА»

СБОРНИК

СТАТЕЙ, ВОСПОМИНАНИЙ, МАТЕРИАЛОВ и ДОКУМЕНТОВ

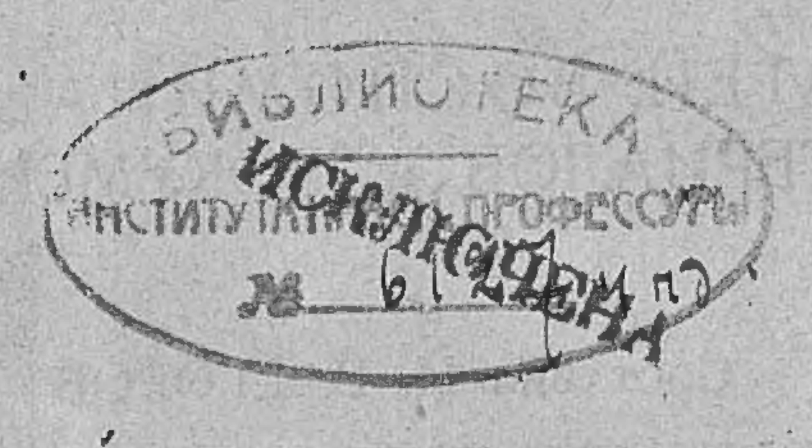
Составил И. В. ЕГОРОВ

под редакцией ленинградского истпарта

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»

ЛЕНИНГРАД :: 1926

Ленинградский Гублит № 5264 Печ. 5125 — 10 л. Заказ № 15

ОТ ЛЕНИНГРАДСКОГО ИСТПАРТА.

Октябрь 1905 года и июль 1906 года были актами одной и той же революционной трагедии, главными действующими лицами которой были матросы Балтийского флота. Черноморский флот, как известно, восстал первый раз еще в июне 1905 года, но о нем мы здесь не говорим, ему посвящена отдельная книга т. А. П. Платонова «Восстания в Черноморском флоте в июне и ноябре 1905 г.» [1]

В 1905 году выступили кронштадтские матросы, в большой степени увлеченные примерами южных товарищей. К ним присоединились некоторые местные сухопутные части. В 1906 году перед нами уже более широкое комбинированное восстание, которому начало положил Свеаборгский гарнизон, в значительной доле поддержанный опять-таки, матросами и финской красной гвардией. Это было 17 июля, а с 19-го на 20-ое в ночь вспыхнуло восстание в Кронштадте и того же числа и месяца на крейсере «Память Азова». В общем огромная площадь была охвачена восстанием. Тов. В. И. Ленин поддерживал связь с организаторами свеаборгского и кронштадтского восстаний, и наша партия пыталась перенести движение в Петербург. Восстание в Балтфлоте потерпело неудачу, как и в Черном море.

Какая тому причина? Причина, конечно, в общей неподготовленности широких матросских масс, недостаточной организованности, а еще и, самое главное, в том обстоятельстве, что восстание моряков было одиноко, не было поддержано ни рабочими, ни крестьянством, почему оно и не могло победить в такой огромной стране, как Россия.

Что касается особой революционности матросских масс вообще и, в частности, балтийцев, то она берет свое начало значительно раньше.

Во время долгих заграничных плаваний суда русского флота стояли в иностранных портах по месяцам. Неизбежно матросы сходились с революционерами иностранцами и русскими политиче-

---

[1] Изд. «Прибой», Ленинград, 1925 г., под редакцией Ленинградского Истпарта.

скими эмигрантами. В результате моряки втягивались в чтение нелегальщины и даже привозили запрещенные издания в Россию.

В 1901 году броненосец «Александр II» стоял в Тулоне. Один из его матросов, Коршунов, встретился и сошелся с французским слесарем, который долго жил в Одессе и хорошо знал русскую жизнь. Перед от'ездом русского приятеля тулонский слесарь передал матросам несколько запрещенных книг и брошюр. По возвращении в Кронштадт, Коршунов усердно читал нелегальщину своим приятелям, пока его не накрыло начальство.

Осенью 1902 года возвратился из плавания минный квартирмейстер, Степан Николаевич Синельников. Его сосед по каюте, квартирмейстер, Бонифатий Заплаткин, сначала осторожно, потом все более и более откровенно начал вести «крамольные» разговоры. Мало по малу Синельников втянулся в эти разговоры. Он убедился, что бога и страшного суда после смерти нет, что рабочий народ в России живет под гнетом и потому во всех местах империи часто вспыхивают бунты. Таким путем народ стремится к свержению самодержавия. Дальше, больше — Заплаткин принес приятелю номер нелегальной газеты «Революционная Россия».

В зале Дома Трудолюбия происходили воскресные лекции и вечерние занятия. Дело было совершенно легальное, но учительницам, которые преподавали нижним чинам и рабочим грамоту, стал помогать студент Виктор Герасимов. Он читал стихотворения Некрасова, об'ясняя их в антиправительственном духе. Другой раз один из слушателей остро поставил вопрос о декабристах, и Герасимов взял эту тему за основу речи против существующего порядка. При содействии другого студента Герасимов передавал морякам нелегальную литературу. Вообще запрещенные журналы ходили в то время свободно по рукам. Кому привозили из плавания, кто получал от курсистки или студента и т. д. Для лучшего усвоения нелегальной литературы устраивались кружки, которые сразу начинали носить явно революционный характер. Надзора за нижними чинами почти совсем не было. Кончались занятия, фельдфебеля уходили домой, офицеры никогда не заглядывали в каюты. Остававшиеся за старших, например, минный квартирмейстер Березин, принимали самое живое участие в чтении и обмене мыслями о подпольных изданиях.

Члены революционного кружка не варились в собственном соку, а распространяли свое учение среди массы. Если мало знали людей, то подбрасывали революционные брошюры и газеты по вечерам в койки. В других случаях просто втягивали в свои беседы.

Иногда это не кончалось добром. В марте 1903 года два минера учебно-минного отряда пожаловались начальству, что их инструктор Степан Николаевич Синельников ведет с ними беседы «возбуждающего свойства». Тотчас же был сделан обыск у Синельникова; в вещах нашли переписку антиправительственного характера. В двух письмах, которые Синельников собирался послать на родину в Саратов-

скую губернию, он говорит: «скоро придет время, когда не придется платить податей, идущих на содержание палачей».

Как раз в то время застрелился поручик Герасимов; в вещах его находились революционные листки. Начальство легко распутало нитку и установило, что Синельников хорошо знаком с братом застрелившегося поручика, студентом Виктором Герасимовым и его сестрой Валентиной, учительницей воскресной школы.

Пожар уничтожил самое дознание в трех томах, во время революции 1917 года. Мы не знаем, как поступили с Коршуновым и Синельниковым.

Особенное усиление работы революционного кружка было в апреле 1903 года. В Кронштадт в апреле 1903 года прислали новобранца Погребницкого. Он привез с собой значительное количество запрещенных книг и листков. Этот энергичный человек распространял нелегальщину, не останавливаясь даже перед крупным риском. Больше того — он организовал и составил устав противоправительственного общества. Первая сходка под его руководством состоялась 13 апреля 1903 года. Погребницкий выступил с заявлением, что не надо подчиняться начальству, в случае нужды убивать офицеров и других начальствующих лиц. «Когда начнется бунт, необходимо захватить все пристани и пароходы. А затем плыть в Петербург, где нас встретят взбунтовавшиеся матросы и рабочие. Соединившись с ними под красными знаменами, мы пройдем мимо синода и дворца и об‘явим республику. Полиция мешать нам не может, так как представляет лишь маленькую горсть людей, которая будет бессильна, если ее не поддержит войско». 6 мая Погребницкий созвал вторую сходку с участием трех посторонних ораторов. Один из них много рассказывал о рабочем движении и о выборных системах правления. Он призывал к единодушной и сознательной борьбе против старого порядка. Но, проповедуя борьбу, оратор предостерегал слушателей от террора. Матрос яхты «Штандарт», Дирев, был очарован оратором. У себя в каюте он старательно записал все слышанное, желая поместить статейку в одном из запрещенных изданий. Арест и суд разрушил работу революционных кружков.

Само собою разумеется, что революционная работа велась и после всех репресий и арестов. В 1905 году социал-демократы большевики обратили особенное внимание на Кронштадт, и для работы среди кронштадтских матросов и вообще военных частей Центральный Комитет нашей партии назначил лучшего работника т. «Иннокентия», Дубровинского.[1] Он собирал в Кронштадте массовки, сам выступал на них, кроме того занимался и организационной работой, укреплял и расширял партийные ячейки в разных частях гарнизона и экипажах. После восстания матросов в июле ему пришлось бежать, и он спасся неожиданно каким-то чудом.

---

[1] Ближайший сотрудник В. И. Ленина. Он покончил самоубийством в 1913 году в ссылке в Сибири.

Июльское выступление поставило перед нашей партией вопрос о том, как усилить и укрепить работу в войсках, и было решено положить начало особой Военной Организации. Ее работа велась в полной согласованности с деятельностью партии и боевых организаций.

Все войсковые части, расположенные в Петербурге и окрестностях, разделялись на районы. Во главе районов стояли ответственные организаторы и известное число пропагандистов. Возглавлял организацию Комитет, при котором находилась литературная комиссия. На ней лежала обязанность издавать периодические издания «Казарму», «Голос солдата», «Солдатскую беседу». Имелся также технический отдел для работ по изданию и распространению литературы.

В рядах РСДРП в то время было два течения: меньшевики ограничивали свою работу тем, что шли к солдатам с пропагандой такого же характера, как и для рабочих и крестьян. Большевики считали, что надо организовывать ячейки, на которые можно было бы опираться, как на реальную силу во время вооруженного восстания.

Жандармы установили особый сыск за организаторами и пропагандистами специально флотских частей. Одна арестованная, Роза Бернштейн, не пожелала давать об'яснения на дознании и вскоре скрылась. Имелись сведения о другом арестованном, Алексее Опарине. Он устраивал прогулки с матросами и передавал им какие-то свертки. Дело о нем было прекращено. В 18 флотском экипаже работала, так, по крайней мере, решили жандармы, Мария Завадская. С нею арестовали и двух моряков: Перепечи и Скогарева.

Гораздо хуже обернулось дело с другими представителями революционной части флота.

21 мая 1906 года на Охте, у церкви Святого Духа, состоялся митинг, которым руководил студент, Николай Крыленко [1] и Давид Ритман. Николай Крыленко был впоследствии оправдан, а Давид Ритман присужден к каторге. Для нас интересно, что в этом митинге принимали участие и матросы Гвардейского экипажа, — Авериан Исаков и Иосиф Беляк.

В редакции газеты «Казарма» ближайшим сотрудником редактора Коченовского был матрос Кузнецов, уволенный от службы по болезни.

На-ряду с погоней по ложным следам, полиции удавалось разыскивать и важные нити революционной работы. Попал в руки жандарма протокол партийного об'единенного форштанда, т.-е. президиума. С его помощью было установлено, что в декабре 1905 года в 18 флотском экипаже имелось десять кружков из представителей всех рот и судов, всего 90 человек. Из отчета о деятельности Выборгского района видно, что в ноябре 1906 года на морском полигоне вся связь состояла из одного человека; тем не менее литература распространялась правильно. У студента П. Кирноса были найдены шифрованные

---

[1] Партийная кличка «Абрам», ныне заместитель Наркома юстиции СССР.

записи фамилий матросов 3-го, 6-го и Гвардейского экипажей и минного крейсера «Хивинец». Встречались записи о происшествиях революционного характера, например, о случае неповиновения матросов 12 экипажа. Очень хорошо была поставлена литературно-агитационная деятельность военных организаций. За июльскую четверть 1906 года было распространено среди нижних чинов 48.397 экземпляров революционной литературы, из которых на газету «Казарма» падало 8.230 номеров. Наиболее ходким номером «Казармы» оказался № 6 от 12 августа 1906 года. Этот номер попал в дела суда. В связи с роспуском Государственной Думы редакция выставила в этом номере требование Учредительного собрания. Было помещено воззвание социал-демократической фракции и трудовой группы Государственной Думы к армии и флоту о борьбе с изменническим правительством. Подробные сведения дал этот номер о восстании в Свеаборге, в Кронштадте и на «Памяти Азова». Основной тон революционной литературы был таков: — долг войск не повиноваться начальству, а вместе с народом восстать против ненавистного режима. При одном из обысков найден был проект организационного устава Всероссийского Союза солдат и матросов; в нем проектировались кружки в отделениях и взводах, ротный и полковой комитеты, гарнизонные советы, окружные и всероссийские с‘езды делегатов.

У студента Мещерякова жандармы нашли рукопись, написанную от имени матросов Гвардейского экипажа: «мы благодарим за те дела, которые приходится смотреть, и за этот союз РСДРП и которые много проходят через наши руки. Все матросы Гвардейского экипажа сознательны и не пойдем стрелять в своих родных и товарищей. У нас сознательных 200 человек».

Даже из этих беглых сведений видно, что военные соц.-дем. организации работали энергично и оказывали большое влияние.

Еще большими пропагандистами и агитаторами против самодержавного строя были те условия, в каких жили матросы: плохое довольствие, строгости и мордобитие. А общий под‘ем движения в 1905 году не мог не повлиять соответствующим образом на настроение матросских масс, среди которых главным бродилом были рабочие, призывавшиеся во флот, как имеющие ту или иную профессиональную квалификацию.

Прошло 20 лет со времени революции 1905 года, а и до сих пор нет почти ни одной работы, которая давала бы хотя бы простое описание революционных выступлений матросов.

Более или менее хорошо обстоит дело по отношению революционного движения в Черноморском флоте. За последнее время Истпарты на местах и в центре выпустили ряд работ по истории революционного движения в Черном море. Зато в высшей степени неблагополучно обстоит дело по отношению к ревдвижению в 1905—06 годах среди моряков Балтийского флота. Нет ни одной работы, которая, основываясь на документальных данных, на более или менее проверенных источниках, рисовала бы

картину революционного движения среди моряков-балтийцев. В настоящем сборнике нами собрано многое, что известно по отдельным источникам по данному вопросу.

Использованы рефераты, составленные по архивным источникам 5 лет назад сотрудниками Комиссии по систематизации и описанию материалов о революционном движении в Балтийском флоте. Часть работ была опубликована в журнале «Красный Балтиец» [1] (орган политуправления Балтийского флота) в 1920 году. Часть рефератов оставалась под спудом в делах Морской исторической комиссии. Для настоящего сборника все эти работы подвергались коренной переработке. Главный их недостаток состоял в том, что авторы ни на шаг неотступали от материалов департамента полиции, отдельного корпуса жандармов, иногда материалов судных инстанций. Это отразилось в несамостоятельности точки зрения авторов: авторы как будто условились считать деловые бумаги бывших полицейских и судебных инстанций за непререкаемую истину. Это отразилось даже в самом стиле рефератов, изложенных в своем первоначальном виде совершенно канцелярским слогом. Между тем приходится отнестись с особенной осторожностью к делам департамента полиции и охранного отделения, которые, несмотря на своих осведомителей и провокаторов, понятно, действовали часто вслепую. Иногда, по всей вероятности, злостно перевирали. Нет сомнения, указанные источники следовало бы проверить различными способами. В частности, проверить по воспоминаниям участников и организаторов тех или иных революционных выступлений. Но тут вторая опасность: при величайшей добросовестности усилий памяти вспоминающих участников, за 20 лет многие подробности, без сомнения, забылись или спутались. Память часто может повредить даже на близком расстоянии по времени.

Много еще придется поработать, чтобы написать историю восстаний матросов. Но обойти молчанием их прошлую борьбу теперь—в дни двадцатилетнего юбилея первой революции—немыслимо. И мы выпускаем в свет означенный сборник, чтобы дать картину героических восстаний моряков Балтийского флота в 1905—1906 годах.

---

[1] В настоящее время журнал стал библиографической редкостью. Его экземпляры не сохранились даже в краснофлотских библиотеках.

ОТДЕЛ I.

ПЕРВОЕ КРОНШТАДТСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В 1905 ГОДУ.

1. Настроение матросов Балтийского флота в 1904—05 гг.

Первые волнения в Балтийском флоте произошли зимой 1904—1905 года.

Хотя архивный материал еще почти не разработан, но, по описи дел, видно, что отдельные выступления в Либаве имели место, а именно, в порту Александра III [1].

По воспоминаниям участников Цусимского похода имеется сведение, что было совершено нападение на лейтенанта Вильгельмса с броненосца «Адмирал Апраксин», при чем офицер был не то убит, не то тяжело ранен матросом [1]. В деле № 204 Главного морского судного управления имеются приговоры о нижних чинах 36 флотского экипажа: матросах—Громацком, Мартынове, Трепалине, Иванченко, Библия, Шаповалове, Яровенко, Закаталове и кочегаре Парасюке (в Либаве). В деле № 212 — сведения о приговоре за проступки, совершенные в либавском порту, матросах 1 флотского экипажа Григории Лукьянове и Василии Нестерове; в деле № 229 о матросах 6 флотского экипажа Роберте Древвине и Ахменадии Шейхамеславове; в деле № 245 о матросах броненосца береговой обороны «Адмирал Лазарев» Василии Моисееве, Василии Суханове и Филиппе Мельникове (в Либаве). И еще целый ряд дел касается происшествий в Либавском порту, совершенных зимой 1905 года.

Надо заметить, что не только матросы отказывались итти на убой, гибнуть в бессмысленно неровном бою, но и некоторые офицеры. Следует упомянуть корабельного инженера Костенко, которого в то время считали виновником беспорядков, подстрекателем матросов к неповиновению. По возвращении инженера Костенко из японского

[1] В главном морском судном отделении за 1905 год имеется ряд дел за № 11.742, за № 168, за № 171, за № 173.

[2] См. ниже очерк — «Либавские матросы в 1905 году».

плена, он был за это именно арестован. Сами офицеры понимали, что наши корабли, отправляющиеся на войну с гораздо более сильным и усовершенствованным японским флотом, обречены на верную гибель в неравном бою. Теперь доказано с очевидностью, что обо всем этом превосходно знал и сам адмирал Рождественский. Но он не имел мужества отказаться вести наш флот на явно неравную, бессмысленную борьбу, на простое расстреливание, как расстреливают мишень во время учебной стрельбы. Офицеры знали состояние нашего флота, и некоторые из них очень неохотно отправлялись в Цусимский поход.

Во время похода эскадр Рождественского и Небогатова среди матросов происходили волнения. Имелись сведения о приказе повесить 40 человек матросов. Подтверждение этому пока не удалось найти. Да и вряд ли удастся, так как большая часть дел вместе со всеми кораблями Рождественского и Небогатова пошли ко дну. Оставшиеся в живых участники похода Рождественского, в частности упомянутый выше инженер Костенко, делавший доклад в Военно-Морском научном обществе о походе нашего флота в Цусиму, говорит, что Рождественский утверждал смертные приговоры, но не приводил их в исполнение: он считал, что все равно и так все погибнут, потонут в море при первой встрече с японским флотом.

В книге корабельного инженера Е. С. Политовского, изданной после его смерти, имеются некоторые сведения о волнениях среди матросов во время похода от Либавы до Цусимы. Книга эта составилась из дневника и из писем, которые Политовский отправлял своей жене. Приводим эти сведения.

На странице 76 своей книги Политовский рассказывает, что на «Камчатке» оказался дурной уголь, стали убывать пары, корабль отставал. Командир просил сигналом разрешить выкинуть полтораста тонн плохого угля. Адмирал увидел в падении паров злой умысел, а потому уголь выкинуть не разрешил, а позволил «выкинуть за борт злоумышленника».

27 декабря 1905 года, когда наша эскадра подходила к порту Нози-бей, на судне особого назначения под коммерческим флагом «Роланд», был поднят сигнал: «взбунтовалась команда». Миноносцу «Бедовому» было предложено усмирить бунтовщиков и, если потребуется, расстрелять их орудийным огнем. «Бедовый» с такими полномочиями быстро восстановил там порядок, пишет Политовский. Оказалось, что кочегары не желали заменить двух заболевших товарищей. Из-за этого и поднялась вся история.

Очень неспокойно, повидимому, было на транспортном судне «Малайя». Капитан этого судна подал рапорт, что его не слушаются, ругают, обещают убить, держат себя вызывающе, не желают подчиняться никаким судовым правилам. Капитан просил разрешения, если ему не дадут надежного конвоя, носить при себе постоянно заряженный револьвер: «он тогда застрелит всякого, кто не будет его слушаться».

Опасения относительно «Малайи» вполне оправдались. 9 января 1905 года на «Малайе» произошел бунт. Пришлось отправить туда,

вооруженную команду, чтобы арестовать бунтующих. Арестовали четверых, все они были из команды «Малайи». Их развезли по броненосцам, чтобы рассадить по карцерам. После этого, по словам Политовского, бунт на «Малайе» прекратился. Арестованных с «Малайи» решено было, выдержав достаточное количество дней по карцерам, высадить на берег и бросить на произвол судьбы.

Несколько дней до этого на броненосце «Суворов» произошел случай: матрос ругал старшего боцмана, грозил ему и ослушался приказания старшего офицера.

19 апреля на броненосце «Орел» произошли беспорядки. Матросы заявили, что их хотят кормить тухлым мясом. Команда начала волноваться. Приехал адмирал, принялся всех ругать и всем грозить. Политовский указывает, что команда на «Орле» крайне вся «подозрительная». Политовский упоминает, что уже и раньше она вела себя крайне неспокойно. Еще во время нахождения в Либавском порту был случай потопления корабля, были попытки испортить его машины. Политовский считает, что во всем виноват командир: «он на все проступки смотрит сквозь пальцы и мешает тем офицерам, которые желают установить на корабле дисциплину».

Судя по всем письмам и по дневниковым записям, Политовский был человек, что называется, «старого режима». Даже в письмах он весьма нервно откликается на все служебные неприятности, сопровождавщие поход 2 Тихо-Океанской эскадры, в составе которой он шел. В качестве флагманского корабельного инженера Политовский был хорошо осведомлен о всех событиях. Таким образом, всем его сведениям следует в полной мере доверять. И если он, стоявший за тридевять земель от всяких политических вопросов, отмечает, что не все благополучно, то в действительности, надо полагать, было и совсем неблагополучно.

Мы привели только несколько свидетельств «очевидцев». Но и их совершенно достаточно, чтобы не сомневаться в том, каково было настроение матросов. Сведения о положении дел во флот запрещалось печатать в газетах. Правительство боялось дурног впечатления, которое они могли произвести в России и за границей. Поэтому, правительство замалчивало, заминало такие сведения. Только в революционных газетах, печатавшихся за границей, например, в большевистском партийном органе «Пролетарий» печаталось многое, чего нельзя было напечатать в России. В корреспонденции, в № 12 «Пролетария» от 16 августа 1905 г., упоминается именно о том, что главный морской штаб вынудил заграничное телеграфное агентство признать телеграфные сообщения о беспорядках на судах Балтийского флота, отправленных в составе Тихо-Океанских эскадр, вымышленными.

Но все же скрыть истинное положение вещей не удалось. В настоящее время надо считать вполне установленным, что первые волнения, беспорядки, как это именуется на судебно-полицейском языке царизма, среди матросов Балтийского флота действительно происходили.

Именно в последние месяцы 1904 года и в первые месяцы 1905 года, т.-е. во время русско-японской войны, стали усиливаться эти волнения во флоте. Они были вызваны самим царским правительством, поскольку оно вынуждало, вопреки всякому здравому смыслу, отправляться на явно гиблое дело. Всякий честный человек, независимо от своих политических убеждений, прекрасно понимал, что наш флот, технически никуда не годный, со старым оборудованием, не выдержит ни малейшего испытания, погибнет при первом соприкосновении с безмерно более сильным японским флотом. Николай II и его правительство были прекрасно обо всем этом осведомлены, чему имеется множество неопровержимых доказательств. Тем не менее они проявили непостижимо-зверское упорство в этой посылке людей на несомненный убой и расстрел. Подобными действиями царское самодержавие вызывало выступления матросов. Именно русско-японская война и, в особенности, знаменитая Цусима, весть о которой тогда облетела весь мир, послужили сильнейшим толчком к тому, чтобы развязать революционную стихию во флоте.

Ив. Егоров.

2. Либавские матросы в 1905 году.

В октябре 1903 года в Либаве была забастовка портовых рабочих. Для усмирения послали наряд из 1-го флотского экипажа. Офицер Бадягин, при отправке наряда, сказал речь. Смысл ее: бунтовщики, против которых высылается отряд, — враги царя и народа, их надо расстрелять, и наряд должен это сделать по первому командованию.

Матросы молчали. Но они свое дело сделали — предупредили забастовщиков, что стрелять в них не будут, чтобы те спокойно делали свое дело.

Эффект получился поразительный. Начальство стало в тупик.

Той же осенью забастовали рабочие нескольких заводов Либавы. Для усмирения составили наряд из 6-го экипажа. Но матросы наотрез отказались итти.

Офицерство всполошилось. За матросами стали зорко следить.

Между тем об'является русско-японская война, она еще больше революционизирует матросов. К этому времени подпольные организации имели связи с флотом; матросы снабжались революционной литературой. Дисциплина среди матросов заметно понизилась уже к моменту отправки эскадры Рождественского. Больших выступлений однако при этой отправке еще не было. Но отправка эскадры Небогатова сопровождалась острыми моментами. Матросов усаживали на суда с помощью вооруженной силы: чтобы взять из экипажа 5 чел., нужен был конвой из того же числа людей. Но и это не помогало делу—убегали из-под конвоя.

В Потемкинские дни в июле 1905 г. произошло первое большое выступление матросов в Либаве.

Первый сигнал был дан из 1-го экипажа.

Через 20 м. все 4 экипажа, вооруженные винтовками вышли на улицу. Здесь восставшие разбились на 2 группы. Одна в 200 человек отправилась расправиться с офицерами. Последние с семьями во время успели скрыться; попалось два офицера, которые страха ради, присоединились к восставшим; впоследствии они многих выдали.

Другая группа с красным флагом отправилась в город, куда надо было переехать на пароме. Восставшие построились на противоположной стороне и там же расположился выстроенный в боевой готовности Либавский гарнизон. Между сторонами начались переговоры. Войска заявили, что в порт не пойдут, но и матросов в город не пустят. Мы были уверены, что ни гарнизон, ни артиллерия активных шагов против нас не предпримут, но и к нам не примкнут.

В конце концов для усмирения вызвали из Риги драгун. На второй день они были уже в Либаве, угрожая нам пушками. У нас были только винтовки. Мы ясно видели, что силы неравны. Мы не хотели кровавых жертв. Но требования мы все-же пред'явили. Их было 27.

Главные из них: после занятий — чести не отдавать, вежливое обращение офицеров, свободный доступ в те места, где гуляют и офицеры, 5-ти летний срок службы вместо 7-ми летнего и др. Только при обещании удовлетворить эти требования, мы соглашались сдать оружие.

Командир порта, принявший наши требования, обещал на коленях просить царя об удовлетворении их.

Мы сдали оружие. Экипажи заперли, окружили их конвоем. Начались аресты. Днем и ночью работали — уводили матросов. Суду предали 175 человек.

Военно-полевой суд начался 1-го августа. Из Питера приехало 9 защитников, во главе с Н. Д. Соколовым. Председателем был генерал Игнатьев, прокурором — полковник Крамаревский.

11 августа был вынесен приговор: — 8 человек расстрелять, 19 — в каторжные работы, остальных — кому арестантские роты, кому дисциплинарный баталион, некоторых оправдали, смертникам казнь заменили каторгой на разные сроки.

22 августа присужденных на каторгу заковали и отправили в Москву в Бутырки. Только 16 января 1906 г., после вооруженного восстания в Москве, нас отправили в Нерчинскую каторгу в Акатуй.

3. Из партийной печати 1905 года.

а) Волнения в эскадре адмирала Небогатова. Матросов силой гонят в Цусимский поход [1].

«По поводу последних событий в Либаве, Кронштадте и на Черном море, редакции сообщают из совершенно достоверного источника некоторые сведения о составе команды судов Небогатова, сыгравших

[1] Цусима — пролив в Японском море, где в 1905 году погиб русский флот в русско-японскую войну.

такую крупную роль в исходе сражения близь Цусимы а также о событиях в Либаве, предшествовавших отплытию из нее так называемой четвертой эскадры.

«Оказывается, что состав команды внушал правительству самые серьезные опасения еще в то время, когда она стояла в казармах в Либаве. Матросы не имели ни малейшего желания выйти в плавание.

Набранные из разных частей—и из черноморцев в том числе—они были уже в достаточной мере „заражены“ революционной пропагандой. В Либаве среди них постоянно циркулировали прокламации, нелегальные издания, книжки и прочие произведения революционной печати. *Во время январских дней матросы небогатовской эскадры почти примкнули к восставшему пролетариату.*

«Когда наступило время садиться на корабли, небогатовские матросы наотрез отказались выйти из казарм. В первый день местное воинское начальство устроило шумную военную демонстрацию в городе; пехота и кавалерия дефилировали по улицам. Матросам угрожали, что будут в них стрелять. Матросы все-таки не вышли. Тогда на другой день, по приказу из Петербурга, к казармам под‘ехало восемь батарей артиллерии в полном боевом снаряжении. Артиллерия заняла позицию и направила орудия на казармы. Военное начальство ожидало открытого бунта матросов и подготовлялось к правильному сражению. Под артиллерийской угрозой матросы не решились более сопротивляться, вышли из казарм и двинулись на суда. Так отправилась пресловутая четвертая эскадра в свое дальнее плавание.

«Во время пути матросы постоянно нарушали военную дисциплину, и командиры волей-неволей должны были смотреть на все происходившее сквозь пальцы. Нарушения эти носили иногда характер прямых возмущений. Так, однажды один из нелюбимых офицеров был тяжело ранен матросом, и эту историю все-таки замяли. В Индийском океане дисциплина была уже совершенно расшатана. Адмирал Небогатов принялся, как говорят, по совету Рождественского за крутые меры. После одного из восстаний он приказал повесить сорок человек матросов. Среди команды нашлись такие отчаянные люди, которые исполнили это зверское приказание[1]. Небогатов думал, что он вырывает крамолу с корнем. Но эта массовая казнь сразу об‘единила всех матросов: нерешительные стали смелее, поклялись отомстить. Когда наступило время решительной битвы с японцами, на судах Небогатова была провозглашена забастовка всех машинистов, кочегаров, угольщиков и прочего служебного персонала. Машины стали, суда не могли маневрировать. Матросы отказались повиноваться начальникам; повсюду слышались революционные возгласы, пение революционных песен. Офицеры хотели силой принудить матросов к повиновению. Первая такая попытка была встречена решительным отпором матросов; завязалась кровавая борьба, и многие офицеры были убиты

[1] См. об этом выше на стр. 10.

и ранены, были ранены и матросы. Кровь обагрила палубу. Бунт разгорался. Правительственные флаги были спущены, и вместо них взвились революционные красные флаги. Кое-кто из офицеров примкнул к восставшим матросам. Дальнейшие сведения о подробностях сдачи эскадры совершенно совпадают с сообщениями легальных газет».

(Из «Пролетария», № 8 от 17 июля 1905 г.).

б) Что делается в войсках...

«Читатель помнит, конечно, что известие о восстании матросов на некоторых военных судах Балтийского моря и даже о брожении среди них были об'явлены со стороны главного морского штаба „чистейшим вымыслом". В настоящее время телеграфные агентства (заграничные) признаются, что опровержение это было навязано администрацией, вопреки очевидной действительности. Однако, никакие старания о том, чтобы разные неблагоприятные для правительства слухи не доходили даже до корреспондентов иностранных газет, нисколько не помогают.

«Сообщения морских офицеров и других лиц, прибывших в последние дни из Кронштадта, Либавы и Ревеля, по словам французской газеты L'Humanité, совершенно согласуются одно с другим. Несколько дней назад, в самом Кронштадте, напр., матросы, истощенные от гнилой недоброкачественной пищи, выразили протест и в присутствии коменданта разбили артельные баки и стекла в окнах, а затем разгромили и казарму. Адмирал Никонов мог успокоить их только обещанием назначить следствие, которое,— „необыкновенное происшествие!" — восклицает корреспондент французской газеты,— признало законность матросских требований.

«Нечто подобное происходило и в Либаве, о чем, вопреки опровержениям морского штаба, свидетельствует комендантский приказ по гарнизону.

«„В нашей Либаве,—читаем в приказе,—под тем же предлогом (дурной пищи) взбунтовались матросы порта... да, это предлог, а не причина...". А причина, как уже догадался читатель, „в уговорах злых врагов России". Им не сломить русской силы в честном бою (а Дальний Восток?), так они решили устроить смуту и, к горю нашему, добились своего»...

(Из «Пролетария», № 12 от 16 августа 1905 г.).

4. Восстание [1].

Еще весной 1905 года начал волноваться флот. Команды пред'являли требования чисто-экономического характера: об улуч-

[1] Эта глава составлена по материалам, найденным в деле № 293 за 1905 год главного военно-судного управления «по обвинению 208 нижних чинов» (2 отделение III секции ЛЦИА).

шении пищи или выражали недовольство ближайшим начальством. Характерно письменное заявление, поданное матросами главному командиру о снятии запрещения матросам посещать сады, парки и городские скверы; а, главное, об удалении в садах оскорбительных надписей: «Нижним чинам и собакам вход строго воспрещается» [1].

Восстание на эскадренном броненосце «Князь Потемкин Таврический» в Черном море было в июне 1905 г. Весть о нем докатилась до Кронштадта. Как раз в то время происходили беспорядки в порту «Императора Александра III» (в Либаве [2]). Волнение среди морских команд крепло. Моряков поддерживали нижние чины крепостного гарнизона. Среди них было не мало переведенных с южной и западной границы. Солдаты считали себя обделенными путевым довольствием и искали сочувствия и поддержки среди моряков. Все эти вспышки носили стихийный характер и, благодаря деятельности боевых полурот и другим экстренным мерам начальства, скоро ликвидировались. Только 9 июля беспорядки приняли такие крупные размеры, что главный командир Кронштадта, Никонов, просил о высылке кавалерии.

Как раз перед общеполитической забастовкой в начале октября из Петербурга прибыло 120 политически-неблагонадежных матросов, замешанных в беспорядках. Вице-адмирал Никонов два раза рапортовал морскому министру и коменданту Кронштадтской крепости о растлевающем влиянии этих «темных элементов». В тихом до тех пор городе начали появляться, сообщает Никонов, «неизвестные до того личности, видимо имевшие знакомство с этими матросами и студентами, по всей вероятности, агитаторы, которые днем ходили в обществе матросов и гимназистов, а ночью, кажется, уезжали из города». С того же времени в городе стали циркулировать слухи о предстоящем будто бы военном бунте, погроме казенных зданий, истреблении всех офицеров с семьями и проч. Резолюция временно-военного морского суда удостоверяет, что на 30 октября готовилось «восстание против существующего порядка, которое должно было произойти одновременно, как в Кронштадте среди морских и сухопутных команд, так и в Петербурге и других частях империи».

Началось оно с забастовки мужской Кронштадтской гимназии 14 октября. Юные забастовщики принудили прекратить занятия в женской гимназии и реальном училище и устроили в тот же день в своей гимназии митинг. На нем присутствовало много посторонних лиц. Звучали речи самого зажигательного характера. Адмирал Никонов горестно замечает, что все это, конечно, не могло не отразиться на нижних чинах. Но наибольшее влияние оказал на них манифест от 17 октября о «свободах», изданный правительством под напором всеобщей забастовки рабочих.

---

[1] Любопытно, что главный командир велел произвести дознание, правда ли что имеются в садах такие надписи (!). *Ред.*

[2] См. очерк «Либавские матросы в 1905 году».

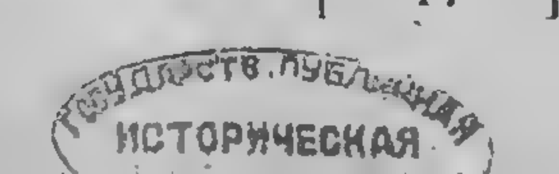
В воскресенье, 23 октября, около морского манежа шумела и волновалась большая толпа матросов, гимназистов и штатских. Она требовала открыть манеж, желая устроить в нем митинг для обсуждения нужд нижних чинов. Вице-адмирал Никонов немедленно прибыл в манеж и начал отговаривать нижних чинов от участия в митинге. «... Их долг, как военно-служащих, запрещает им какие бы то ни было сборища и тем более с партикулярными лицами, которым совершенно чужды все желания и нужды нижних чинов». Больше того, адмирал обещал об‘ездить на другой день все экипажи и команды, опросить через выборных лиц о всех нуждах и ходатайствовать перед высшим начальством об удовлетворении всех законных желаний. Выслушав командира, толпа разошлась.

Вечером того же дня был произведен погром публичных домов, начатый солдатами крепостной артиллерии. Он сопровождался единичными случаями нападения на офицеров; были ранены камнями в голову штабс-капитан по адмиралтейству Скворцов и военный инженер капитан Медведев.

24 и 25 октября адмирал Никонов об‘езжал экипажи и разговаривал с нижними чинами. Многие просьбы казались адмиралу или ненужными, или даже совсем неосуществимыми в настоящее время. Он утешал команды, что уже работает комиссия над различными вопросами улучшения быта моряков, что в скором времени можно надеяться на улучшение пищи, одежды, уменьшение срока службы, строгостей наказаний и проч. В то же самое время адмирал и мысли не допускал, что нижние чины могут рассчитывать на устройство читален и библиотек с книгами технического и научного содержания! Разве можно было разрешить им самостоятельно покупать водку в казенных винных лавках, а не через третьих лиц! Нечего было и говорить, что требования нижних чинов предоставить им полную свободу во внеслужебное время, устроить суд чести на выборных началах,—вообще сравнять права нижних чинов с офицерскими и уничтожить этот изводящий постоянный надзор со стороны начальства—встретили самый резкий отпор со стороны адмирала. «Масса, составляющая войска, сказал адмирал, настолько еще необразована и невоспитана, что просимые льготы им не могут быть предоставлены». Конечно, адмирал не забыл упомянуть заблуждающимся о воинском долге вести себя примерно, повиноваться всем требованиям начальства и «не слушаться злонамеренных лиц, подстрекающих их к нарушению присяги и к производству беспорядка».

Нижние чины отвечали обещанием вести себя хорошо. Но адмирал чувствовал, что это «хорошо» звучало неискренне. Общее настроение команды в некоторых экипажах и отрядах очень не понравилось адмиралу. Брожение не могло окончиться ничем, всю команду захватило общее движение. Под этим впечатлением адмирал Никонов ходатайствовал перед морским министром о высылке в Кронштадт войск.

Но нижние чины Кронштадтского крепостного гарнизона не стали дожидаться прибытия карательных войск. 26 октября 40 че-

ловек солдат из состава 11 роты 2 кронштадтского крепостного батальона самовольно вышли из своих казарм. Было 11 часов утра. Фронтом, под начальством фельдфебеля, восставшие вошли во двор учебно-минного отряда с криками «ура, свобода!» и стали вызывать матросов на сходку. Большая часть нижних чинов отряда находилась на занятиях, а в казармах оставались только дневальные дежурные. Пришлось уйти ни с чем, с обещанием придти около пяти дня, когда команда вернется в казармы. У ворот 5 флотского экипажа восставших встретила новая неудача: дежурных не пропустили. Ничего не оставалось делать, как вернуться в свои казармы, где восставшие были арестованы своим начальством. На Купеческой и Александровской улицах тоже волновалась толпа из матросов, артиллеристов и штатских. Намеревались разгромить винную лавку, но были остановлены тремя боевыми полуротами от флотских экипажей. На вокзале военной железной дороги на Александровской улице стоял поезд для отправки в форт арестованных солдат. Бросаясь камнями, с криками «ура» толпа прихлынула к вагону арестованных с целью их освободить. Составлявшая конвой боевая рота дала залп. Был положен на месте кочегар 4 флотского экипажа Свиридов и ранены один или два матроса. Толпа разбежалась, но матросы, возмущенные смертью товарища, бросились в экипаж за ружьями. Напрасно уговаривал их успокоиться командир 7 экипажа, капитан 1-го ранга Мичурин. Матросы взяли ружья, взломали экипажный арсенал, разобрали по рукам патроны и вырвались на улицу, призывая 4 экипаж отомстить за смерть товарища.

Не было единства между матросами, и поэтому движение не могло принять грозного характера. 4-й экипаж не захотел присоединиться к бунтовщикам и в панике разбежался. Тогда вооруженная толпа ворвалась во двор казарм учебно-артиллерийского отряда. Главный командир распорядился запереть ворота всех экипажей, но ворота разносились в щепы. Значительная часть учебно-артиллерийского отряда вышла на улицу. В своем стихийном беге толпа гасила фонари, разбивала окна в зданиях, поджигала драпировки. 5 и 10 флотские экипажи тоже были призваны присоединиться к бунту. Восставшие ставили вопрос прямо: «кто не присоединится, того застрелим». В 10 экипаже караул дал залп. Толпа отвечала стрельбой из ружей, убила матроса боевой полуроты, вызванной в помощь караулу, и ранила двух чинов из состава караула.

Разломав калитку и стенку, соединявшую двор минного отряда на Павловской улице со двором Морского собрания, восставшие ворвались во двор. Разгромили кухню, выручку и буфет, разбили все стекла в лицевом фасаде Морского собрания, морской библиотеки и в некоторых офицерских флигелях. Затем толпа разделилась на две части: одни с криками и с неорганизованной стрельбой бросились на Песочную и Богоявленскую улицы, другие на Павловскую, громя и поджигая по пути частные дома и магазины. Вызвали пожарных, но моряки перерезали пожарные шланги, мешая тушить огонь. Движение охватывало большую половину всех матросов и из

12 флотских экипажей только 1, 4, 11, 12 и 19 экипажи не примкнули к восставшим. 12 и 19 экипажи еще в начале беспорядков послали боевую полуроту на Александровскую улицу. Позже 19 экипаж охранял морскую центральную телеграфную станцию и здание экипажа.

Возбуждение среди матросов достигло высочайшего напряжения! Адмирал Никонов старался держать их в повиновении, запирая их в казармах. Но когда солдаты и матросы вырывались на улицу, никакая сила не могла их удержать.

Начальство принимало экстренные, но тщетные меры. Еще в начале беспорядков старший флагман 2 флотской дивизии контр-адмирал Беклемишев получил задание устранить беспорядки. Он об'ехал часть улиц, где бушевали матросы, солдаты и штатские. Беклемишев стремился соединиться с отрядом боевых полурот 2 флотской дивизии, под командой капитана 1-го ранга Сильмана, отправленным на Михайловскую улицу. Но соединиться оказалось делом весьма не легким. Беклемишев подвергся оскорблениям. Толпа забрасывала его камнями. Пришлось вернуться ни с чем. В одиннадцатом часу вечера поехал отыскивать отряд Сильмана лейтенант Милинарский, ад'ютант штаба. Он должен был защитить офицерские флигеля и просить у коменданта крепости помощи войскам. На улицах царил мрак, иногда пронизываемый красными языками. Шел разгром магазинов и лавок. Ворота экипажей были распахнуты настежь и дворы наполнены матросами, солдатами и посторонней публикой. Стоял невообразимый шум от криков, битья стекол и стрельбы. Когда толпа увидела лейтенанта Милинарского, послышались свистки, крики: «держи его, бей его, смерть ему!», и в экипаж полетел град камней. Трое людей в форме матросов, из которых один очень молодой и с интеллигентным лицом (повидимому, переодетый гимназист или студент), вскочили на подножку пролетки и на Милинарского обрушились здоровые удары кулаков. Выручила лошадь, в которую попал камень: она сильно рванула и неизвестные соскочили. Еще долго толпа с шумом и криком гналась за экипажем Милинарского. Так и не был розыскан отряд капитана Сильмана. Комендант крепости мог выслать для борьбы с бунтовщиками только полуэскадрон драгун. Правда, толпа при появлении всадников рассеивалась. Но как только драгуны удалялись, снова кипело народное море.

В тот же день начали прибывать войска из Петербурга, и восстание, не имевшее за собой настоящего революционного единения, улеглось само собой.

Надо сказать прямо, что начало восстания застало начальство врасплох; оно сразу растерялось перед грандиозностью движения. Все меры, принятые для подавления беспорядков, были непродуманы, несогласованы, принимались наспех, больше для очистки совести, чем с надеждой на успех. На все вопросы командовавшего боевой полуротой начальник штаба отвечал: «идите, куда вас посылают, и делайте, что надо». Роль боевых полурот свелась к равнодушному

хождению по улицам. Командовавший боевой полуротой капитан 1-го ранга Сильман доносил, что он был неуверен в своих нижних чинах и потому не отдавал приказания стрелять в буйствовавшую толпу; могло ведь случиться, что команда отказалась бы исполнить это приказание. Общая растерянность начальства усугублялась еще раздорами между морскими и сухопутными властями; они взаимно старались свалить друг на друга ответственность за возникшие события. Сухопутное начальство уверяло, что зачинщиками были моряки, а морское во всем обвиняло солдат,—и оба вместе согласно взывали только о скорейшей присылке войск из Петербурга.

Начальство воспрянуло духом лишь после восстания. Усиленной строгостью оно наверстывало свою недавнюю бездеятельность. По распоряжению коменданта крепости, все отсутствовавшие почему-либо из экипажей, отрядов или с судов в ночь с 26 на 27 октября, а также все раненые за это время и находившиеся на излечении в Николаевском морском госпитале (их набралось около ста человек) были взяты на учет, как участники восстания. Раненых содержали в арестантском отделении, под строгой охраной, вне всякой связи с другими больными. Если бы при госпитале не оказалось арестантского отделения, было приказано выделить всех нижних чинов, раненых ночью, в отдельную палату под охраной вооруженного караула. Однако, этого распоряжения старший врач госпиталя не выполнил, так как здоровье раненых подверглось бы большой опасности. Зато всех здоровых арестованных матросов разместили на форту «А» и на учебных судах «Воин» и «Верный», предусмотрительно отведенных вглубь гавани, подальше от берега, и в военно-морской следственной тюрьме.

Положение арестованных нижних чинов было очень тяжелое, особенно на судах. Скученные в полутемных, невыносимо душных и сырых трюмных помещениях, матросы могли выходить оттуда только на очень короткий срок, — чтобы пройти в уборные, находившиеся наверху, на палубе, или взять что-либо из своих вещей (за неимением мест в трюме, все сундуки нижних чинов были сложены на верхней палубе). Для каждого выхода наверх надо было непременно спрашивать разрешение, и арестованные нижние чины отпускались на палубу небольшими группами по 3—5 человек под конвоем часового. Эти коротенькие прогулки являлись единственной возможностью подышать свежим воздухом; специально на прогулки не выпускали, так как не хватало караула. Судовые врачи неоднократно отмечали гибельное влияние на здоровье арестованных недостатка воздуха, но начальство старалось построже наказать виновных и вовсе не склонялось к гуманности. Арестованным не давали обычной морской порции вина и даже запрещали курить. Это, само по себе, для привычных курильщиков, являлось огромным лишением. В трюмном помещении на человека приходилось всего 0,28, т.-е. около $^1/_4$ куб. саж. воздуха вместо положенных 1—1$^1/_2$ куб. саж. Лишенные воздуха, света, изнывая от неподвижной жизни, не имея даже возможности переменить белье (экипажи очень долго не посылали арестованным ни рабо-

чего платья, ни белья, пока не установили, где кто находится) — томились виновные и безвинные матросы. Следствие подвигалось очень медленно, хотя к военно-морскому следователю, производившему дознание, было прикомандировано в помощь несколько человек офицеров. Только 5 ноября, например, пришло распоряжение освободить 17 человек матросов, содержавшихся под арестом в первой северной казарме, так как против них не нашлось никаких данных для обвинения их в участии в беспорядках. Многих освободили еще позднее.

Арестованные стали хиреть и заболевать. Из-за плохого питания у них начало быстро развиваться истощение и изнурение организма. Люди неохотно ели невкусную, без всякого навара или крепости, пищу из тощего сибирского мяса. Недостаток воздуха губительно отзывался на легких: появилась чахотка. Из-за отсутствия света ослабело зрение, участились случаи трахомы. Наконец, вследствие скученности и недостаточной чистоты, появились и накожные заболевания: — чесотка. Вши и блохи поедали заключенных.

Командиры обоих судов, «Воин» и «Верный», неоднократно подавали рапорты по начальству. В результате, арестованных перевели на крейсер 1-го ранга «Князь Пожарский», с целью произвести основательную дезинфекцию обоих кораблей. Наконец то всех арестованных перемыли в бане, отправляя их туда поочередно, партиями в 35—40 человек, под усиленным конвоем, а платье, белье и вещи подвергли дезинфекции паром. Но эти меры только ненадолго облегчили положение арестованных. Их жизнь на «Князе Пожарском» протекала в тех же антигигиенических условиях. Несмотря на то, что теперь арестованных каждые две недели водили в баню, они не могли избавиться от паразитов. Судовой врач крейсера неоднократно заявлял начальству, что все эти условия гибельно отражаются на здоровье матросов. Эти рапорты и наступление холодов поспособствовали переводу части арестованных в морской арестный дом. Туда же были переведены и арестованные на форту «А» нижние чины в числе 208 человек. Для наблюдения за ними были назначены 4 кондуктора и 8 унтер-офицеров. Затем начальство занялось вопросом о сохранности оружия, находившегося на судах, кончавших к этому времени кампанию. После долгих обсуждений и сношений морских властей с сухопутными, было решено сдавать ружья с этих судов и из экипажей в арсенал.

С целью установить более точно, кто именно из арестованных нижних чинов является участником беспорядков 25, 26, 27 и 28 октября, всем экипажам, отрядам и судам было предложено подать списки нетчиков за эти дни.

Полученные данные в некоторых случаях послужили основанием для освобождения нечаянно забранных нижних чинов. С другой стороны, некоторые командиры включили в списки подлежащих аресту «людей неблагонадежных и несоответствующих духу дисциплины».

Однако, высшее морское начальство весьма сдержанно относилось к таким поступкам командиров и иногда резко отклоняло ходатайства об аресте «дурного элемента». Сухопутное же начальство обращало особое внимание на списки «неблагонадежных» и утверждало их аресты. Обратили внимание и на то, что офицеры очень редко бывают в экипажах. Главный командир издал приказ о непременном пребывании офицеров в экипаже с поочередным увольнением не больше половины офицеров для обеда и ночлега, по усмотрению начальников частей.

Всего за время беспорядков было ранено, по данным госпиталя, 81 матрос, из них 6 умерло, убито 10 человек; солдат ранено было всего 12 (убитых нет совсем), из гражданского населения—17 раненых и 1 убитый. Как и в других революционных выступлениях, флот был впереди и понес самые тяжелые потери и наказания.

Кронштадт долго еще не мог успокоиться после пережитого за 26 и 27 октября. Время от времени обнаруживались признаки глухого брожения. Так, 12 ноября на дворе штаба порта, в ефрейтора 2 Кронштадтского крепостного пехотного батальона Петрова был сделан выстрел, при чем пуля пробила заднюю шину велосипеда. Виновник или виновники так и остались необнаруженными. Через три дня после этого в одном из экипажей нашли прокламацию. Как она туда попала, и кто ее принес, осталось невыясненным. Не прекращалось также и брожение в тюрьме среди арестованных, где более сознательные матросы вели агитацию среди товарищей. 17 ноября временно заведующий 7 флотским экипажем на форте «А» рапортом просил об удалении отсюда в какое-либо другое арестное помещение матроса своего экипажа Василия Лоткова, «в виду его вредного влияния на команду». Все эти проявления революционного духа очень тревожили начальство: опасались нового революционного пожара.

Военно-морской суд привлек за участие в беспорядках 223 нижних чина флота. 13 человек были освобождены от суда по соглашению прокурорского надзора с морским начальством, 2 должны были нести ответственность за участие в совершенном политическом преступлении. Таким образом, с 21 января по 19 марта 1906 года на скамье подсудимых военно-морского суда Кронштадтского порта сидело 208 человек. Им всем было пред'явлено обвинение в явном восстании. Однако, суд признал наличие этого преступления только за 41 человеком. Остальные обвинялись в более легких проступках: в кражах во время беспорядков, не оказании должного уважения начальству, самовольной отлучке и проч. Поэтому наказания, наложенные судом, носили пестрый характер: от бессрочной каторги до увольнения в дисциплинарном порядке. Кроме того, 84 человека были оправданы судом по недоказанности пред'явленного к ним обвинения. Адмирал Никонов слагал главную вину на заводских и фабричных рабочих, которыми комплектовался состав учебно-минного, учебно-артиллерийского отрядов и 7 флотского экипажа. Как раз перед 1905 годом в эти команды попало много мастеровых с петербургских заводов, уже закалившихся в забастовках и беспорядках.

В дальнейшем, морской министр и главный военно-морской прокурор представили доклад на высочайшее имя о неравномерности наказаний, понесенных нижними чинами флота по сравнению с наказаниями, наложенными за то же самое на нижних чинов сухопутного ведомства. Они добились, что наказания были смягчены, так как этого требовало возбужденное состояние флота[1]. Надо было всеми мерами успокоить матросов.

5. Из воспоминаний матроса А. Котлова о восстании в Кронштадте в 1905 году.

Матрос, т. А. Котлов, после кровавого усмирения семеновцами восставших матросов, должен был скрываться от шпиков и охранки. У меня в те годы находили желанный приют все искавшие убежища, будь то бежавший из Якутки, скрывающийся ли от ищеек-жандармов, вынужденный ли перейти на нелегальное положение, — всех партия (с.-д.) посылала ко мне. Одним из таких скрывающихся был товарищ Котлов.

В долгие вечера он мне рассказывал о пережитых событиях в Кронштадте. Рассказывал он увлекательно, ярко рисуя события, как до, так и после вооруженного выступления. Тогда я предложил ему записать все, что он сам пережил и наблюдал в те исторические дни. Тов. Котлов охотно согласился. По окончании записи мы с ним расстались, так как, по своей кипучей революционной натуре, он не мог долго сидеть спокойно. Насколько память мне не изменяет, он уехал к черноморцам делать свое большое дело. С тех пор прошло семнадцать лет. За это время мы пережили войну, революцию, гражданскую войну. Но имени т. Котлова я нигде не встречал. Жив ли он, остался ли верен красному знамени революции, погиб ли в революционной борьбе, — я не знаю. Если жив, и его же воспоминания попадут ему на глаза, прошу отозваться. Если погиб, пусть эта страничка послужит красным венком на могилу революционного бойца, каковым я и многие другие знали т. Котлова по кронштадтским событиям. И пусть новое поколение матросов, которые имеют счастье на протяжении восьми лет ковать великое дело революции, запишет на скрижалях истории революционной деятельности Балтфлота, среди других солдат революции, и честное имя матроса т. А. Котлова[2].

Е. Каль.

---

[1] Таковы данные, извлеченные из дела Штаба Кронштадтского порта, ад'ютантского стола, за № 22 за 1905 г. (Кронштадтский архив, № 152), и из секретного дела того же Штаба, ад'ютантского отделения, за № 24 за 1906 г. (Кронштадтский архив № 2).

[2] Печатая воспоминания т. А. Котлова, я старался сохранить, где только возможно, стиль и слог автора, добавляя кое-что из своих воспоминаний, на основании рассказов того же т. Котлова.

Е. К.

17 октября 1905 года застало меня в Петербурге за решеткою 8 флотского экипажа. Лейтенант Невражин, отправляя меня в тюрьму, язвительно заявил: «приготовься к отправке в дисциплинарный баталион, эдак года на полтора и больше». В ночь с 16 на 17 октября, около часу ночи, мимо казарм 8 флотского экипажа проехали на моторах студенты и рабочие. Они кричали нам:

«Товарищи, скоро будете на свободе!».

Этот радостный, ликующий крик революции долетел и до темного карцера, куда меня посадили за протест против грубого обращения с арестованными.

По правде сказать, я не очень-то верил рассказам товарищей об амнистии политическим. Все-таки ждал наступления утра с большим нетерпением. О сне в эту ночь никто и не думал. Пришедший рано утром дежурный офицер подтвердил слух и рассказал мне, что выпущен манифест. Прочитав нам его, офицер тут же добавил, что манифест нас не касается и мы от него никакой пользы иметь не будем. А вот, по окончании службы и мы сможем воспользоваться всеми благами, о которых говорилось в манифесте. На это я заявил офицеру, что его замечание не верно. Из текста видно, что свободы касаются всех граждан России, будь они на службе или вне службы. Офицер, ничего не ответив, резко повернулся и вышел. А мы лишний раз убедились, как офицерство недовольно даже и таким куцым манифестом.

Еще бы! Ведь так или иначе, безнаказанному мордобитию будет положен конец.

Около 7 часов вечера издали стали доноситься песни свободы. С каждой минутой пение становилось все слышней и слышней. Вот мощное «ура» и «Вы жертвою пали в борьбе роковой» раздаются под самыми окнами тюрьмы. К зданию тюрьмы подошла грандиозная демонстрация рабочих, солдат и матросов с красными знаменами и с пением революционных песен. Демонстранты требовали нашего освобождения. Но экипажное начальство отказалось удовлетворить это требование, пояснив, что без разрешения коменданта, оно не может освободить заключенных.

— Сумели посадить — умейте и освобождать сами! — кричали рабочие...

Вызванные на помощь тюремной администрации две сотни казаков положили конец требованиям демонстрантов.

Так просидели мы до 21 октября, когда нас по амнистии и освободили. Командир 8 флотского экипажа капитан 1-го ранга Яковлев заявил нам, что мы немедленно будем отправлены в Кронштадт. На дворе уже было заготовлено много подвод, на которые накладывались сундуки матросов. На все наши расспросы отвечали незнанием, и только в казарме мы узнали, что командир собрал из 8, 14 и 18 флотских экипажей всех политических неблагонадежных для отправки в Кронштадт. Таких оказалось 140 человек. С пением революционных песен мы двинулись к Балтийскому вокзалу для отправки через Ораниенбаум.

В Кронштадте.

Я и некоторые товарищи попали в первую роту 5 флотского экипажа. Настроение команды, как морской, так и сухопутной, было сильно приподнятое. На происходящих в Кронштадте многочисленных митингах собиралось много матросов. Речи ораторов выслушивались с большим вниманием. Залы не в состоянии были вмещать всех желающих попасть туда. Все более или менее сознательные матросы, находящиеся в это время на караулах, часто просили не ходивших товарищей заменять их, отдавая за каждый час два. Побывавшие на митингах приходили в казармы и подробно рассказывали несознательным товарищам о всех речах и постановлениях на митингах.

22 октября в 5 часов вечера начался митинг в большом манеже. В самый разгар речей ораторов в манеж прибыл главный командир Балтийского флота вице-адмирал Никонов, который стал с тревогой расспрашивать отдельных матросов о причинах митинга, и чем они, в сущности, недовольны. Один матрос, при одобрении окружавших его товарищей, нарисовал картины матросской жизни на судах и на суше, издевательство над нижними чинами офицеров, мордобитие, качество харчей и прочие прелести казарменной жизни. Никонов выслушал молча, покачал головой и покинул манеж. Тем временем и митинг уже заканчивался. Матросы стали расходиться по казармам с пением революционных песен.

23 октября адмирал Никонов с самого раннего утра начал об'езд флотских экипажей. Всюду он просил раз'яснить ему, через выборного от команды, причины недовольства и возбуждения матросов. Как будто бы он сам не знал причины недовольства матросов! Прибыв к нам, в казарму 5 флотского экипажа, адмирал Никонов обратился к матросам с тем же предложением, но, не доверяя искренности адмирала, вся команда вышла на двор. На вторичное предложение начальника матросы отвечали полным молчанием. Естественно, никому не хотелось быть отмеченным адмиральским оком, но, в конце концов, я не удержался и выступил вперед. Матросы большой гурьбой окружили меня.

— Можешь говорить и высказывать о всех матросских нуждах и обидах. Я тебе гарантирую полную безопасность, — заявил Никонов.

— Мы обижены кругом, ваше превосходительство. С нами обращаются хуже, чем со скотиной. Офицеры никогда ласково не поговорят, а всегда норовят с грубостью, чтобы тебя как можно сильней обидеть, задеть твое человеческое достоинство. Многие позволяют себе не только грубости, но и мордобитие, а вдобавок еще наказывают выше своей власти. Не только сами наказывают выше меры, но и безнаказанно разрешают еще своим подчиненным, а фельдфебелям прямо приказывают: «бей их, сукиных сынов, побольше и пошибче!» В случае же кто-

либо вздумает сопротивляться, фельдфебелям приказано немедленно же докладывать о сем господам офицерам.

Высказал это я главному командиру, смотря ему в упор, в глаза, а он смотрел и наблюдал за толпой матросов: мол, какое впечатление производит на них моя речь. Матросы громадной толпой стояли кругом, и по глазам их я видел, что они мной довольны.

Главный командир, по окончании моей речи, ответил, что все то, что я высказал, — неверно. Он никогда не поверит, чтобы благородные офицеры сами били, да еще приказывали бы фельдфебелям бить матросов.

— Верно, верно сказывал Котлов! — раздались голоса матросов в ответ на замечание Никонова.

Тогда я опять выступил и рассказал следующее:

— Вот вам, ваше превосходительство, яркий пример: фельдфебель третьей роты 5 флотского экипажа Коковихин избил матроса Буланова на молитве 22 октября только за то, что он запел первый молитву, без разрешения его, фельдфебеля. Далее, фельдфебель 10 роты 10 флотского экипажа избил сразу троих матросов, причем одного так сильно, что пришлось его отправить на излечение в Николаевский госпиталь, другого пришлось положить в экипажный лазарет, третьему же фельдфебель перебил барабанную перепонку. Разве после всех этих безобразий фельдфебель был привлечен к ответственности, или получил ли он хоть выговор! — нет, битье это прошло безнаказанно! А господа офицеры благодарили фельдфебеля за усердие, он получил от них же на водку и разрешение три дня после этого гулять и пьянствовать.

Опять адмирал Никонов высказал свое сомнение насчет рассказанного мною. Тогда я предложил ему опросить команду. И команда в один голос крикнула:

— Правда, верно сказывал Котлов, спасибо Котлову за правду-матку!

Не довольствуясь подтверждением команды, адмирал Никонов выразил желание лично увидеть матроса с перебитой барабанной перепонкой. Товарищи матросы быстро разыскали его, и искалеченный матрос предстал перед адмиральские очи. И только тогда, когда матрос плохо расслышал вопросы, адмирал убедился, что ему сказали правду.

К моменту допроса матроса в экипаж стали с‘езжаться командиры экипажей и другие офицеры. После допроса между мной и адмиралом произошел следующий разговор:

— Скажи-ка, голубчик, а тебя никто не бил?

— Пока еще нет. Но если бьют моих товарищей по службе, то у меня нет никаких гарантий, что и до меня дойдет очередь.

— Как зовут твоего экипажного командира, и каково твое мнение о нем?

— Вот мой экипажный командир, капитан 1-го ранга Князев. Я могу прямо ему в глаза сказать, что он не похож на других

офицеров; и за его отеческие попечения о матросе все товарищи его прямо-таки благословляют.

На вопрос адмирала Князеву — знает ли он меня, Князев ответил, что я матрос его экипажа, никогда под замечанием не был и считался одним из исправных матросов. Далее адмирал приказал находящимся тут же командирам 5 и 10 флотских экипажей уволить своих фельдфебелей, на что командиры, взяв под козырек, ответили: «слушаю-с». Не довольствуясь этим, адмирал Никонов предложил мне назвать фамилии тех офицеров, которые, по мнению матросов, считаются плохими.

Я ответил:

— Одним из плохих офицеров я и многие матросы считают лейтенанта Невражина. На сделанное мне однажды замечание в грубой форме я, в свое оправдание, пытался ему сказать несколько слов, но он не дал мне и слова сказать, а за мою попытку приказал отвести меня в карцер. Я все-таки продолжал настаивать на том, чтобы он меня сначала выслушал. А он накинулся на меня пуще прежнего с криком: «молчать, мерзавец, не то я тебе, сукину сыну, пущу пулю в лоб!» На это я ему опять-таки спокойно говорю: «ваше благородие, убейте меня, расстреляйте меня, но все-таки выслушайте сначала». Этот ответ еще пуще разозлил лейтенанта Невражина, и он уже закричал не своим голосом: — «если еще (выругал меня по матерному) будешь разговаривать, — я тебя, мерзавца, прохвоста, задавлю, петлю одену на твою собачью шею!». В ответ на эту третью угрозу, я им опять сказал: «все-таки выслушайте меня сначала, а потом давите, режьте, стреляйте...» Замахнувшись на меня хлыстом, он от удара все-таки воздержался, но приказал немедленно же отправить меня в строгий карцер и тщательно обыскать, чтобы я не взял с собой ничего с‘едобного.

И опять адмирал Никонов высказал сомнение в справедливости рассказанного, и опять я призывал в свидетели команду, которая прибыла вместе со мной из 8 флотского экипажа.

После этого я спросил главного командира:

— Ваше превосходительство, позвольте вас спросить, — имеет ли право командир экипажа наказывать матроса за один и тот же проступок, если вообще это проступок, четырьмя наказаниями?

На это адмирал ответил:

— Нет, не имеет права.

— А вот командир 12 флотского экипажа капитан 1-го ранга Сильман за один час бытности нетчиком наказал матроса: 1) на 8 суток усиленного карцера, по уставу, 2) на 8 месяцев матросского оклада 2 степени, 3) неувольнение со двора на 2 месяца и 4) лишил билета на право хождения после поверки навсегда.

Адмирал заметил, что бывший главный командир Казнаков за нетчика сажал на 30 суток в башню. Но я ему возразил, что 30 суток башни равняются 8 суткам усиленного карцера, но при чем же тут еще три наказания? И главный командир вынужден был согласиться, что все мои возражения вполне основательны. Между

тем в приказе по экипажу об'явлены именно эти четыре наказания за одно лишь преступление.

Всю эту беседу матросы слушали, затаив дыхание, командиры же экипажей и присутствовавшие офицеры были крайне недовольны разговором главного командира со мной.

Вот как можно заставить не только простых выскочек из офицеров, но и главного командира и говорить, и признать свои неправильные поступки по отношению к «серой скотинке»—солдату.

Воспользовавшись случаем и разговорчивостью главного командира, я перевел нашу беседу на хозяйственно-экономическую почву и нарисовал ему картину обкрадывания на харчах несчастных матросов, которым приходится, в буквальном смысле слова, если не присылают из дому, вести жизнь впроголодь.

Так, в общий бак с водой, именуемой супом, кладут не более двух картофелин, при чем одна картофелина попадает в ложку дежурного офицера, когда он приходит пробовать пищу, вторая картошка забирается теми, кто ближе знается с поваром, а вся остальная команда лишь мысленно кушает картофель. Далее я заявил командиру, что из санитарно-гигиенических соображений необходимо каждому матросу выдавать тарелки; это дало бы также возможность каждому матросу следить и требовать свою порцию.

Что же на это ответил командир? Он с насмешкой спросил—не надо ли еще каждому матросу белых салфеток?

Эта глупая насмешка главного командира вызвала улыбки на губах «благородных» офицеров, а я ему серьезно ответил, что если салфеток нет, то можно к каждой стороне стола прикрепить по белому холсту. Главный командир тут же обратился к матросам с вопросом — желают ли они кушать из тарелок и нуждаются ли в салфетках? Задавая в такой форме вопрос матросам, главный командир заранее знал, что он получит желательный ответ, так как он рассчитывал на малосознательность матросов. И в данном случае он не ошибся. Матросы ответили отрицательно. Но это не важно. Мне важно было дать понять «их благородиям», что и среди матросов находятся люди, которые знают, как надо кушать, и что полезно, и что нет. Далее я отметил, что дежурные офицеры опрашивают обедающие команды, довольны ли они едой. Но никто не выступит и ничего не скажет, так как все смельчаки, которые жаловались на плохой стол, немедленно же отправлялись в карцер. И матросы, до октябрьских событий, вынуждены были гнуть шею и терпеливо сносить все невзгоды солдатской жизни. Но теперь, когда об'явлен манифест, и за каждым гражданином признается право на некоторую свободу, матросы в праве надеяться, что к их голосу командный состав будет прислушиваться, и все издевательства над матросами канут в Лету. Тогда, быть может, и офицерство не будет таким бесчувственным, каким оно было до сих пор.

Очевидно командиру надоело выслушивать правду от нижнего чина: он, не промолвив ни слова, при наступившей тишине, в сопровождении офицеров и командиров экипажей, покинул казарму.

На матросов же посещение главного командира и более чем часовая беседа со мной произвели сильное впечатление. Долго еще после ухода начальства матросы обменивались мнениями о происшедшем. Более сознательные товарищи подходили ко мне и крепко жали руку. По мнению многих я должен был приготовиться к мести со стороны офицеров и фельдфебелей.

Первая кровь.

23, 24 и 25 октября повсюду продолжались митинги, на которых ораторы подробно обрисовывали политическое положение вещей и предлагали не верить царским куцым обещаниям, а самим, с оружием в руках, добиться настоящей народной свободы. Все подобные лозунги встречались бурными аплодисментами аудиторий, состоящих исключительно из солдат, матросов и рабочих.

26 октября сухопутная команда со своим фельдфебелем выстроилась и направилась к флотским командам с просьбой поддержать их, так как им уже невмоготу стало терпеть: обращение начальства с каждым днем ухудшалось. К моменту прихода восставших, флотских в казарме было очень немного: кто занят в классах, кто на судах. Поэтому в тот момент никто не вышел к ним. По возвращении в казармы сухопутная команда была почти вся арестована и предназначена к отправке на форты по железной дороге. Флотские и другие матросы группами стали собираться у железной дороги, чтобы не допустить отправки на форты товарищей. Около пяти часов, когда поезд с арестованными хотел, было, тронуться, матросы задержали паровоз и не давали поезду двигаться. Для водворения порядка была пригнана рота солдат во главе с офицером. Последний немедленно отдал приказ стрелять в матросов, препятствующих отправке поезда, но солдаты отказались исполнить преступный приказ — стрелять в своих же братьев. Тогда офицер выхватил у первого попавшегося солдата винтовку и произвел несколько выстрелов боевыми патронами. Оказались убитыми два матроса, два солдата; несколько человек получили контузии и поранения. Во время суматохи поезду с арестованными удалось отправиться, возмущенные же матросы вернулись в казармы.

Первая пролитая кровь невинно погибших товарищей вызвала большое возмущение среди всего гарнизона Кронштадта. В тот же день многие команды вышли из казарм и находились на дворах. Более слабые колебались, но, по требованию товарищей, вскоре и они покинули казармы.

Ворота всюду были наглухо заперты, чтобы никто из матросов не мог выйти на улицу. Но команда минного отряда выломала ворота и вышла на Павловскую улицу. Эта же команда помогла выломать ворота и в других экипажах; остались целыми ворота в 1 флотском экипаже, где вся команда уже находилась во дворе в полной боевой готовности. Вышедшие на Павловскую улицу команды учебно-минного и артиллерийского отрядов 3, 5 и 10

флотских экипажей прошлись стройными рядами с пением марсельезы и других революционных песен. Когда же в $8^{1}/_{2}$ часов вечера горнисты и барабанщики пробили сбор на проверку, все вернулись мирно в казармы.

Командир 5 флотского экипажа находился все время среди команды и даже обходил лично по ротам. Он советовал товарищам, во избежание насилий со стороны других команд, добровольно выйти из казарм во двор. В это время, действительно, команда минного отряда подходила к нашей казарме и требовала, чтобы мы также выходили бы на двор, грозя в противном случае заставить нас силой. Я в это время находился на посту дневального и перед вступлением на дежурство у меня произошел крупный разговор с фельдфебелем, в присутствии командира. Фельдфебель назначил меня после проверки на дежурство к белым воротам, но у меня не было шинели, ленточки и ремня (вещи эти у меня отобрали в 8 флотском экипаже); поэтому я потребовал, чтобы мне предварительно выдали обмундирование, а также кровать с постельным бельем. Но фельдфебель не обратил на мои требования никакого внимания, настаивая лишь на исполнении приказания. Что же касается спанья, то он указал мне на пол и велел спать, где угодно. Пришлось одолжить у товарища шинель и фуражку.

К моменту моего вступления в дежурство к воротам, последние были уже выломлены. Пользуясь выломленными воротами, команды всех экипажей, после вечерней молитвы, гурьбой стали выходить на Павловскую улицу, где собирались группами и делились впечатлениями дня, распевая марсельезу и «Вы жертвою пали». Постепенно вся улица около казарм оказалась запруженной матросами. Образовались импровизированные митинги. С речами выступали исключительно матросы. Все ораторы указывали, что главный командир не исполнил своего обещания выхлопотать у высшего начальства удовлетворение требований, пред'явленных ему матросами, хотя срок выполнения был им обещан 30 октября.

— Мы видим, — говорил один матрос,—что, вместо улучшения нашего положения, в Кронштадт пригнали две роты драгун. Как вы думаете, товарищи, драгуны эти присланы для улучшения или для ухудшения нашего положения? Я полагаю, что их прислали для того, чтобы сбить с нас спесь и умерить наш пыл так, чтобы раз навсегда забыть о необходимости улучшить жизнь. Доказательство на-лицо. Еще до того, как главный командир дал слово исходатайствовать для нас улучшение жизни, нас били до полусмерти, а после слова, данного командирам, наших товарищей убивают наповал. Раньше избиваемых насчитывалось около 3%, а теперь ежедневно кого-нибудь да и отправляют на тот свет. Вот каких милостей и снисхождения, вместо улучшения жизни, мы добились от нашего начальства!

В общем, матросы единодушно требовали увода из города драгун и другой вооруженной силы, призванной для их усмирения, а также отмены расстрела для арестованных.

Стрельба пачками.

В самый разгар митинга издали показались драгуны. Они летели прямо на толпу невооруженных матросов. Последние разбежались в разные стороны и прятались во дворах экипажей и частных домов. Драгуны скрылись за переулком, и все матросы опять высыпали на Павловскую улицу; тут-то неизвестно откуда и в кого началась стрельба. Возмущенные стрельбою матросы бросились в казармы с целью вооружиться для самообороны. В казарме 5 флотского экипажа все винтовки, по распоряжению находившегося там командира, были убраны неизвестно куда. Поэтому матросам пришлось выйти на улицу без оружия. Команды же учебно-минного и артиллерийского отрядов вооружились винтовками и запаслись большим количеством патронов.

Мне, стоявшему в это время у ворот Павловской улицы на дежурстве, также хотелось примкнуть к выступлению, но я не считал пока возможным нарушить дисциплину. Приходилось временно удовлетворяться ролью зрителя. Около 11 часов вечера со стороны стрельбища послышалось пение марсельезы. Вскоре показались вооруженные матросы минного и артиллерийского отрядов, стройными рядами приближавшиеся к нашим казармам. В тот момент, когда одна часть команды вышла на Павловскую улицу, а другая еще находилась за стрельбищем, так что середина шествующих находилась на повороте, из окон казарм 1 пехотного кронштадтского батальона открылась стрельба пачками по направлению идущих матросов. Неожиданный обстрел заставил матросов, несмотря на их вооружение, главным образом из-за темноты, так как был уже двенадцатый час вечера, рассеяться. Но часть матросов 7 флотского экипажа не растерялась и начала отстреливаться; этот обстрел не принес нападавшим никакого вреда, так как они находились под прикрытием казарменных стен. Передняя часть матросов бросилась бежать по Павловской улице, мимо казарм 1 флотского экипажа, откуда опять-таки по убегавшим началась усиленная стрельба. Впоследствии выяснилось, что в них стреляли драгуны, укрывшиеся за забор экипажного двора, где в этот момент матросов не было. Надо полагать, что драгуны попали туда не без помощи нашего начальства. Убегавшие матросы находили убежище во дворах 5 и 10 флотских экипажей, у ворот которых стоял я на дежурстве.

Матросы из 7 флотского экипажа рассказали мне следующее:

— Когда у нас в казарме узнали, что на Северном бульваре во время разгона толпы оказались убитыми два человека, то матросы заволновались. Особенно возмущался уважаемый всеми нами матрос Булавский, который за свою революционную деятельность, в течение семи лет службы, на свободе был не более семи месяцев: остальное время он просиживал за разные выступления в тюрьмах. Товарищ Павел Булавский указал нам в горячей речи, что дольше терпеть нельзя, что мы не должны спокойно смотреть, как наших товари-

щей безнаказанно ежедневно убивают. Товарищ Булавский призывал всех вооружиться и пойти отомстить нашим палачам. Выйдя вооруженными на улицу, матросы примкнули к также вооруженным винтовками матросам из минного и артиллерийского отрядов и совместно направились к Павловской улице. Вот тут-то их начали обстреливать со всех сторон. В результате много товарищей было убито и тяжело ранено.

Провокационные поджоги и грабежи.

В дальнейшем произошло весьма прискорбное событие; оно легло позорным пятном на часть несознательных матросов. С самого начала волнения ко всем выступлениям матросов примкнули разные отбросы общества, преимущественно из хулиганов и черносотенцев, которые не прочь в суматохе поживиться на чужой счет. Многие же были специально подосланы охранкой, с целью спровоцировать выступления матросов и набросить грязную тень на честные революционные выступления.

Втесавшись в мирное шествие матросов, хулиганы, воспользовавшись возникшим смятением во время стрельбы, бросились поджигать дома и в первую голову разгромили казенку, находящуюся на Владимирской улице. Небольшая часть матросов также не удержалась от этои пагубной затеи и присоединилась к хулиганским выступлениям черносотенцев и провокаторов. В пьяном виде хулиганы бросились грабить и поджигать дома. Вскоре квартал представлял море огня. В воздухе висела отборная ругань хулиганов. К этому присоединилась еще беспорядочная стрельба выпивших матросов и провокаторов.

Более же сознательная часть матросов и несколько пехотных солдат направились освобождать из карцера товарищей 5 и 10 флотских экипажей. К моменту прибытия их в казарму, к ним вышел экипажный командир 10 флотского экипажа капитан 1-го ранга Андреев, который в резкой форме потребовал их удаления. Один из выступивших товарищей потребовал освобождения арестованных, на что Андреев ответил, что арестованные сами не желают выйти на свободу. Товарищ Мокеев потребовал, чтобы это желание подтвердил делегат от арестованных товарищей. Капитан Андреев бросился бежать по направлению к карцеру. Команда пустилась за ним вдогонку, стреляя в него, но пули, к сожалению, попали не в Андреева, а в совершенно невинных часовых; из них один оказался убитым. В ответ на стрельбу команды фельдфебель Коковихин, дежуривший в помещении карцера, застрелил из револьвера одного из наших матросов и скрылся в темноте.

Освободив товарищей, команда вышла на Павловскую улицу. Глазам матросов предстала ужасающая картина разгула подонков и хулиганов, громивших магазины и винные лавки. Некоторых из них команда расстреляла, многих пьяных матросов подобрала и увела в казармы. Но бороться со стихийным разгулом пьяной толпы матросы не смогли и вынуждены были удалиться в казармы.

Ясно, матросы поступили неправильно. Не взирая ни на что, они не должны были оставлять город и мирных жителей на произвол пьяных хулиганов и пьяных матросов. В этом непринятии решительных мер — большая и непростительная ошибка, особенно для сознательной части матросов.

Но что же делали в это время офицеры? Оказывается, они попрятались по домам. Большинство переоделось в штатские костюмы и занялось сыском среди матросов. Впоследствии, на основании показаний добровольных ищеек, многих товарищей сослали на каторгу и в дисциплинарный батальон.

На другой день после ужасного разгрома и поджогов на всех митингах сознательные товарищи укоряли матросов в пьянстве и разгуле.

— Мы, — говорил один товарищ, — вместо того, чтобы защищать мирных жителей от преступного элемента, сами напились и вместе с хулиганами и провокаторами громили магазины и винные лавки. Разве для этой цели мы подняли восстание? Разве к этому мы стремились в своих выступлениях против царских палачей? Чем виноваты ни в чем неповинные граждане, что правительство нас держит в черном теле, в невежестве? Вместо того, чтобы своими выступлениями против преступного правительства принести пользу, мы нанесли гражданам неисправимый вред. Правительство теперь будет в праве сказать, что «вот дали им свободу, а они вот как воспользовались ею!». Нет, товарищи, вся наша борьба и энергия должна быть направлена на борьбу с правительством, тогда лишь и граждане нас поддержат, а такими выступлениями мы наносим всему революционному движению непоправимый вред.

Затем выступил и я. Обрисовав в общих чертах цель нашего выступления, я старался доказать, что в возникших пожарах виновато само начальство, которое никаких мер не приняло против хулиганов, а всю борьбу направило против нас — матросов. Переходя затем к нашим требованиям, я предложил немедленно вызвать к нам для об'яснений главного командира. Предлагая такой прием, я имел в виду, главным образом, то, чтобы начальство видело, что оно имеет дело не с отдельными агитаторами, а с сознательно организованной массой. Такие открытые об'яснения с начальством имели громадное воспитательное значение в смысле развития революционности среди малосознательных товарищей.

И действительно, помня мое первое об'яснение с главным командиром, товарищи единодушно поручили мне переговорить с главным командиром по телефону и потребовать его приезда.

В канцелярии учебно-артиллерийского отрядя меня встретил помощник начальника отряда капитан Бергштрессер.

Узнав меня и выслушав мою просьбу позвонить, он в самой категорической форме заявил, что не может допустить, чтобы нижний чин беседовал с главным командиром по телефону, и предложил мне лучше пойти спать. Я ответил, что хотя и был всю ночь на дежурстве, но достаточно бодр, чтобы беседовать даже с главным командиром, и должен в точности исполнить волю пославших меня. Я ему

еще раз заметил, что недопущение меня к телефону озлобит и так возмущенную массу матросов. Но и этот довод оказался неважным для тупого и упрямого мещанина. Не дожидаясь моего возвращения, команда в полном сборе подошла к воротам управления, чтобы скорее услышать ответ главного командира, и была крайне поражена, узнав, что помощник начальника не допустил меня переговорить по телефону. Среди команды послышался ропот, и многие громко высказывали свое негодование.

— Что же он хочет, чтобы от Кронштадта осталось только одно воспоминание? Ведь пожар принимает угрожающие размеры, хулиганы окончательно обнаглели, матросская масса находится в сильно возбужденном состоянии!

Так высказывали матросы вслух свое негодование по поводу неприезда главного командира. Команда еще раз поручила мне переговорить по телефону с главным, не обращая внимания на запрет Бергштрессера. Я опять зашел в канцелярию и передал капитану желание команды, но капитан остался глухим к требованию команды и удалился. Не желая все-таки нарушить дисциплину, я вышел к команде и об'яснил ей, что мне будет лучше переговорить по телефону из канцелярии 5 флотского экипажа.

Если, подумал я, командный состав игнорирует даже такие требования, как разговор по телефону, то этот факт, сам по себе ничтожный, говорит, что начальство что-то предпринимает и сознательно не желает вступать в переговоры с матросами. Для меня стало ясно и то, что начальство, вместе с полицией, сознательно не принимает никаких мер к прекращению пожара и бесчинств хулиганов, а, быть может, и потворствует им в устройстве погромов и грабежей, чтобы потом представить революционные выступления матросов, как простой бандитизм и грабительство. Дальнейшие события почти полностью подтвердили мои опасения.

Крестный ход по приказу начальства.

В канцелярии 10 флотского экипажа, куда я пришел просить разрешения на разговор по телефону с главным командиром, ко мне вышел дежурный. С приторной любезностью он об'яснил мне, что главный командир сейчас должен прибыть в казарму 1 флотского экипажа и предложил об'явить команде, чтобы все также собрались во двор. Чувствуя что-то неладное, я вышел из канцелярии.

По выходе на Павловскую улицу я натолкнулся на крестный ход, и у меня мелькнула мысль обратиться к священнику с просьбой оказать воздействие на хулиганствующую толпу, чтобы она прекратила грабежи и поджоги. Я предложил священнику обратиться к народу с речью или проповедью, как он найдет более удобным. На мое предложение священник ответил буквально следующее:

— Я не могу подвергать себя гонению со стороны начальства, которое не давало мне поручения обращаться к толпе с увещеванием, а бунт и сам по себе когда-нибудь остановится.

— Так зачем же вы, батюшка, вышли с крестным ходом? — задал я ему вопрос.

— Так что начальство так приказало, я же лишь исполняю его волю. Как оно прикажет, так и делаем. Оно лучше нас с вами знает, что хорошо, что худо.

Тут для меня и других товарищей стало еще более ясным, к чему стремится воля начальства, и какую гнусную роль должно сыграть в развертывающейся трагедии духовенство.

— Так вы, батюшка, понимаете свои священнические обязанности? Вместо того, чтобы следовать евангельскому учению, вы являетесь злым орудием у начальства! — возмущенно заметил я крестоносному служителю церкви.

Брат на брата.

Подходя к воротам 1 флотского экипажа, я заметил какое-то оживление среди толпившейся у ворот группы матросов. В открытые ворота я увидел матросов 1 флотского экипажа, выстроившихся во дворе в боевом снаряжении. Из расспросов товарищей я узнал, что матросы 1 флотского экипажа отправляются для усмирения бунтующихся матросов, за что им обещана особая награда от начальства. И действительно, через несколько минут вся команда этого экипажа в стройном порядке, под командой офицеров и командира, вышла из ворот.

Когда «усмирители» выстроились во дворе 5 и 10 флотских экипажей, выступил один из товарищей с речью:

— Товарищи матросы, вас пригнали сюда, чтобы вы вооруженной силой усмирили бы своих же товарищей. Теперь для нас всех ясно, что вчерашняя стрельба из-за забора 1 флотского экипажа — дело ваших рук. Это вы, значит, обагрили свои руки в крови братьев-матросов, которые выставили требование об улучшении жизни для всех матросов и солдат. Правда, грабить и поджигать — дело нехорошее, но это дело рук преступного элемента — разных хулиганов и убийц; к великому нашему позору, к этой преступной банде примкнули и некоторые матросы, которых надо судить и карать самым беспощадным образом. Но при чем же тут все матросы, против которых вас уговорили действовать с оружием в руках? Не верьте, товарищи, клевете на нас. Наши требования ничего общего не имеют с теми, которые, с разрешения полиции, грабят, поджигают и насилуют мирных жителей. Мы должны все сообща требовать улучшения нашего положения. Вспомните, нам главный командир обещал, что мы будем во всем ублаготворены. Но что же мы видим? Сюда прислали две сотни драгун, которые так нас ублаготворили нагайками и свинцом, что многие товарищи навеки ублаготворились...

В этом месте речь товарища была прервана зычным голосом какого-то офицера:

— Наша команда всем ублаготворена и никаких требований начальству не пред‘являет. Мы явились сюда потребовать и от дру-

гих команд, чтобы они последовали нашему примеру и бросили бы свои затеи. Принялись бы служить верой и правдой по-старому, а начальство само позаботится об улучшении положения матросов.

После этих слов командир отдал приказ отобрать от матросов винтовки и патроны, что и было исполнено матросами 1 флотского экипажа без всякого сопротивления со стороны остальных команд. Для многих из нас стало ясно, что после этой предварительной меры должны начаться аресты и репрессии по отношению к более активным товарищам и агитаторам.

28 октября, около 9 часов утра, я вышел из ворот экипажа и направился в город. На каждом шагу мне попадались вооруженные патрули, которые останавливали матросов и солдат, проверяя, имеют ли они с собой отпускные билеты. Из расспросов я узнал, что город об'явлен на военном положении, и никто из матросов и солдат не имеет права свободного хождения по городу без специального на то разрешения коменданта города. Благополучно миновав патрули, я направился обратно в казарму. У ворот казармы меня остановил подполковник 10-го флотского экипажа Отстоя; в грубой форме он обратился ко мне с выговором, почему это у меня шапка набекрень и не все пуговицы застегнуты. Не довольствуясь моим ответом, ретивый офицер потребовал отпускной билет. Пришлось сознаться, что билета у меня нет.

— Как же ты ушел без билета из казармы? — задал он мне вопрос.

— Очень просто. Ворота были открыты, и никто не препятствовал. Поэтому я свободно и вышел по делу в город.

Но подполковник, очевидно, не хотел меня так скоро отпускать и опять накинулся на меня, почему я перед ним не стою на вытяжку. Правда, я стоял не совсем в струнку, и тут же принес ему свои извинения, но это оказалось ему недостаточным:

— Иди немедленно к дежурному офицеру и передай ему, что я приказал тебя посадить на двое суток в карцер.

Повернулся, чтобы исполнить приказание подполковника, но последний опять меня остановил. Ни с того, ни с сего он опять начал меня ругать самой отборной площадной руганью.

— За что же вы, ваше высокоблагородие?, — спросил я подполковника.

— Ах, ты, сукин сын, мерзавец! Еще разговаривать вздумал, да я тебя, прохвоста, изобью, как собаку! Ты должен быть доволен, что тебя ругают. Это, значит, что к тебе относятся снисходительно (!?). Да я тебя, скотина, могу сейчас же пристрелить. Город на военном положении, и господам офицерам дано полное право в любом случае применить оружие.

— А без военного положения разве вам, господам офицерам, не дано было право безнаказанно избивать и расстреливать нашего брата-матроса? — заметил я.

Взбешенный моим замечанием, подполковник приказал дневальному отвести меня к дежурному офицеру.

В канцелярии 10 флотского экипажа дежурного офицера не оказалось, и нам пришлось пойти в казарму 5 флотского экипажа. По выходе из под‘езда канцелярии, мы опять натолкнулись на подполковника Отстоя, который закричал на меня не своим голосом:

— Как, этот мерзавец, негодяй, еще на свободе?..

На это я ему спокойно ответил:

— Ваше высокоблагородие, мы ищем дежурного, который находится напротив, — в канцелярии 5 флотского экипажа.

Но мои об‘яснения оказались мало убедительными для свирепого офицера:

— Молчать, сукин сын! — опять неистовым голосом закричал он на меня.

На окрики подполковника подбежали находившиеся напротив два офицера, из коих один штабс-капитан Армфельдт, указывая на меня, заявил:

— Да ведь вы, господин полковник, самого главного бунтовщика задержали. Ведь это тот самый негодяй, который осмелился жаловаться на нас лично главному командиру.

— А разве, господин штабс-капитан, я неправду сказывал, что господа офицеры с нами хуже, чем с собаками, обращаются? Ведь вот и вы меня сейчас за что негодяем назвали? А подполковник Отстоя за что меня ругал по матерному и всякими словами? Да вдобавок еще арестовал и приказал меня посадить в карцер. За что же, спрашивается, меня ругают, за какой же это такой тяжелый служебный проступок меня сажают в карцер?..

— Так это ты тот самый негодяй и есть, который осмелился так дерзко говорить с самим главным командиром? Я, в чине подполковника, и то не осмелился бы так говорить с высшим начальником, как позволил себе это делать ты... Гадина, сучий сын!

— А почему бы мне и не говорить с высшим начальником? Разве я не такой же человек, как и он? И главный командир, хоть и высшее лицо, но он все-таки со мной долго говорил и выслушивал без всякой ругани с его стороны. Кроме того, я для себя лично ничего не просил, а говорил обо всех обидах и несправедливостях по отношению ко всем матросам и просил у него об изменении обращения с нами. Ведь всего на всего я напомнил ему, что и мы — матросы, хотя и нижние чины, не заслуживаем, чтобы с нами обращались, как со скотами. Со скотиной, если она приносит пользу человеку, обращаются лучше, чем вы, господа офицеры, с нами — матросами, считающимися защитниками отечества.

— Вот видите, видите, какой это бунтовщик! — заявил штабс-капитан Армфельдт,—он совсем обнаглел и хочет учить нас, как нам нужно обращаться с нижними чинами. Этот негодяй совсем никого не хочет признавать за начальство.

— Это неверно, господин штабс-капитан, — ответил я ему. Я признаю и начальство, и дисциплину, но я в праве требовать справедливости и исполнения воинского устава; а в уставе нигде не говорится, что солдат надо ругать площадною руганью и бить по морде.

— Тебя, мерзавца, за такие разговоры повесить мало, — заявил штабс-капитан Армфельдт, — ты, должно быть, забыл, что город на военном положении об'явлен.

— Что ж, раз вы пользуетесь такими правами, можете меня повесить. Разве вам впервые убивать человека! Вам не привыкать пить нашу солдатскую кровь. Но вы от моей крови не потолстеете.

— Так я по-твоему, значит, кровопивец?! — опять закричал на меня подполковник Отстоя.

— Стало быть так, раз по-вашему, по справедливому, меня надо повесить.

Не успел я закончить свою фразу, как подполковник Отстоя выхватил из кобуры револьвер и направил прямо на меня. Быстро растегнув бушлат, я раскрыл грудь и в упор крикнул подполковнику.

— Можете стрелять в меня, если вам так нужна моя жизнь!

Такая решимость с моей стороны, очевидно, обескуражила подполковника, «храброго» только в тылу, а не на полях с японцами; его рука с поднятым револьвером опустилась, и он с пеной у рта и задыхающимся голосом выкрикнул:

— Взять этого негодяя и отвести в карцер!

В карцере.

Я в темном, холодном и сыром карцере.

Спустя несколько часов мне принесли записку, что я арестовываюсь на двое суток усиленного карцера за самовольную отлучку. Еще через несколько часов пришел все тот же подполковник Отстоя, но в совершенно спокойном состоянии. Он начал разговор в примирительном тоне. «Неужели, — подумал я, — в нем заговорила совесть, и он пришел меня освобождать?» Но, поскольку эти господа храбры с безоружным, настолько они еще лживы и трусливы.

Я задал вопрос:

— За что же вы, ваше высокоблагородие, меня посадили в карцер?

У подполковника не хватило смелости прямо ответить; он сказал, что меня посадили не по его распоряжению, а по приказу ротного командира. Тогда я попросил принять меры к моему освобождению, на что он ответил обещанием, после чего я отвернулся от окошечка и лег на нары.

Через три часа подполковник опять явился в помещение карцера и подошел к моему окошечку. Очевидно, мои слова глубоко задели его не совсем еще заглохшую совесть, и он почувствовал себя виноватым.

— К сожалению, — начал он свою речь, — не могу тебя освободить, так как о тебе подан рапорт коменданту крепости. На основании военного положения, тебя могут в любой момент повесить. Поэтому мой совет — молись богу.

— Если вам нужно, то молитесь за свое благополучие и благополучие вашей жены, детей, а мне молиться не о чем.

Повернулся и отошел вглубь карцера.

На завтра утром он опять явился и опять советовал мне молиться, так как одна надежда на бога. Я попросил непрошенного советчика убраться и меня больше не беспокоить. Через некоторое время ко мне явился какой-то лейтенант для снятия допроса.

Лейтенант попросил меня рассказать, что я знаю о начале волнений среди матросов. Начал я ему свой рассказ с того момента, когда среди матросов распространилась печальная весть об убийстве на площади двух матросов и двух солдат.

— Если бы это убийство произошло в общей свалке, то не вызвало бы оно такого возмущения. Но убийство совершил офицер без всякой причины, только потому, что он считал себя в праве безнаказанно убивать и проливать кровь матросов и солдат. Очевидцы этого злодейства, возвращаясь в казармы, громко высказывали свое возмущение. Никто после этого не был гарантирован от такой же печальной участи. «Довольно крови!» кричали вполне справедливо матросы.

В дальнейших своих показаниях я решил говорить все без утайки, не называя лишь имен товарищей. Пусть, решил я, начальство узнает всю правду о нашем недовольстве и пусть оно узнает, что в пролитии моря крови виновато оно само.

— После совершенного убийства матросов и солдат,— продолжал я свои показания,—началось сильное брожение в учебном минном отряде, в котором большей частью находятся ученики, особенно угнетаемые своими инструкторами. Отношения последних к ученикам хуже, чем во времена крепостничества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что волнения начались именно здесь, а не в экипажах. Движение, к сожалению, приняло стихийно-анархический характер: началось с битья стекол в казарме. Затем ученики перешли в здание Морского собрания, которое в несколько минут было разгромлено до неузнаваемости.

Лейтенант особенно интересовался, где я находился в ночь с 26 на 27 октября, и кого видел в эту ночь среди бунтующих.

— Эту ночь я был на дежурстве у ворот и видел много матросов, но называть фамилию участников в бунте я не стану, да и нет надобности: все, как один, принимали участие.

— Назови несколько фамилий и выдай зачинщиков, тогда я тебя сейчас же освобожу,—обратился ко мне с предложением лейтенант.

Это гнусное, каиново предложение выдать своих товарищей за мнимое освобождение вызвало во мне бурю негодования и я взволнованно заявил следователю-лейтенанту:

— Вы требуете от меня, чтобы я стал предателем, чтобы я совершил преступление и против товарищей и против великого дела освобождения от гнета и бесправия. Но вы, ваше благородие, ошиблись адресом. Предателем никогда не был и не буду. Можете меня хоть расстрелять или повесить.

На кораблях.

30 октября меня перевели из одиночного заключения в общий карцер, куда через два часа за мной явился конвой из четырех драгун для препровождения неизвестно куда. Меня вывели на задний двор, где наготове стояла телега с моим сундуком. Тут же находился лейтенант Колоколов, к которому я обратился с просьбой доложить обо мне экипажному командиру, которого я хотел просить сообщить о постигшей меня участи, моей старушке-матери. Но лейтенант категорически отказался исполнить мою просьбу и добавил еще от себя, что командир не желает со мною разговаривать.

Под сильным конвоем я прибыл на Петровскую пристань, где застал также находившегося в неизвестности матроса 2 флотского экипажа Марка Оленика. Он еле держался на ногах и жаловался на сильную головную боль и ломоту в левом ухе. Продежурив 26 и 27 октября в канцелярии, он 28 возвращался в роту. На дороге Оленика встретил фельдфебель Бурак, который потребовал его возвращения в канцелярию на дежурство. Когда же он заявил, что отпущен, то Бурак без всякого повода схватил его за рукав; с криком: «Ах, ты еще смеешь рассуждать!» — он начал бить кулаками несчастного Оленика по голове и по ушам, пока несчастный не потерял сознания. Что с ним было дальше, он не помнит, так как очнулся лишь в карцере. На вопрос Оленика — за какие такие преступления он попал в карцер, — ему ответили: «За то, что бога ругал».

Из карцера больного товарища отправили в лазарет; там, по оказании первой лишь медицинской помощи, врач решил перевести его в госпиталь, но дежурный по канцелярии офицер распорядился, вместо госпиталя, отправить Оленика на судно.

Во время рассказа Оленика о пережитых им мытарствах, на пристань явились два армейских генерала и комендант крепости, полковник Воротницкий, которому Оленик рассказал всю историю избиения и просил отправить его в госпиталь. На это комендант ответил:

— Как бунтовать, то был здоров! Когда приходится за это отвечать, то болен! Шалишь, брат! Ни в какой госпиталь ты не будешь отправлен.

Во время этого разговора, на пристань пригнали матросов 4 и 7 флотских экипажей для отправки их на форт. Матросы были окружены усиленным конвоем: на каждого матроса приходилось по три вооруженных солдата и по три драгуна.

После отправки команд на форт, очередь дошла и до нас. К нам подошел один из армейских генералов и спросил у конвойных — откуда мы приведены? Указывая на меня, старший конвойный пояснил ему, что я и есть тот самый Котлов, которым он интересовался.

— Так вот ты каков, Котлов! — заметил мне генерал. — Молись братец, усердно богу. Не сегодня-завтра тебя расстреляют или повесят.

После генеральского утешения, нас посадили на баржу и отвезли на учебное судно «Воин». Здесь нас немедленно раздели до-гола и тщательно обыскали наше платье. На этом же судне уже находились арестованными 36 матросов; им отвели небольшое помещение на палубе. Явившийся командир обратился к нам с предупреждением, что, в случае какого-либо недовольства с нашей стороны, мы будем немедленно расстреляны. В подтверждение своих угроз он указал на конвойных с заряженными ружьями. Затем он предложил выбрать из своей среды по десятскому для переговоров с дежурным по судну, для снабжения нас едой и проч. Кажется, в обед нам давали жидкие щи, а на ужин грязную кашу; чай полагался три раза в день, курить же дали лишь на третий день после нашего привода на судно. Командир судна не забывал и о нашем умственном голоде: он выдал нам «За веру, царя и отечество» и черносотенную газетку «Донская Речь», предложив нам читать вслух. Как ни была противна эта, с позволения сказать, литература, но для скоротания времени мы ее читали, с соответствующими комментариями.

Через наших десятских, при помощи судового врача, мы настояли перед командиром судна, чтобы больной Оленик был отправлен в госпиталь.

Ад.

В течение трех дней у нас шло сравнительно гладко, но на четвертый нас почему-то лишили масла, убавили порции сахара. Купить нигде нельзя было, и среди арестованной команды начался ропот. Немедленно командир судна распорядился половину арестованных отправить на судно «Князь Пожарский», а другую половину перевел на учебное судно «Верный». Среди последней группы очутился и я. На «Верном» уже находилось 96 арестованных; с нами стало 114 матросов. Спать приходилось поочереди; нары были наскоро устроены по обеим сторонам бортов в три ряда, но многим приходилось ложиться прямо на голую палубу. Ночью нас пронизывал холод, укрываться было нечем. На палубе мылись, ходили по естественным надобностям, тут же ели, пили. У большинства матросов не было белья для перемены, вследствие чего завелись насекомые. В ретирад пускали по одному человеку, и многие вынуждены были ходить под себя. Часть арестованных поместилась в трюме, но там совершенно не было воздуха. Кормили нас хуже, чем скотов. На обед выдавали щи с червивой солониной, а на ужин грязную кашицу. Несколько раз жаловались начальству, но все наши жалобы оставались гласом вопиющего в пустыне. Иногда нам напоминали, что мы арестанты, и в любой момент нас могут без всякого суда расстрелять.

Несмотря на эти угрозы, мы все-таки потребовали улучшения нашего положения и, в знак протеста, отказались от принесенного, так называемого, ужина. Прибывшему командиру судна я заявил от имени всей команды о необходимости улучшения условий. Но когда он узнал, что моя фамилия Котлов, то распорядился посадить меня

в угольную яму, а остальной команде пригрозил выводом на бак для расстрела. Но, вместо этой угрозы, командир на завтра всех отправил на судно «Воин». Доктор нашел во мне сильное переутомление с начинающимся процессом в легких, и меня перевели в арестантский лазарет морского госпиталя. Впервые за все время ареста я спал на койке в чистом белье.

Присматриваясь к лазаретным порядкам, я убедился, что начальство обворовывает не только здоровых, но еще больше больных матросов. Каждому полагалось табаку и гильз на 5 копеек в сутки, но этого нам почти совсем не давали. Я написал записку главному доктору, чтобы нам прислали табак по положению или разрешили выписать из лавки на деньги, но в том и другом отказали. На вторую докладную записку доктору, мне принесли десять папирос и писчую бумагу с маркой для письма. Когда же я указал, что больных — 50 человек, то на всех принесли полфунта махорки с курительной бумагой; эту же порцию стали выдавать ежедневно. Порция эта стоила 15 коп., табак же на всех обошелся бы 2 руб. 50 коп.; таким образом, на одном лишь табаке в кармане начальства ежедневно освобождалось 2 руб. 35 коп. Интересно отметить, что врачи очень часто читали нам в казарме лекции о вреде махорки. А в госпитале, когда нам по положению полагается табак, они преподносят нам махорку во имя своего кармана. Я решил вывести всех на чистую воду и написал четвертую по счету докладную записку. Наконец-то нам разрешили выписывать табак из лавки, лишь были бы деньги в конторе.

Начальство заботится о душе.

Быстро пролетело две недели, и комиссия выписала меня из госпиталя опять в арестное помещение, где меня встретил заведывающий тюрьмой, капитан 1-го ранга Сильман. Обрадовал, что обо мне получена бумага, что меня должны на днях расстрелять; поэтому посоветовал мне перед смертью покаяться и помолиться богу. Вначале эти угрозы о расстреле на меня еще действовали, но так как они стали повторяться очень часто, то я привык. Верил ли тюремщик в то, что меня расстреляют или нет, но счел своим долгом заботиться о моей душе, чтобы она не вылетела из бренного тела без покаяния.

Очевидно, для уединения души, он поместил меня в карцере. Этот богобоязненный офицер заставлял даже водить меня на исповедь и говеть, но я категорически отказывался; потом, очевидно, надоело меня «спасать», и меня оставили в покое.

Кормили нас, конечно, скверно. Некоторые товарищи пробовали жаловаться, но их посадили в темный карцер на хлеб и воду. А капитан Сильман при этом еще издевался: «ага, недовольны светлым карцером, так вот вам темный; жаловались на пищу, — так вот вам хлеб и вода!». У тюремщиков, должно быть вследствие привычки, совершенно атрофировано всякое чувство сострадания, сочувствия. Пользуясь нашим беспомощным положением, они потеряли

всякий стыд и совесть. Их глумления над арестованными переходили всякие границы человеконенавистничества.

Здоровье мое, от сиденья в карцере, опять сильно пошатнулось, и меня снова отправили на две недели в госпиталь. По выпуске оттуда, я просил доктора Погодицкого, чтобы он выдал мне удостоверение в том, что мне нельзя сидеть в одиночном темном карцере. Поэтому меня поместили в обще-арестантское отделение. Чтобы как-нибудь скоротать время, мы ходили в тюремную церковь на спевку. В то время у меня еще кое-какие остатки религии сохранились. Поэтому я очень обрадовался, когда дали разрешение на хождение в церковь. До этого разрешения, мы большею частью, хотя и вопреки инструкции, проводили время в ретираде.

Однажды нас там собралось до 60 человек; в это время нас настиг здесь лейтенант Алексеев. Приказав запереть дверь, он начал выпускать нас по одиночке и каждого бил. Многие пробовали жаловаться священнику. Малосознательные товарищи доверяли «батюшке» во всем и даже передавали через него письма родным или друзьям. Но, как потом выяснилось, священник все, что слышал от матросов, и письма, передавал по начальству. Когда этот факт нам стал известен, то многие отшатнулись от церкви. Я же дал себе клятву не признавать ни церкви, ни священников, ни икон, а всех так называемых «пастырей» считаю подлыми провокаторами. Особенно пострадал унтер-офицер учебно-артиллерийского отряда Григорий Федосов: он был приговорен к 12 годам каторжных работ только по оговору священника, которому он доверился на исповеди.

Как известно, арестованным не полагается иметь никаких острых вещей в тюрьме. Но кто-то добыл бритву и я по очереди всех брил. В один прекрасный день администрация тюрьмы никого не узнала, так как все оказались бритыми и чистыми. Началась форменная ловля зверя, т.-е. преступника, принесшего бритву. Узнали, что я многих брил, поэтому первый допрос был направлен ко мне. Поднялось целое дело; был назначен специальный следователь, капитан 2-го ранга Дмитриев. В своем рвении он дошел до того, что обещал меня освободить, если я ему укажу матроса, принесшего бритву. На категорический отказ он пригрозил посадить меня в темный карцер на 20 суток, а затем через три дня на 30 суток.

— Можете меня сажать хоть на 60 суток, но не скажу вам того, чего не знаю.

— Ты врешь, мерзавец! Я тебя сгною в карцере, а заставлю выдать матроса, который принес тебе бритву! — с криком и кулаками наступал на меня следователь Дмитриев.

По его приказу часовые отвели меня в карцер.

Человек-зверь.

Неужели, думал я, не будет конца таким издевательствам?! Они ведь тоже люди и должны понять, что матрос первым делом человек и нельзя его равнять со свиньей, которая валяется в соб-

ственной грязи. И что за преступление совершил тот матрос, который достал бритву? Или я, который побрил всех заключенных и избавил многих товарищей от мучивших их насекомых и вшей?! Неужели им нужно еще, чтобы мы тонули в собственной грязи, как и они погрязли в нравственной нечистоплотности.

Но разве один Дмитриев так издевался над нами, безоружными пленниками? А капитан 1-го ранга Сильман или капитан 2-го ранга Языков были лучше?! А вот несколько слов про зверя в образе человека, — лейтенанта Алексеева. Имя этого подлого офицера должно остаться в памяти каждого матроса, как символ какого-то чудовища, палача. О нем должен говорить с позором каждый маломальски порядочный офицер.

2 февраля арестованные были отправлены на лекцию, и в арестном помещении остались несколько больных товарищей, в том числе я и несчастный товарищ, Марк Оленик. По постановлению комиссии, он должен был давно ехать на поправку домой на два года, а вместо отпуска его держали в тюрьме, якобы за богохульство. Во время нашей мирной беседы в помещение врывается дежурный по арестному помещению лейтенант Алексеев. Приказав всем выстроиться во фронт, он начал снимать допрос, на каком, мол, основании мы остались в помещении и не пошли на лекцию? Есть ли на это разрешение врача? У многих такого разрешения не было. Тем Алексеев приказал становиться во фронт, хотя все оставшиеся чувствовали себя больными. Очередь доходит до несчастного Марка Оленика.

— А, и ты, лодырь, остался! — обращается к нему лейтенант Алексеев. — Я тебе, мерзавцу, покажу, как валяться и не ходить на лекции.

Когда Оленик, с трудом выговаривая слова, начал об'яснять Алексееву, что он совершенно разбит физически и плохо слышит после того, как его избили, и комиссия освободила его на поправку на два года, — лейтенант Алексеев начал наносить несчастному удары по голове, лицу и куда попало.

— За что вы меня бьете, ваше высокоблагородие? — умоляюще спрашивал больной товарищ.

В ответ он получил сильный удар в подбородок.

— Ах, ты, сукин сын, сволочь! Еще разговаривать будешь: за что да почему? Моя на то воля над тобой, скотиной!

Офицер-зверь не знал уже удержу и бил несчастного Оленика до остервенения. Он схватил обеими руками голову матроса и давай бить ею об стену. Когда палач устал, то схватил несчастного за руку и с силой начал тянуть его на лекцию, приговаривая:

— Я тебя убью, застрелю, и буду прав!

При этом он все время продолжал наносить удары шашкою по спине и голове. Во время избиения проходил мимо капитан Белов. Этот офицер лишь покачал головой, но не решался остановить обезумевшего своего товарища. И зачем он будет останавливать: ведь избивают матроса, а это в порядке вещей и никого не должно

возмущать. Вот, если бы офицер увидел, что терзают собаку, то он, наверно, заступился бы.

Но я верю, что скоро, скоро настанет пора и проснется народ. Тогда берегись, подлое офицерство, не взыщи за те зверства, которые учинят над тобою озлобленные матросы. Не жди пощады! За все издевательства, если не мы, то наши будущие товарищи вам отплатят с лихвой. Кровь, проливаемая нами, требует мщения, и не удивляйтесь, если и вашей крови прольется много. Вы, офицеры, вашими поступками, вашим зверством, вашим бесчеловечным отношением вселяете в нас ужас, и каждый из нас дал клятву передавать подрастающему поколению о необходимости мести за пролитую кровь, за издевательство, за бесчеловечность. Берегись тогда, офицерство, бойся этого судного дня! Мщение будет ужасно, суд этот будет строг, и я заранее оправдываю тех товарищей, которые будут мстить вам за весь тот ужас, который вы творите над нами, безоружными людьми. Это проклятие над вами будет переходить из поколения в поколение и, я верю, судный день близок. Берегитесь, палачи!..

С этими мыслями меня застал несчастный Марк Оленик, с трудом дотащившийся из помещения, где происходила лекция.

Во время проверки Оленик заявил лейтенанту Алексееву, что будет на него жаловаться. В ответ Алексеев приказал засадить Оленика в карцер на хлеб и воду.

4 февраля, на приеме у доктора Успенского, в лазарете я встретил опять Марка Оленика, которого конвойные привели из карцера. Глаза подбиты, лицо опухшее, еле держится на ногах. Он начал излагать доктору, как его избили сначала кондуктор, а затем лейтенант Алексеев. Но доктор вместе с капитаном 2-го ранга Языковым начали издеваться над несчастным, говоря, что у него не совсем выбиты зубы, а лишь только качаются.

На вопрос доктора Успенского,—видел ли я, как избивали Оленика,—я ответил утвердительно и добавил, что так не бьют даже животных. В Питере специально существует общество покровительства животным. Доктор заметил капитану Языкову:

— Вы видите? Я так и знал, что этот мерзавец будет свидетельствовать в пользу Оленика.

Языков ответил:

— Эту сволочь, Котлова, давно следует застрелить, за что начальство только скажет большое спасибо.

Когда дошла до меня очередь, доктор Успенский заявил мне:

— Ты, Котлов, ко мне в лазарет больше не показывайся, я тебя все одно лечить не стану.

И дал мне каких-то капель.

5 февраля, в воскресенье, команду повели в церковь. Я наотрез отказался пойти в церковь, мотивируя тем, что у меня порваны сапоги. Капитан Языков вместе с доктором Успенским освидетельствовали сапоги, и доктор признал, что и в таких сапогах можно пойти в церковь. Я заявил, что причина не в сапогах,

а в том, что я не признаю ни богов, ни церквей, ни попов, которые только способны продавать человеческую совесть и быть доносчиками. При чем я заметил капитану Языкову, что свобода совести признается также манифестом 17 октября.

Капитан Языков ответил:

— С душой твоей мы сделать ничего не сможем, но тело твое в наших руках; поэтому, что захотим, то и сделаем с тобой.

6 февраля я опять пошел в лазарет, и доктор Успенский начал меня наставлять на путь истинный,— нельзя, мол, не признавать бога и церковь.

— Ваше высокоблагородие призвано лечить больных, и я нуждаюсь не в духовном лечении. А надо ли признавать бога или попов, это дело совести каждого человека, и никто не призван давать те или иные непрошенные советы.

После такого ответа Успенский приказал дать касторового масла и выгнал вон из лазарета. Все же меня опять засадили в карцер, где я окончательно разболелся и ничего не мог есть из-за тошноты.

Из карцера я уже под конвоем ходил еле живой в лазарет, и доктор Успенский мне неизменно заявлял:

— Раз ты бога не признаешь, то ты и от лекарства скоро откажешься.

Находившийся здесь капитан Дмитриев заметил, что «такую сволочь надо отравлять, а не лечить, за что скажут спасибо и начальство и родители».

Свидание с матерью.

Что касается начальства, то, пожалуй, оно бы и обрадовалось, если бы Котловых было меньше в командах, но относительно родителей они глубоко ошибаются. Через несколько дней ко мне в лазарет 12 февраля допустили на свидание мою старушку-мать. При свидании присутствовали офицеры: Сильман, Дмитриев, Языков и Алексеев. Я до того ослаб, что меня поддерживали конвойные; но, несмотря на слабость, я рассказал матери о всех наших мучениях и избиениях. Лейтенант Алексеев вмешался в наш разговор и заявил матери, что я богоотступник, не признаю бога и церквей. Но мать заметила:

— Мой Алексей уже не мальчик и сам может разобраться, во что и в кого ему следует верить.

И простая женщина дала понять этим напыщенным, мнящим себя интеллигентами, избранными, умными людьми, что никого теперь уже нельзя обмануть, что силою можно только тело в плену держать, а дух человеческий свободен от всяких оков.

За мой рассказ матери, меня, больного, изнемогающего, все-таки отправили в карцер.

10 февраля они вынуждены были отправить меня в госпиталь, откуда я, не дожидаясь суда, благополучно скрылся.

Записывая все перенесенные мною и моими товарищами издевательства, пытки, физические и душевные, избиения, ругательства со стороны офицеров, я должен дать себе отчет в том, что такие издевательства над нами, матросами, будут продолжаться до тех пор, пока существует проклятый самодержавный строй и капиталистическое государство, при котором всегда будут: один класс, эксплуатирующий — меньшинство, и эксплуатируемый — большинство. Но я верю, что скоро, скоро настанет момент, когда роли изменятся. Пролитая кровь вопиет о мщении и, если не мы, то подрастающее поколение отомстит за все обиды, за все издевательства, за пролитую кровь наших братьев — матросов и рабочих.

Пусть реакция торжествует, пусть они считают себя победителями,—но не на долго. Революционно-настроенные матросы и рабочие не успокоятся до тех пор, пока красное знамя революции не восторжествует во всем мире.

И над обломками самодержавия и капиталистического мира «мы свой, мы новый мир, лучший мир построим».

Петербург.
Май, 1906 года.

* * *

Многое из вышеописанного мною взято из отдельных записок товарища Котлова, а также из всех тех рассказов, которыми делился со мною в течение многих вечеров т. Котлов. Как известно, революция 1905—6 г.г. была безжалостно подавлена. Предчувствия т. Котлова оказались пророческими. Через 12 лет революция вспыхнула с небывалой силой, она проглотила не только последнего кровавого царя, но с корнем перевернула весь строй, и на обломках старого капиталистического строя ныне воздвигнулось новое социалистическое государство, именуемое СССР.

Сообщил **Еф. Каль.**

---

6. ПРОКЛАМАЦИИ.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем гражданам!

Грозное кронштадтское восстание подавлено.

Восставшие матросы и артиллеристы сдались, выдали оружие, арестованы. Теперь наступит кровавая расправа со стороны правительства. Пойдут военные суды, расстрелы, каторга... Но не радует правительство эта победа. Как ни слепо оно, и для него, наконец,

становится ясно, что последний оплот царизма — войско — все более и более расшатывается, расшатывается, как преступной политикой самого правительства, умеющего только мучить и раздражать солдат, так и могучими волнами революции. Правда, кронштадтское восстание тем отличается от потемкинского, что, благодаря присоединению хулиганов, оно выродилось в безобразный разгром и грабеж, но начато оно было сознательными матросами и, что особенно важно, в нем впервые произошло соединение разных родов оружия: к матросам примкнули артиллеристы.

Итак, знаменитая дисциплина русской армии исчезает. Мера терпения солдатского переполнилась. Армия все более и более перестает быть послушным орудием в руках правительства. Но до сих пор разложение армии знаменует лишь разложение правительства, отмирание всего старого бюрократического строя. И половинчатая, трусливая политика либералов привела бы лишь к тому, что это разложение охватило бы весь общественный организм. Только очистительное пламя революции, всенародного восстания, может раз навсегда покончить со всеми остатками гниющего самодержавия, только оно дает тот идейный энтузиазм, при котором немыслимы будут никакие хулиганские примеси, никакие грабежи и погромы.

Поэтому, теперь наша задача, задача социал-демократов и всех сознательных революционеров заключается в том, чтобы эти отдельные, разрозненные военные бунты, которые правительство еще в состоянии усмирять,— превратить в массовый переход войск на сторону революционного народа. И этот переход решит судьбу революции. Так бывало во всех европейских революциях, так будет и у нас. Только тогда, когда к вооруженному восстанию пролетариата и всех демократических элементов страны примкнет часть войск, мы добьемся не виттевских конституций, а полного низвержения царской власти и провозглашения демократической республики.

Да здравствует революция и будущая революционная армия!
Да здравствует демократическая республика!
Да здравствует социализм!

СПБ Федеративный
Социал-Демократический Совет.

Ноябрь 1905 г.
Тип. Петерб. Ком.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К солдатам и матросам.

В Кронштадте восстали матросы и солдаты. Они поддерживали восставших рабочих, они требовали лучших порядков. Начальство вызвало к ним петербургских солдат и они стреляли в своих же

братьев-кронштадтцев. Восстание подавлено, и теперь начальство по приказу царя будет судить и расстреливать сотни таких же матросов и солдат, как вы, петербургские солдаты и матросы, за то, что они стояли за народ, что они не хотели больше выносить издевательств и притеснений начальства.

Кто же выступил на защиту кронштадтцев? Петербургские рабочие. Они снова об'явили забастовку, требуя у правительства отмены военного суда над кронштадтцами. Вы видите, солдаты и матросы, что у нас, рабочих, и у вас, одно общее дело и один враг — правительство. Всем нам плохо живется; все мы должны добиваться лучших порядков.

Довольно над нами командовали царь и его чиновники. Рабочий класс и его партия — социал-демократы — хотят установить народное правление — демократическую республику.

А царь и его чиновники да генералы цепко держатся за свою власть и хотят весь народ потопить в крови. Но вы, солдаты и матросы, их последняя надежда. Как только вы подниметесь и перейдете на сторону народа, конец будет их власти над нами. Теперь мы, петербургские рабочие, забастовали только для того, чтобы вступиться за наших товарищей-кронштадтцев. Помните же это, солдаты и матросы, поддержите и вы своих товарищей, и когда ваше начальство пошлет вас против нас, рабочих социал-демократов, не будьте иудами, отказывайтесь убивать своих братьев, которые за вас же заступились.

Честь и слава нашим кронштадтским товарищам!
Долой военные суды!
Долой царя и его шайку!
Да здравствует революция!
Да здравствует народное правление!

Петербургский Комитет РСДРП.

Ноябрь 1905 г.
Тип. Петерб. Ком.

7. Петербургские рабочие на защиту матросов.

Резолюции [1] 1905 г., принимавшиеся на заводах Петербурга.

1. Резолюция рабочих завода Пульмана.

Мы, рабочие завода Пульмана, на собрании в заводе 31 октября постановили вынести следующую резолюцию:

[1] Из «Известий Совета Рабочих Депутатов» (Петербург, 1905 г.) Аналогичные резолюции принимались на всех фабриках и заводах. Царское правительство не могло не считаться с настроением рабочих масс и за первое восстание никто из матросов не был приговорен к смертной казни. *Ред.*

«Крайне возмущенные решением правительства по отношению к матросам города Кронштадта, заявившим свои справедливые требования, требуем немедленной отмены смертной казни и назначения немедленного следствия, с участием представителей от населения; мы требуем немедленного освобождения матросов, — в противном случае заявляем политическую забастовку».

2. Резолюция рабочих Выборгского района.

Депутаты Выборгского района в числе 32 человек, на собрании 31 октября, обсудив известие о предполагаемой правительством кровавой расправе с восставшими в Кронштадте матросами, постановили:

«Восставшие матросы — наши сотоварищи и соратники в борьбе за наше общее дело. Мы с радостью приветствуем их, как своих братьев-борцов. Мы протестуем против намеченных правительством массовых казней и, от имени избравших нас заводов, заявляем свою готовность поддерживать свой протест политической забастовкой и демонстрациями. Мы постановляем устроить завтрашний день митинги протеста на всех заводах и фабриках. Мы решительным образом требуем отмены военных судов, смертной казни, постоянной армии, в которой, если она будет существовать, неизбежны дикие расправы над солдатами в целях поддержания дисциплины. Мы требуем всеобщего вооружения народа. Мы предлагаем экстренно собраться Совету Рабочих Депутатов, которому заявляем наше мнение о необходимости устройства политической забастовки и демонстраций; окончательно же решение формы протеста предлагаем на усмотрение Совета Рабочих Депутатов».

3. Резолюция рабочих гильзового отдела Патронного завода.

Депутаты — рабочие гильзового отдела С.-Петербургского Патронного завода в своем собрании постановили единогласно: «требовать отмены смертной казни и предания народному гражданскому суду наших товарищей — всех воинских чинов г. Кронштадта, замешанных в последних событиях».

4. Резолюция, единогласно принятая рабочими Семянниковского завода на митинге 1 ноября.

«Мы, рабочие Семянниковского завода, собравшись на митинге 1 ноября, глубоко возмущенные отношением правительства к восставшим в Кронштадте матросам, выражаем самый решительный протест против применения военного суда и смертной казни и требуем гласного расследования кронштадтских событий».

5. Резолюция рабочих Ново-Адмиралтейского порта, вынесенная на собрании 1 ноября.

«Мы, собравшиеся рабочие Ново-Адмиралтейского порта, обсудив гнусное намерение самодержавного правительства расстрелять наших славных товарищей, матросов и солдат, поднявших знамя восстания наравне со всем русским пролетариатом против гнета произвола царского насилия, требуем немедленного освобождения славных борцов за свободу; в противном же случае мы не отвечаем за последствия и готовы на все, чтобы не допустить казни и отмстить за товарищей, восставших за освобождение измученной правительством родины».

6. Резолюция рабочих завода Барановского.

1 ноября, на Выборгской стороне, на механическом заводе Барановского, отработав 8 часов, согласно решению Совета Рабочих Депутатов, рабочие устроили собрание, на котором единогласно была принята следующая резолюция, предложенная оратором социалистом-революционером:

«Мы приветствуем наших братьев — матросов и солдат,— поднявшихся против ненавистного всем самодержавия. Мы зовем всех пробудившихся военных к последнему всеобщему натиску, для превращения в прах гнилых остатков отжившего полицейского строя; зовем их на борьбу в рядах пролетариата и трудового крестьянства за права народа, за улучшение нашего экономического положения, за передачу всей земли в руки трудящихся.

Мы протестуем против предания военно-полевому суду, состоявшему из царских палачей, кронштадтских борцов за волю народа, и под руководством Петербургского Совета Рабочих Депутатов примем все меры для противодействия зверскому приговору.

Долой самодержавие!

Да здравствует воля народа и народный суд!

По окончании собрания, рабочие разошлись с пением Марсельезы.

7. Резолюция рабочих Орудийного завода.

Рабочие С.-Петербургского Орудийного завода, в полном составе, на общем собрании своем 31 октября 1905 года, обсудив дошедшее до них известие о том, что правительство готовится предать смертной казни несколько сот восставших кронштадтских матросов, постановили:

«Признавая, что восстание матросов в Кронштадте было вызвано самим же правительством, долгие годы угнетавшим матросов и солдат наравне с рабочими и остальным народом, мы протестуем против намерения предать смертной казни наших товарищей-матросов, тре-

4*

буем, чтобы правительство немедленно об'явило перед лицом всего народа, что оно отказывается от намеченной кровавой расправы, и заявляем со своей стороны, что в противном случае мы не отвечаем за последствия, и готовы на все, чтобы не допустить казни и отомстить за товарищей-матросов, восставших за освобождение измученной правительством родины.

Приглашаем остальных рабочих Петербурга и всей России присоединиться к этой нашей резолюции, а газеты просим ее перепечатать».

8. Резолюция рабочих завода Лесснера.

«Считая Кронштадтское восстание событием колоссальной важности и значения, как грозный признак скорой и неминуемой смерти самодержавия, которое лишается своего последнего оплота — войска,— мы, рабочие завода Лесснера, горячо приветствуем товарищей-борцов, энергично протестуем против комедии военного суда над ними и грозящей им смертной казни и заявляем, что готовы активно поддержать свой протест по первому призыву наших социал-демократических организаций. Напоминаем другим войскам, что они — наши братья, и что правильно понятые ими их интересы и идеалы являются и нашими интересами и идеалами; мы зовем их вместе с нами бороться против самодержавного правительства за демократическую республику и народную милицию под красными знаменами РСДРП.»

ОТДЕЛ II.

СВЕАБОРГСКОЕ ВОССТАНИЕ.

1. Военные организации РСДРП (б).

Решение о вооруженном восстании было принято на III С'езде Партии (С'езд был составлен из большевиков) в апреле 1905 года. Военные организации были образованы в Воронеже, Екатеринославе, Казани, Либаве, Риге, Петербурге, Севастополе и Нижнем-Новгороде. Была восстановлена работа московской социал-демократической организации.

Совершенно особое положение среди всех с.-д. военных организаций заняла финляндская военная организация. В ней работа могла вестись в исключительно благоприятных условиях. Царская охранка и жандармерия, в силу обособленного положения Финляндии, не могли здесь поставить, как следует, слежки и всех остальных своих служебных мер, которыми в обыкновенных случаях им удавалось помешать работе в самом ее начале. В Финляндии почти совершенно не было русской рабочей массы. Все внимание социал-демократической партии сосредоточивалось на работе среди солдат и флотских частей, расположенных в Свеаборгской крепости. Как отмечает жандармский историк революционного движения, в Финляндии дело пропаганды и агитации облегчалось тем, что нелегальная литература могла свободно распространяться, так как она продавалась в книжных лавках наравне с легальными изданиями. В смысле арестов военная организация в Финляндии тоже находилась в гораздо более благоприятных условиях. Обыски и аресты, широко практиковавшиеся в Финляндии во время полицейского террора времен генерал-губернатора Бобрикова, в 1906 году, с возобновлением «конституционных гарантий» манифеста 22 октября 1905 года[1], не могли так легко применяться, как в России. Царской охранке приходилось делать вид, что правительство считается с Финляндской конститу-

[1] Именно 22 октября 1905 г. был опубликован особый манифест, касавшийся «свобод» в Финляндии.

цией. Все указанные обстоятельства облегчали работу финляндской военной организации и ставили ее в исключительно благоприятные условия; только этим можно об'яснить, что Свеаборгское восстание среди всех остальных военных восстаний имело, сравнительно говоря, наибольший успех и наибольший размах.

Если не считать одиннадцатидневного восстания на «Потемкине Таврическом» — мятежный корабль в море, лови-ка его со старыми галошами Черноморского флота! — то Свеаборгское восстание было самое длительное. Оно продолжалось ровно трое суток, при чем почти вся крепость, за исключением небольшого участка так называемого Комендантского острова центральной крепости и крохотного Николаевского островка с одной батареей, находилась в руках восставших. Кроме того: в то время, как в Севастополе осенью 1905 года или в Кронштадте в июле 1906 года, восставала часть матросов и солдат, в Свеаборге восстал почти поголовно весь гарнизон. Восстание перекинулось в Гельсингфорс, где восставшими флотскими частями была занята часть города, территория Военно-Морского порта, значительная часть целого района Гельсингфорса, Скатуддена. И еще одна замечательная подробность Свеаборгского вооруженного восстания: несколько сот вооруженных финских рабочих, красногвардейцев, приняло участие в Свеаборгском восстании, участвуя в ружейной стрельбе с острова Михайловского (Кунгс-Хольм). Надо заметить, что отряд финской красной гвардии, пришедший на помощь свеаборгским артиллеристам, количественно был значительнее большевистского отряда рабочих во время восстания в Москве в декабре 1905 года (в Москве было всего 250 человек дружинников-большевиков). Наконец, последнее важное преимущество и особенность Свеаборгского восстания: был на-лицо руководящий центр, боевой штаб. Выдвинулись, наконец, вожди, руководители восставших, свеаборгские артиллеристы. Из них три офицера: штабс-капитан Сергей Анатольевич Цион, подпоручики Аркадий Петрович Емельянов, Евгений Львович Коханский (участие офицеров — вещь совершенно неслыханная, за единственным исключением лейтенанта П. П. Шмидта) и солдаты: унтер-офицеры и фейерверкера: Виноградов, Иванов, Детинич и Герасимов.

Благоприятная особенность Свеаборгского восстания, которое со стороны технической и организационной должно быть отнесено на первое место на-ряду с восстанием на броненосце «Потемкин Таврический», об'ясняется *особыми условиями партийной работы в Финляндии*. В то время, когда социал-демократическая партия в России была на нелегальном положении, финская социал-демократия пользовалась законным правом агитации и пропаганды. Мало того: под носом у финляндского генерал-губернатора, жандармов и охранников, совершенно легально финская партия социал-демократов содействовала организации Красной Гвардии, с помощью отставного капитана Кока. Она насчитывала в своих рядах 25.000 вооруженных рабочих. Несмотря на вмешательство русской правительственной власти, Финляндский сенат, высший орган

власти в тогдашней Финляндии, считал вполне законным и правомерным организацию Красной Гвардии. Финляндское правительство считало, что Красная Гвардия образована с целью охраны порядка во время возможных экономических забастовок. И вплоть до Свеаборгского вооруженного восстания Красная Гвардия, которая стала образовываться со времени октябрьской забастовки 1905 года, существовала совершенно невозбранно. Только открытое выступление с оружием в руках финских рабочих показало финляндскому правительству, что Красная Гвардия таит в себе зародыш образования классовой красной армии пролетариата, которая в моменты обострившейся классовой борьбы может оказаться опасной и для самой финской буржуазии. И только тогда финское буржуазное правительство, в лице финляндского сената, пошло на ликвидацию финской Красной Гвардии.

Все перечисленные обстоятельства, благоприятные для революционной работы среди войск, показывают, что, с помощью финской партии социал-демократов, пользуясь ее легальными возможностями, русская с.-д. военная организация в Финляндии могла развивать работу в исключительно удобных условиях.

Военная организация в Финляндии работала не только в Гельсингфорсе и Свеаборге, но и во всех тех местностях Финляндии, где стояли русские гарнизоны: в Выборге, в Вильманстранде, Або, Тюсьбю. Каждая местная группа была составлена из полковых представителей и партийных работников; далее шли комитеты батальонные, ротные и батарейные. На военных судах были образованы судовые комитеты. Все местные группы были об'единены между собой через центральную группу, руководившую всей работой. Центральная группа издавала «Вестник Казармы» и выбиралась конференцией работников финляндской военной организации. Конференция являлась постоянным высшим учреждением военной организации и собиралась периодически.

В Финляндии выработался особый вид партийной работы—военной или, так называемой, «явки». Этим именем назывались в Финляндии занятия, которые вели социал-демократы с солдатами в известные часы в специально нанимавшихся для этой цели квартирах.

Вот как описывает один из партийных работников работу на явках в Гельсингфорсе.

«Ежедневно с определенного часа приходили солдаты (из практических соображений для матросов устраивалась отдельная явка). Явка обыкновенно продолжалась 3 часа. Первые 2 часа проходили в деловых разговорах с солдатами по их частям. В это же время солдаты читали литературу, которую — довольно разнообразную (газеты, книги, брошюры) — они постоянно могли находить на явках. Последний же час всегда посвящался беседе. Темы намечались самими солдатами. Они были в высшей степени разнообразны. Например, о программе социалистов-революционеров о Думе, о кадетах, об уничтожении постоянной армии, о боге и т. д. Вопросы политические сменялись вопросами религиозными и этическими. Докладчиком по всем

этим вопросам обыкновенно являлся товарищ, ответственный работник организации, который, стараясь систематизировать все выдвигаемые солдатами вопросы, добивался того, чтобы солдаты сами высказывались. Это обыкновенно удавалось, и беседы проходили очень оживленно. Солдаты очень дорожили этими беседами, и многие из них приходили послушать и поговорить о своих делах» (см. Протоколы конференций военных и боевых организаций РС-ДРП, состоявшихся в ноябре 1906 года).

Явки пользовались среди солдат большим успехом. На них бывало в день до 50 человек.

Во время восстаний в Кронштадте и Финляндии, организации сыграли исключительно важную роль.

Еще в конце июня месяца в Финляндии, по инициативе центральной группы, был образован военно-боевой центр. Его задача заключалась в выработке плана действий в момент восстаний. В военно-боевой центр входили представители центральной группы и финской Красной Гвардии. Приступив к работе, военно-боевой центр выделелил из своего состава разведочную комиссию. Последняя стала собирать материалы и сведения, изучать условия, при которых могло быть поднято и проведено восстание. Для согласованности действий с военной организацией партии социал-революционеров, выделили информационное бюро. Решение о восстании в Свеаборге было принято при крайне неблагоприятных условиях. Предложение начать восстание поступило от представителей кронштадтской и гельсингфорской военной с.-р. организации. Финляндская с.-д. военная организация, не имея никаких директив от Центрального Комитета партии, предложение с.-р. отклонила. Но после долгих споров, совместно с с.-р., было постановлено готовиться к восстанию как Кронштадту, так и Свеаборгу. Выступать было решено одновременно в обеих крепостях. Между тем, эс-эры продолжали торопить с восстанием. 16 июля в Свеаборгской минной роте произошли беспорядки: выступление скопом, заявление протеста; минеры разобрали винтовки. Дело начинало завариваться. Выступление становилось неизбежным. Военная организация получила поддержку финской социал-демократической партии, об'явившей всеобщую забастовку.

Восстание в Свеаборге сопровождалось тем, что центральный комитет РСДРП дал директиву о восстании Кронштадту, где работала С.-Петербургская военная организация. По директиве Центрального Комитета партии, Ревельская военная организация подняла восстание на крейсере «Память Азова». Те же директивы были даны и в Севастополь, а также в Усть-Двинскую и Либавскую крепости.

Несмотря на неудачный исход Свеаборгского и Кронштадтского вооруженных востаний, большевики считали, что попрежнему единственным путем, который может привести к победе, является тактика вооруженного восстания. В статье «О вооруженном восстании», помещенной в «Пролетарии» [1] от 10 ноября 1906 г. № 7, имеются такие строки:

[1] Подпольная газета большевиков.

«Вооруженное восстание — единственный путь, который может привести нас к победе. Чем успешнее будет наша избирательная кампания, чем революционнее будет вторая Дума, тем быстрее может наступить момент восстания, независимо от нашей воли...

«Для успеха восстания, кроме широкой работы пропаганды и агитации среди рабочих, крестьян и войска, необходима серьезная организационно-техническая подготовка,—эту подготовку должны осуществлять военно-боевые центры».

Насколько серьезное значение придавало царское правительство работе военных организаций до и после Свеаборгского и Кронштадтского вооруженных восстаний, видно из той «чуткости», с которой высшие правительственные лица осведомляли друг друга о деятельности военных организаций.

По поводу финляндской военной организации «сам» председатель совета министров Столыпин забеспокоился. Он послал военному министру Редигеру извещение, что, по полученным департаментом полиции сведениям, проживающие в городе Гельсингфорсе революционеры, в числе коих находится значительное количество русских эмигрантов, почти открыто ведут агитацию среди войск местного гарнизона; с этой целью устраивают митинги, распространяют в среде солдат нелегальные издания. Столыпин упоминает, что даже офицеры замешаны в революционную работу. 25-го мая 1906 г. тот же Столыпин довел до сведения морского министра адмирала Бирилева, что, по донесению начальника штаба Кронштадтского порта, подслушан разговор между матросами и артиллеристами. Матросы уговаривали артиллеристов, в случае восстания, не стрелять. В настоящее время, сообщает Столыпин, под председательством коменданта крепости заседают комиссии для выработки позиций на случай отражения мятежного нападения. Толки среди матросов о предположенном восстании, как только корабли выйдут в плавание, ведутся уже с ранней весны. Штатские революционеры легко получают доступ в среду матросов, так как, благодаря постоянным переменам в личном составе экипажа, даже ближайшее начальство не всегда знает в лицо своих подчиненных. 26-го мая Столыпин снова посылает Бирилеву извещение о подпольной работе среди матросов Балтийского флота и флотских экипажей в Кронштадте.

В конце мая 1906 г. полковник Герасимов, начальник отделения по охранению общественного порядка в столице, донес в департамент полиции, что в близком будущем гарнизон в Кронштадте и матросы хотят устроить забастовку. Чем ближе к июльскому восстанию 1906 г., тем более нервным становится поведение жандармского начальства, тем усерднее ведется переписка.

Но, несмотря на усердную переписку и нервничанье, начальство было очень плохо осведомлено о том, что творится у него под носом.

Хорошо помню, что еще задолго до Свеаборгского вооруженного восстания, солдаты выступили с требованием улучшить их положение и уволить в запас срок службы 1901 года. Начальство было так плохо к этому подготовлено, что комендант Свеаборгской

крепости генерал-лейтенант Н. Н. Кайгородов об'явил, что соглашается на исполнение части солдатских требований (в приказе от 1-го ноябра за № 205; об этом приказе упоминает в своих воспоминаниях С. А. Цион). Заявление солдат было сделано «скопом» по выходе из церкви, после обедни. Генерал Кайгородов так растерялся, что только и делал, что бестолково повторял: «стройтесь», «стройтесь», и никто из солдат не строился. Далее, помню, что, как ни в чем не бывало, на многих зданиях в Свеаборге, в том числе на здании Центральной телеграфной станции, висели прокламации, где были изложены требования солдат. И все это делалось под носом, буквально в двухстах шагах от штаба Свеаборгской крепости и жандармского управления. Собрания невозбранно устраивались товарищами Емельяновым и Коханским в их квартире в так называемом Малиннике, флигеле, отведенном под квартиры артиллерийских офицеров. На одном из таких собраний у Емельянова и Коханского я был, чтобы передать тюк нелегальной литературы не то от Циона, не то от Л. П. Воробьева. В квартире было несколько десятков солдат артиллеристов и фейерверкеров. В двух шагах проживал «сам» жандармский вахмистр, некто Савчик, и тем не менее начальство не подозревало об этих собраниях. Да и вообще начальство и в других случаях начинало соображать, как следует, уже после того, как восстание произошло...

Боевые и военные организации большевиков и после июльских восстаний продолжали заниматься подготовкой вооруженного восстания. Сторонники боевой работы решили централизовать ее, создав внутри партии специальную централизованную организацию, как для подготовки вооруженного восстания, так и непосредственного руководства. Для выработки плана организации в ноябре месяце 1906 г. в Таммерфорсе состоялась конференция боевых и военных организаций, созванная большевиками.

На конференции собрались представители от 11-ти военных организаций, 6-ти боевых, от технического бюро при Центральном Комитете, от Южного Технического Бюро и 9 человек с совещательными голосами. Все участники, за исключением одного, принадлежали к фракции большевиков. Были представлены следующие военные организации: Воронежская, Казанская, Кронштадтская, Калужская, Либавская, Московская, Нижегородская, Петербургская, Рижская, Севастопольская и Финляндская; боевые организации: Московская, Петербургская, Саратовская, Уральская.

Конференция выслушала отчеты о работе на местах. Много спору было по вопросу о взаимоотношениях боевых, военных и общепартийных организаций, о создании военно-боевых центров, о технике и об условиях работы. Из докладов выяснилось, что успешной работе на местах препятствуют частые аресты, недостаток партийной и специальной для пропаганды в войсках литературы, строгость в некоторых частях казарменного режима и недостаток интеллигентных сил.

Некоторые представители заявили, что оживлению занятий с солдатами способствовали приказы по войсковым частям, с кото-

рыми некоторые начальники обращались к солдатам; в этих приказах начальство пыталось разбирать распространявшиеся в войсках революционные прокламации и брошюры и, тем самым, вступали в полемику с революционными организациями.

Это заявление представителей в высшей степени справедливо. Помню, что вскоре после Свеаборгского вооруженного восстания новый комендант Свеаборгской крепости (при нем именно восстание и произошло), генерал-лейтенант В. А. Лайминг разразился огромным приказом по Свеаборгскому гарнизону, в котором разбирал брошюру С. А. Циона «Три дня восстания в Свеаборге». Из приказа я очень хорошо узнал ее содержание. На нескольких десятках страниц генерал Лайминг расписывал разные разности. Писал, что многие артиллеристы были, мол, непроходимо темны и совершенно не понимали, ради чего, по каким причинам затеяно восстание. Лайминг уверял, что, например, татары-артиллеристы, не понимая русского языка, вообразили, что это начальство приказало стрелять по центральной крепости. Лично себе Лайминг приписывает заслугу, что выстрелил в баржу, где были приготовлены к отправке несколько тысяч пудов пороху. Лайминг дал исчерпывающее представление о запрещенной тогда брошюре Циона.

Подобные приказы давали темы пропагандистам для собеседований. Давался материал, по поводу которого пропагандисты имели основание посмеяться над авторами приказов и тем еще более подрывали в глазах солдат авторитет начальства.

Конференция приняла несколько резолюций. Вместе с тем избрали временное бюро военных и боевых организаций, которое должно было являться исполнительным органом, об'единяющим и обслуживающим свои военные организации. Конференция постановила издавать свою газету.

В отчетах с мест заслуживают внимания доклады представителей Финляндской и Кронштадтской военных организаций о причинах неудачного исхода Свеаборгского и Кронштадтского восстаний. Делегат Финляндской организации т. Анатолий сообщил, что Свеаборгское восстание рушилось лишь потому, что центральный комитет РСДРП не дал своевременно нужных директив. Огромным препятствием для успешного хода восстания явились разногласия, происшедшие перед восстанием между военными организациями партии социал-демократов и социалистов-революционеров. Последние вызвали восстание вопреки указаниям социал-демократической организации на его несвоевременность и на неподготовленность войск.

Делегат Кронштадта Ида привела те же причины и соображения, что и Свеаборгский делегат; кроме того Ида указала на преобладающее влияние в Кронштадте партии социалистов-революционеров.

Отчеты представителей военных организаций в Ревеле и Севастополе интересны в том отношении, что указывают на ошибки Центрального Комитета партии. В Ревель была дана директива поднять восстание, несмотря на то, что местная организация предупреждала Центральный Комитет о несвоевременности и неподгото-

вленности местных военных сил. Севастопольский делегат Алексей указал, что Севастопольское восстание было вызвано исключительно партией социалистов-революционеров, при чем Центральный Комитет социал-демократической партии, поддержав решение социалистов-революционеров, впал в ту же ошибку, которую он сделал и по отношению к восстанию на «Памяти Азова».

Во всех речах и в резолюциях, принятых по вопросу о вооруженном восстании, видно, что партия связывала свою боевую деятельность именно со всеобщим вооруженным выступлением всего рабочего класса и поддерживающих его слоев крестьянства. Партия большевиков поняла это не только из опыта уже происшедших восстаний. Когда изучаешь работу большевистских военных организаций еще задолго до восстаний, убеждаешься именно все в том же: партия большевиков желала координировать для единого общего удара все накапливающиеся силы рабочего класса. Враги большевиков часто старались приписать им впоследствии, уже много времени спустя после революции 1905 года, бланкизм, заговорщичество, вспышкопускательство. Факты из истории революционного движения 1905 года ясно показывают, какую клевету возводили на партию большевиков те, кто не понимал ее духа, ее прочных корней в массовом рабочем движении.

Посмотрим в нескольких выдержках, что говорил на конференции военных и боевых организаций т. Изаров, и И. Х. Лалаянц:

«Не ослабляя своей идейной и организаторской деятельности ни на минуту среди пролетариата и крестьянства, партия должна в то же самое время всемерно направить ее к обеспечению успеха народного восстания. Успех же этот зависит от того максимума планомерности, организованности в действиях восставшего народа, который партия внесет; от степени умелости и единства в деле руководства, которые партия проявит с момента начавшегося восстания, и, наконец, того максимума дезорганизации, который партия внесет в силы правительства как до, так и во время восстаний, и степени осведомленности о всех тех скрытых пружинах правительственной обороны, которую проявит партия как до, так и, в особенности, во время восстания. *Осуществление этой огромной и насущной задачи партия должна взять на себя в целом и осуществлять непосредственно через свои военные и боевые организации* с тем, чтобы вся партийная работа среди пролетариата и крестьянства была строго координирована с направлением и содержанием деятельности этих организаций. Последняя должна заключаться, с одной стороны, в идейной организаторской работе среди армии, (работа В. О.), и технически-организаторской деятельности среди организованного пролетариата и крестьянства (работа Б. О.)».

На такой широкой основе были формулированы общие принципы деятельности партии, вытекающей из тактики вооруженного восстания.

Именно эта точка зрения, отраженная на ноябрьской конференции 1906 года, является, вместе с тем, ключом к разгадке, почему разрозненные восстания терпели неизменно успех и почему революция 1905 года в целом была разгромлена. Партия большевиков прекрасно понимала, что опрокинуть самодержавие, нанести удар классовому врагу, можно только соединенными силами широких масс. Восстания во флоте и войсках сами по себе не могли еще доставить победу революции.

Восстание армии и флота могло довершить, облегчить общее восстание рабочих и крестьян. Почему так легко досталась победа в феврале 1917 года? Почему не понадобилось такой длительной подготовки, стали не нужны военные организации в февральскую революцию? Именно по тем причинам, что широкое классовое движение было на-лицо, и восстание армии в феврале 17-го составило только часть общенародного восстания.

Центральный Комитет РСДРП, в своем воззвании по поводу восстания в Свеаборге и Кронштадте, говорит: «Народ должен протянуть руку восставшим солдатам. Народ должен рука об руку с солдатами бороться с царским правительством, разогнавшим Государственную Думу и надсмеявшимся над правительством народным и над волей народной... Свеаборг и Кронштадт — это только первый раскат надвигающейся великой грозы. Если вся теперь страна поднимется, жертвы, павшие в Свеаборге и Кронштадте, не пропадут даром. Их кровью крепится братский союз между армией и народом». Эти слова ясно показывают, что Центральный Комитет РСДРП придавал значение вооруженному восстанию в войсках только в неразрывной связи с общенародным восстанием. Совершенно те же мысли изложены в обращении к Кронштадтским матросам и солдатам Кронштадтской военной с.-д. организацией. Там говорится: «Военный бунт частей армии и флота *без народного восстания* также роковым образом осужден на неудачу».

В своей работе по укреплению военных организаций партия большевиков также придавала первостепенное значение единству действий между всеми местными военными организациями и их связи с партией в целом.

Резолюции ноябрьской конференции ставят своей целью именно установление этого единства и связи. Отнюдь не вина партии большевиков, что установить связь и укрепить единое руководство военной работой не удалось.

Ближайшую конференцию военных организаций было решено созвать в январе 1907 года. Но этой конференции уже не суждено было состояться. Именно с осени 1906 года революция несомненно идет на убыль. Революции наносится удар за ударом, один разгром за другим. Уже в первой половине 1907 года стало вполне обнаруживаться, что силы революции иссякают, и общая борьба идет все больше и больше на убыль.

Ив. Егоров.

2. Дни восстания в Свеаборге.

Свеаборгское вооруженное восстание было произведено, главным образом, солдатами Свеаборгской крепостной артиллерии, которые почти в полном своем составе приняли в нем участие. Именно Свеаборгским артиллерийцам-солдатам великая слава, честь и память в потомстве за это грозное восстание против царского самодержавия.

Лучшей до сих пор, наиболее живо написанной книгой о Свеаборгском восстании, является работа одного из главных участников и руководителей, штабс-капитана Свеаборгской крепостной артиллерии, Сергея Анатольевича Циона—«Три дня восстания в Свеаборге». Но книжка эта вышла 18 лет назад, в Гельсингфорсе в типографии Тенисон и пользуется весьма малым распространением. К сожалению, книжка С. А. Циона отличается порою грубыми ошибками и притом весьма многочисленными, без сомнения, вследствие обычного несчастья всех вспоминающих. На первой же странице, в самом посвящении, начинаются эти ошибки. Взять, хотя бы, то, что в числе доблестных героев-мучеников, расстрелянных артиллеристов, С. А. Цион упоминает некоего Соколова. Между тем достаточно взглянуть на обвинительный акт, чтобы убедиться в ошибке, допущенной автором. В обвинительном акте упомянуты: Аркадий Петрович Емельянов, Евгений Львович Коханский, нестроевой старшего разряда Терентий Яковлевич Детинич, фейерверкеры: Василий Евсеевич Тихонов, Макар Иванович Иванов, Петр Герасимович Герасимов, Василий Ефимович Виноградов и рядовой Свеаборгского пехотного полка Николай Матвеевич Воробьев. Ясно, что С. А. Цион смешал с кем-нибудь, назвав его Соколовым. В другом месте автор приписывает совершение доблестных поступков лицам, которые никогда бы не рискнули их совершить и — что достоверно известно—не совершали. Впрочем, все ошибки С. А. Циона мы укажем в особой работе. Здесь небесполезно только предупредить против ошибок, которыми изобилует книга, сама по себе очень ценная, как единственный памятник о великом подвиге Свеаборгских солдат.

Роль моряков в Свеаборгском восстании не была центральной. Крепость была занята не моряками, а артиллеристамм. Кроме того, по количеству пленных, артиллеристы далеко превосходят матросов: арестовано артиллеристов и предано суду было 1.000 человек, в то время как матросов было всего 99.

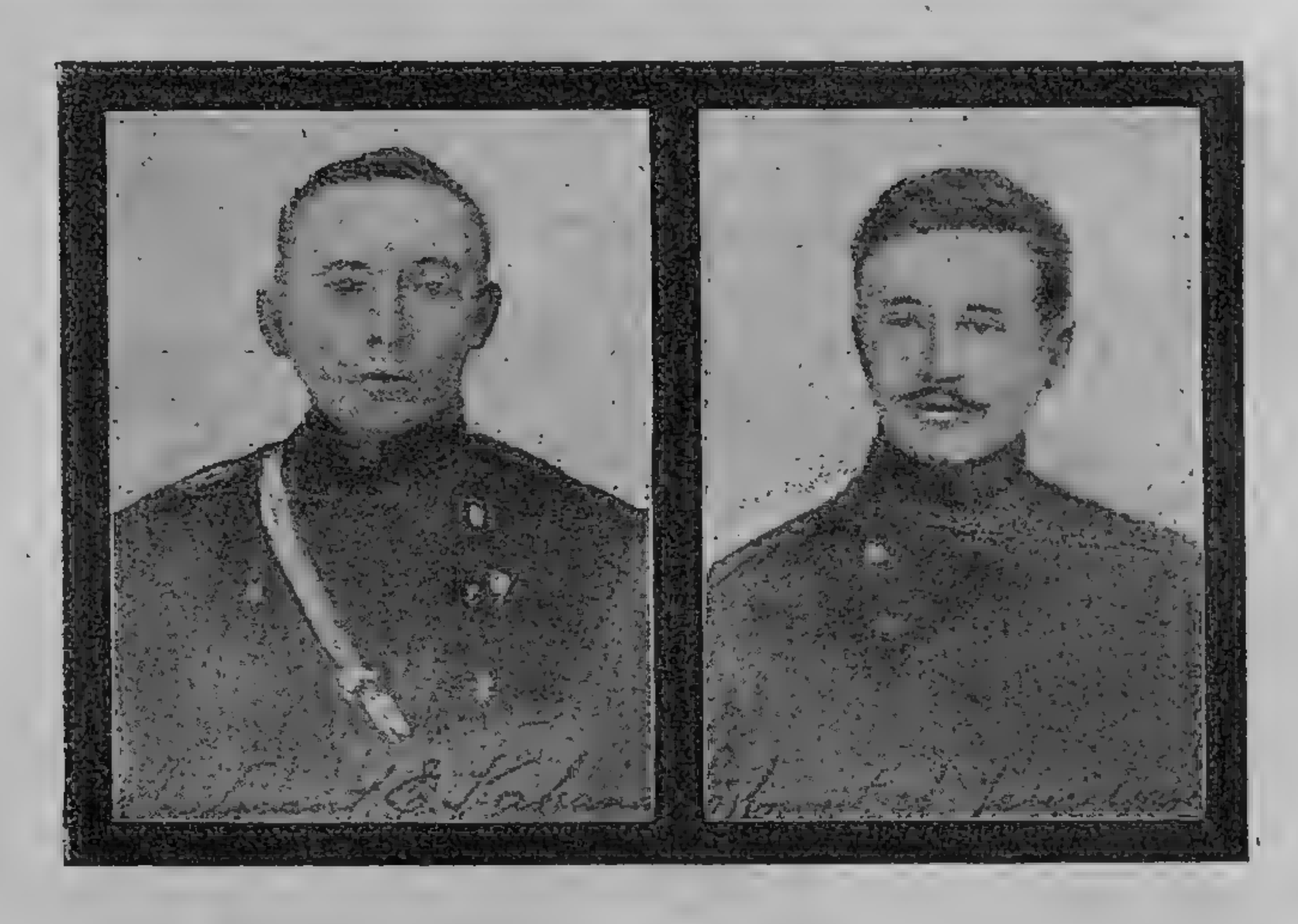
По данным обвинительного акта дело произошло так:

17 июля во 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10 ротах, нестроевой роте, командах учебной, рабочей, лабораторной и специальной Свеаборгской крепостной артиллерии вспыхнуло явное восстание. Восставшие захватили Лагерный, Артиллерийский, Александровский, Михайловский острова [1]. Открыли огонь из орудий, пулеметов и ружей по Комен-

[1] Именно на этих островах в Свеаборге тогда были все важнейшие батареи крепости.

дантскому острову с тем, чтобы завладеть всею крепостью. Восставшие держались на этих островах до утра 20 июля, когда были оттуда выбиты артиллерийским огнем с пришедших для подавления восстания броненосцев: «Цесаревич», «Слава» и крейсер «Богатырь».

Восставшими были арестованы командир Свеаборгской крепостной артиллерии генерал-майор Агеев и многие другие офицеры. Во время восстания застрелили заведывающего практическими занятиями Свеаборгской крепостной артиллерии полковника Нотара, штабс-капитана Борка, поручика Исакова. Восставшие взломали двери в пороховые погреба, достали оттуда патроны, заряды, снаряды. Во все время восстания поддерживали орудийный, пулеметный и ружейный огонь по Комендантскому острову Центральной крепости. 19 июля подпоручик Коханский с несколькими солдатами на казенном пароходе «Выстрел» подошел к броненосцу «Цесаревич», призывая матросов

Евгений Львович Коханский. Аркадий Петрович Емельянов.

к восстанию, но был арестован мичманом Петуховым. Огнем судовой артиллерии восстание было подавлено к утру 20 июля.

Так скупо рисует обвинительный акт общую картину восстания, прибегая к тому же кое-где к безусловно наглой лжи. Акт утверждает, что восставшие «угрозой смерти» вынуждали примыкать к восстанию всех нижних чинов, которые не желали принимать участия в нем. Со слов очевидцев, в частности, со слов студента Сергея Семеновича Федотова, попавшего в самое пекло на Инженерном острове, где находилась квартира его отца, чиновника той же артиллерии, можно утверждать, что все солдаты примыкали к восстанию в высшей степени дружно, охотно и даже весело. Ни о каких угрозах и ни о каком насильственном побуждении к восстанию никто не рассказывал. Вообще обвинительный акт, к удивлению, нуждается в серьезных дополнениях и исправлениях. Напри-

мер, обвинительный акт совершенно умалчивает об Инженерном острове Свеаборгской крепости, тогда как пулеметный огонь очень энергично поддерживался именно отсюда. В частности, весьма удобной позицией для солдат явилась крыша длиннейшего трехэтажного, шведских времен здания, расположенного высоко, откуда можно было превосходно поддерживать огонь во все стороны, господствуя над крепостью. Инженерный остров был настолько во власти восставших, что их «признал» жандармский вахмистр Савчик. Савчик снимал квартиру в первом этаже как раз того дома, откуда артиллеристы поддерживали залповый огонь по штабу Свеаборгской крепости, по квартире коменданта и по Александро-Невскому собору. Савчик, по рассказу С. С. Федотова, настолько испугался, что стал приветствовать восставших, поощрять их всякими дурацкими возгласами вроде «хорошенько им». Надо заметить, что этот же Савчик, как только несознательные стрелки и пехотинцы стали арестовывать революционеров на Инженерном острове, круто переменил тактику и теперь вопил во все горло, доказывая свое усердие к царю и отечеству. Размахивая руками вслед уводимым арестованным, Савчик кричал: «Так им и надо, мерзавцам, вот ужо будет вам, мерзавцы!»

Орудийный огонь артиллеристами поддерживался ожесточенно. С Михайловского острова бомбадировка производилась из 11 дм. мортир непрерывно в течение 15 часов. С Александровского острова огонь поддерживался тоже из тяжелых орудий.

Нет никакого сомнения, что местными пехотными средствами начальство было бы совершенно бессильно ликвидировать восстание. Вот как описывает характер восстания С. А. Цион:

а) «Три дня восстания в Свеаборге» [1].

Было решено, что я поеду в понедельник на Михайловский остров на собрание всех представителей от рабочих комитетов артиллерии и там сообща с ними выработаю план.

На другой день, часов около пяти, мне сообщили, что из Свеаборга прибыл артиллерист, имеющий ко мне очень важное и спешное поручение [2]. Получив это известие, я стремглав поскакал на центральную квартиру. Влетаю и вижу: действительно сидит товарищ артиллерист из Свеаборга.

— Здравствуйте... Что нового?

— Да сегодня решили начинать.

Если бы гром разразился над моей головой, это меньше поразило бы меня, нежели подобное сообщение.

— Да ведь окончательно ничего не готово.

— Не знаю. Меня Д-ч к Вам послал сказать только, что приходите сегодня ночью, как факелы зажгут, в центральную крепость на митинг, а там зачинать будем.

---

[1] Брошюра С. А. Циона.

[2] С. А. Цион находился в Гельсингфорсе.

— Ступайте сейчас же к Д-ч и скажите, что сегодня ни в коем случае начинать нельзя, я же отправлюсь на Михайловский остров и передам то же самое представителям.

— Ладно, передам.

Я отправился тотчас за лодкой, но поездка задержалась, так как моторной лодки нигде достать на часы не удалось, а в обыкновенной, в виду возможности преследования, ехать было рисковано. Пришлось обратиться к знакомым. Добыв лодку, я по телефону передал условно в крепость, что еду и прошу представителей меня подождать.

На Михайловском острове снаружи ничего не напоминало о готовящихся грозных событиях. На пристани мирно шагал дневальный. На берегу не было ни души. Только около канцелярии толпилась масса солдат, возбужденными взорами следивших за нами. Нас встретил у входа т. Коханский, бледный, взволнованный, но не за себя волновался этот благородный мученик долга, а за нас.

— Как вы могли приехать сюда! ведь это в пасть волка лезть. Вон под окном фельдфебель Морозов стоял: он живо донесет.

— Ну, в такие минуты не рассуждают. Вы слышали что они затевают?

— Да это ужасно. Подите уговорите их.

Коханский с Зы-м остались в конторе, а я вышел в канцелярию.

— Что у вас такое затевается?

— Да вот встаем.

— Какая причина?

— Видите ли, минеров арестовали за то, что они отказались два дня тому назад мины ставить по приказанию коменданта. Дело было так: коменданту откуда то донесли, что крепость собираются захватить при помощи матросов с разных судов Балтийской эскадры, чтобы знать что они высадили дессант на батареи, а потом артиллерия к нам примкнет. Вот он и приказал на ночь мины выставлять. Но минеры отказались. Из-за этого все и пошло. Минеров окружили пехотой, разоружили, а потом комендант самолично стал с них нашивки срывать. Потом окружили их лагерь пехотой и держат, как значит под арестом. Так мы их освободить желаем.

— Но понимаете ли вы, что если вы сейчас подниметесь, то этим громадный вред нанесете всей русской революции. Кронштадт еще не совсем готов; надо суда собрать. Это потребует нескольких дней. Через несколько дней все будет готово и тогда с богом. Ничего за эти дни с минерами не сделают.

— Ну, а сколько к примеру ждать придется?

— Дней пять не больше. Тогда и Севастополь примкнет и эскадра почти вся будет наша, как Балтийская, так и Черноморская.

— Ну дней пять обождать можно.

— Так подите сейчас же и оповестите по ротам, чтобы все знали что решено восстание отложить.

На собрании, о котором я упомянул, было человек шесть с разных рот. Хотя роты все и не были представлены, но здесь были люди, как центральной крепости, так и со всех островов.

Я очень подробно остановился на этом разговоре потому, что он ясно выражает, что восстание произошло стихийно, единственно вследствие нервного напряжения солдат, требовавшего выхода. Как пар, не находя себе выхода, разрывает крышу котла, а иногда и самый котел на части, так и солдаты возмутились до глубины души провокационными действиями шайки хулиганов, именующих себя русским правительством.

Этим и об'ясняется, что девять рот артиллерии поднялись по данному сигналу, как один человек. Изменников общего дела не было.

Почему артиллерия поднялась, несмотря на согласие представителей комитетов обождать, разобраться в этом—дело историка. Я, со своей стороны, выскажу только два предположения.

Первое — это отсутствие правильной организации, которое и повело к гибели революционеров и давало себя чувствовать с первых же дней восстания.

Второе — это то, что артиллерист, которому было поручено дать условный сигнал, в общей суматохе и спешке не был предупрежден о состоявшемся решении обождать; он подал сигнал, а остальные, хотя и были предупреждены, но приняли его, полагая, что снова решено восстать в этот день.

Упомянутый разговор происходил в девять часов вечера, а ровно в 12 ч. ночи на Лагерном острове был дан условный сигнал—выстрел из девяти фунтовой пушки. Раздался этот выстрел — предвестник новой зари, зари пробуждения гражданского самосознания среди солдат, и весь артиллерийский лагерь на Лагерном острове, состоящий из 6-й, 8-й и 9-й рот поднялся, как один человек. Артиллеристы тотчас же двинулись освобождать минную роту. Предполагалось, что это удастся очень легко, но оказалось, что к моменту нападения артиллеристов на лагерь минной роты противником их оказался не дружественный, а враждебный первый батальон Свеаборгского крепостного пехотного полка. Нападение артиллеристов было отбито спрятанной в засаде пехотой, после чего все три роты артиллерии в полном порядке перешли на Михайловский остров, где к этому времени уже собрались, арестовав ротного командира 7 роты кап. Власова, 7-ая и 10-ая роты артиллерии.

На Александровском острове 3-я и 4-ая роты тоже заняли свои батареи, после того как посланные из центральной крепости четыре артиллериста арестовали их ротных командиров Глушановского и Филимонова от имени Центрального Комитета. После этого, в виду того, что пехота начала с Лагерного острова осыпать артиллерию на Михайловском острове дождем пуль, полагая терроризировать ее и принудить к сдаче, с батарей Михайловского и Александровского островов по ней был открыт шрапнельный огонь.

В Центральной крепости тотчас после поданного с Лагерного острова сигнала, находившаяся около своего лагеря специальная

команда бросилась в артиллерийский манеж, где стояло в полной готовности 20 пулеметов. Арестовав заведывающего ими старш. фейерверкера пулеметной команды, перешедшего впоследствии на сторону народа, команда завладела всеми пулеметами, за исключением двух, оказавшихся без замков, — их революционеры великодушно предоставили в распоряжение коменданта, выставившего неисправные пулеметы на всякий случай, как пугало для правительственной пехоты перед своим домом. (Видно не особенно доверял он верным царю войскам).

После этого часть революционных артиллеристов направилась к гауптвахте, которая была сейчас же и занята, и пленники правительства выпущены на свободу...

Сергей Анатольевич Цион.

Пехота в это время была выведена на площадь в полном боевом порядке. Офицеры двинули ее на артиллеристов. Увидев пехоту, артиллеристы закричали: «Товарищи! Бей офицеров и переходите к нам. Мы идем добывать землю и волю, и правительство грабителей хотим заменить Учредительным Собранием». Из рядов пехоты отвечали, что они стрелять не будут, лишь бы артиллеристы не стреляли по ним. В это время из рядов артиллерии кто-то выстрелил по пехоте и ранил в руку стоявшего близ офицера рядового. По всей вероятности, выстрел был произведен в офицера, но получился промах. Пехота бросилась врассыпную, но она была снова собрана офицерами, которые выбрали таких солдат, которые согласились бы стрелять в артиллеристов. Отряд этот был отведен с восточной стороны Александровского собора в соборном садике, откуда он произвел залп по артиллерии. Произошла горячая схватка между войсками народа и войсками правительства.

С обеих сторон были раненые и убитые. Артиллерия, забрав своих раненых, из коих только один был ранен тяжело, видя что главная их задача исполнена и арестованные освобождены, отступила на свои позиции — Инженерный и Артиллерийский острова...

На посту, соединяющем Комендантский остров с Инженерным, артиллеристы поставили пулеметы и расставили сторожевые посты: трое артиллеристов пошли на разведки узнать расположение пехоты и что делается в Центральной крепости...

В это время комендант вытребовал две роты Финляндского стрелкового полка, собрал пехоту, выстроил ее на плацу и обратился к ним с такими словами.

— Братцы! Артиллеристы бунтуются. Они изменники присяге, изменники батюшке царю, они сделались крамольниками, страшными внутренними врагами. Помогите мне их усмирить. Надеюсь, вы послужите батюшке царю.

— Стрелять в своих не будем, — раздалось в рядах пехотинцев и стрелков. Комендант закрыл лицо руками и заплакал, как ребенок[1]; он понял, что близок конец самодержавной власти; он понял, что он не грозный генерал, заставляющий одним своим взглядом дрожать два полка солдат.

Комендант сделал последнюю попытку и отобрал, как он выразился, верных «долгу и присяге» солдат; таких собралось не более 100 человек, которых он разместил в своей роскошной квартире, из окон которой он решил отбивать атаки «крамольников»...

Между тем у артиллеристов происходило следующее: они собрались за полковым цейхгаузом на Инженерном острове, вышел оратор артиллерист и начал говорить речь про тяжесть существующего режима, про страдания народа, про мошенничества правительства; он говорил кратко, но для всех понятно; он говорил также про тяжелую солдатскую жизнь, про несправедливость начальства...

— Долой самодержавие! — подхватили артиллеристы. — Идем бить кровопийц! — раздалось из толпы, и вслед затем два выстрела по направлению комендантского флигеля.

— Товарищи! — снова начал оратор, — теперь ночь, итти на Комендантский остров опасно, так как пехота может из засады нас всех расстрелять; дождемся дня, вооружимся хорошенько и поведем правильную осаду.

Артиллеристы согласились.

— Кто гребет! — раздался внезапно, прорезав безмолвную ночную тишину, оклик часового с артиллерийского крана, зорко всматривавшегося в темноту и заметившего приближающуюся лодку. Но ответа не последовало, слышно было только торопливое приказание гребца.

— Наляг!

— Стой! — скомандовал часовой.

— Наляг! — раздалось снова с лодки.

Это ехали начальник артиллерии крепости генерал Аггеев и заведывающий практическими занятиями полковник Нотара.

Раздался выстрел, направленный через лодку.

— Наляг! — раздался испуганный дрожащий голос Нотара.

В ответ раздался с берега залп, ранивший Нотара в ногу. Лодка остановилась.

— Неси меня живо в лазарет! — приказал Нотара.

— Ладно, обожди немного. Братцы, отведите полковника.

Шестеро артиллеристов подняли Нотара и хотели нести.

---

[1] Это была, конечно, хитрость. Зная сердце русского народа, комендант думал разжалобить солдат, играя эту недостойную комедию растроганности чувств (примечание С. А. Циона).

— Ну, живо двигайся вы, мерзавцы! Ужо будет вам на орехи!

— Молчи, кровопиец! — крикнули артиллеристы.

— Пил вашу кровь и буду пить. Под расстрел вас, на виселицу.

— Раздайся! — крикнули несшим Нотара солдатам, они отскочили в сторону. Залп — и Нотара стал трупом.

Генерала же Аггеева арестовали и посадили в карцер при караульном помещении на Артиллерийском острове, но скоро он был по своей просьбе переведен на квартиру штабс-капитана Смирнова, где уже находились другие офицеры. Здесь он все время находился под стражей.

— Ты это куда? — спросил я одного артиллериста, стремглав бежавшего с ружьем наперевес к Артиллерийскому острову.

— Да я в малинник, там Борк заперся с женою и стреляет в наших из револьвера.

И действительно, около памятника Эренсверда слышалась пальба. Через несколько минут однако все стихло.

Оказалось, что Борк забрался на чердак, откуда с женою и вестовым начал отстреливаться от желавших его арестовать артиллеристов. Ранив четверых и не имея патронов для дальнейшего сопротивления, Борк, не желая сдаваться, застрелился на глазах у жены, почти в ее об'ятиях.

Несмотря на то, что жена его также стреляла в солдат, последние даже пальцем не тронули ее, и она спокойно осталась в своей квартире.

Остальная часть ночи прошла в приготовлениях. Отовсюду тащили полевые орудия, снаряды и заряды к ним, устраивали баррикады.

На Александровском острове часть восставших тоже подготовляла орудия.

На Михайловском острове шла безостановочно самая кипучая деятельность.

Все были на ногах. Все переживали высокоторжественное настроение данной минуты.

К орудиям стаскивались снаряды, ввинчивались трубки в шрапнели, кое-где раздавались революционные песни, кое-где слышался шопот молитв о помощи затеянному делу.

Емельянов и Коханский спешно приводили в известность наличие боевых и продовольственных припасов, размещали прибывших с Лагерного острова солдат, устраивали перевязочные пункты, очень примитивные, так как во все время восстания в распоряжении революционеров не было ни одного врача. Последние наотрез отказались помогать восставшим.

б) Моряки в Свеаборгском восстании [1].

Началось Свеаборгское восстание волнениями в Свеаборгской минной роте, расположенной на Лагерном острове. По внешней

---

[1] По материалам из дела № 6, часть 3, особого отдела деп-та полиции, за 1906 г. актохранилище № 1 (ЛЦИА).

видимости оно было вызвано чисто местными причинами. Минеры были недовольны отменой выдачи на-руки денег за винные порции и 16 июля потребовали восстановления этого обычая. Это требование отклонили, мотивируя тем, что деньги идут на улучшение пищи. 17 июля минеры отказались выходить на занятия.

Этому выступлению предшествовало несколько митингов на крепостных островах. На митингах, кроме минеров и телеграфистов, присутствовали крепостные артиллеристы. Зачитывались письма и воззвания от Балтийского флота, обсуждался общий план: — взять при помощи флота Свеаборг, затем захватить и другие крепости — Выборг, Кронштадт и двинуться на Петербург для захвата правительства с целью добиться «земли и воли».

Обвинительная власть приписывала движению минеров сознательную цель — «отвлечь внимание крепостного начальства от других островов, с которых предполагалось открыть огонь по крепости и дать возможность восставшим сосредоточиться и приготовиться на Михайловском острове, как центре восстания».

На самом же деле минеры, кроме отказа выходить на занятия, ограничились вызывающим поведением в беседе с ними коменданта крепости, да еще тем, что 18-го числа вся рота переоделась в рубашки морского покроя с красными воротниками[1].

Однако, вести об их движении, а также о произведенном, по распоряжению коменданта, разоружении роты и разжаловании ее унтер-офицера (а, по ходившим слухам, и об убийстве комендантом 2-х солдат) — послужили толчком к восстанию крепостной артиллерии на островах Михайловском, Александровском, Лагерном и Артиллерийском.

На них был поднят красный флаг с надписью: «Земля и Воля, Учредительное Собрание», арестованы офицеры, противодействовавшие восстанию[2]. С вечера 17-го числа по Комендантскому острову открыли стрельбу из орудий, пулеметов и ружей.

Минеры и артиллеристы надеялись, что флот окажет поддержку восставшим. Когда показался дым эскадры, на Лагерном острове радостно шептали: «Флот пришел, „Слава" пришла». Ходили слухи, что условными знаками на судах для начала совместных действий будут под'ем красного флага и 4 выстрела. Вечером 19 июля к крепости подошли «Цесаревич» и «Богатырь», и с них, действительно, раздались 4 выстрела. Несмотря на отсутствие красного флага, было решено, что суда пришли на помощь восставшим. Один из руководителей восстания на Михайловском острове подпоручик Коханский сел на пароход «Выстрел» и отправился к судам, чтобы организовать стрельбу по правительственным войскам и батареям. Но грянул выстрел с «Богатыря», и пароход остановился. Команда,

---

[1] Чтобы восставшие не смешивали их с усмирявшей восстание пехотой. Всего было предано суду 174 чел.

[2] Насилия над ними не производилось; начальник крепостной артиллерии сначала был арестован, а потом пользовался сравнительной свободой, и никакого разгрома имущества произведено не было.

посланная с «Цесаревича», арестовала всех бывших на нем. А бомбардировка судов по восставшим островам решила их судьбу и 20 июля принудила к сдаче.

Если флот, бывший в море, не оправдал надежд восставших, зато морские команды, расположенные на берегу, примкнули к ним.

На берегу находились: Свеаборгская флотская рота, команды миноносцев 20-го флотского экипажа и минных крейсеров,— «Уссурийца» и «Амурца». Эти части помещались в общем казарменном здании на территории Морского военного порта, в так называемом Скатуддене.

Уже раньше, и особенно дня за два-три до восстания, в Свеаборгской флотской роте замечалось, что некоторые матросы собираются по углам кучками «на совещание». Они о чем-то тихо, но оживленно разговаривали, прекращая разговоры или расходясь, когда к ним подходили посторонние.

По показанию одного свидетеля, эти матросы были Кузин, Цехоцкий, Гончаренко, Муравьев, Старостин. Другой часто видел секретно разговаривающими между собой Большакова, Михеева и фельдшера Соловьева. Они сходились также и на улице и при приближении к ним, перемигнувшись, расходились. Когда к такой кучке подошел баталер О. Куликов, кочегар Цехоцкий предупредил товарищей: «Этот принадлежит к белой кости», и все замолчали.

При допросах после восстания свидетели высказывали убеждение, что все лица «знали о предстоящем мятеже», потому что «в день мятежа каждый из них стремился на свое место, как будто бы по росписанию» (показ. баталера Д. Назарова).

Намеки на то, что что-то готовится, проскальзывали иногда и в открытых разговорах. Один из матросов сказал Цеховскому: — «Осенью уйду со службы». Но Цеховский заметил, что «до осени ему не дослужить». Матрос Щербаков дня за три, за четыре до 18 июля, недовольный тем, что увольнительный билет не подписан ротным командиром, стал браниться в канцелярии: «Скоро мы с вами разделаемся, будете и вы в наших руках». Матрос Сидорчук, за несколько дней, говорил, что скоро «будут стрелять из Свеаборга по крейсерам, чтобы испытать команду» (л. 14), а, по другому, прямо «о желании матросов перерезать всех офицеров» (докл. зап. мичм. Билибина).

Позднее некоторые офицеры указывали, что одной из причин, облегчавших присоединение флотской роты к восстанию, является наличие в ней матросов, списанных с судов за неблагонадежность (л. 349).

Как раз в это время, в роте почему-то отсутствовал ротный командир; его разыскивали три дня, чтобы подписать увольнительные билеты матросам. 17 июля фельдфебель доложил начальству: «Команда недовольна, что не увольняют после справки». Офицеры тоже замечали, что «в роте творится что-то неладное».

Тем не менее, днем 17-го и в ночь на 18-ое число в роте было по внешности все тихо и спокойно.

Свидетели отмечают за это время лишь два факта, показывающие, что, по крайней мере, некоторые чины роты не были совсем в стороне от начавшихся событий. Около двух часов ночи командир порта приказал послать шлюпку на крейсера «Финн» и «Эмир-Бухарский», чтобы предупредить начальство отряда о бунте в Свеаборге. Матросы Пастухов и Глушенко вместо того, чтобы доложить об этом вахтенным начальникам, стали раз‘езжать по рейду и кричать на все суда «что в Свеаборге бунт».

В 2 часа 15 минут Управление порта было по ошибке соединено по телефону с каким-то неизвестным. Находившийся у телефона кондуктор Чайка выдал себя за номер, которого добивался голос, но неизвестный отказался назвать себя и говорил, что «сейчас будет восстание», и спрашивал: «ну что, готовы» Где Цион[1], Поплавский, Гончаренко и Кульбенко?»

Кульбенко нарушил спокойствие роты тою же ночью, разбудив соседей криками во сне: «зарежу... зарежу... зарежу...».

Эти три матроса действительно находились в числе главных руководителей восстания.

В 8-м часу утра в столовой собралась кучка матросов, в том числе минный содержатель Михеев и квартирмейстер Приходько. Между ними «началось подозрительное шушуканье». Когда матросы пили еще чай, Приходько торопил их: «Ребята, сейчас будет тревога, переодевайтесь».

Фельдфебель Черников приказал, как всегда, построить свободных людей для разводки их на работы. Выяснилось, что Кульбакова, Поплавского и Дмитрия Гончаренко нет. Первые два пришли во время расчета и принесли по ящику патронов. Фельдфебель спросил, зачем и откуда у них патроны. Кульбаков ответил: «дело не твое, сейчас будет общая тревога». «Никому не ходить,— говорил он,—ни на работу, ни в город; сейчас будет забастовка такая, что никуда нельзя уходить». Поставил ящик с патронами на койку и, распечатывая его, он кричал: «что вы стали во фронт? Берите все ружья и патроны и бегите во двор!». Некоторые матросы стали смеяться—«с кем ты хочешь воевать?».

Михеев, Владимир Петров и Гончаренко вбежали с браунингами в руках в другое помещение роты. Петров взломал дверцу у шкафа с револьверами; Михеев принес патроны из комнаты фельдфебеля, затем подбежал к окну, выстрелил в него из револьвера и кричал вместе с Приходько: «бери винтовки, иди на двор, боевая дружина!».

На дворе раздалась тревога: ее сыграл на рожке три раза матрос Николайчук, выбежавший из под‘езда.

Стоявшая во фронте команда бросилась разбирать винтовки; многие спрашивали фельдфебеля, можно ли выходить в рабочем платье. Кульбаков крикнул: «выходи, в чем есть!». Фельдфебель попробовал остановить команду, но его никто не слушал. Гончаренко с револьвером в руках кричал: «свобода! выбегай, бери все вин-

---

[1] Штабс-капитан артиллерии.

товки!» (л. 171). Он наставил револьвер на фельдфебеля и потребовал сдаться, не сходить с места, ни с кем не разговаривать. При малейшем сопротивлении фельдфебеля, Гончаренко обещал уложить его на месте. «Бей, если тебе много от этого пользы», — сказал фельдфебель. Матрос ответил: «бить я тебя не буду, так как у тебя много детей». К фельдфебелю приставили двух часовых. Один из баталеров спросил Гончаренко, что он делает? Матрос ответил: «ничего, только вступаюсь за народ!».

Отсюда ясно, что действия главарей восстания были явно подготовлены и сознательны; не то замечается в отношении массы к событиям.

Мичман Билибин показывает: «огромное большинство нижних чинов, при первом же сигнале горниста, с радостью выбежали на двор, с видимым удовольствием разбирали винтовки. Каждый усиленно старался сделать что-либо полезное для бунта».

Доктор Мартенс пришел в порт в десятом часу (когда уже начался обстрел с судов) и оставался все время в лазарете. Из разговоров с матросами он вынес впечатление, что «большинство сделалось мятежниками против своей воли и убеждения». Услышав боевую тревогу, команда, как бы автоматически, бросилась отовсюду к ружьям и стала выстраиваться на парадной площади. Кто, заметив ошибку, возвращался обратно в казарму, того организаторы с револьверами в руках, заставляли брать оружие и становиться в строй. Значение показания Мартенса подорвано на суде тем, что он пришел в лазарет «уже по окончании бунта». Это обстоятельство занесено, по требованию прокурора, в протокол заседания.

По одному показанию, — «выходи на двор, а то все погибнем», — кричали выгонявшие людей матросы (лист 312); по другому, Михеев говорил: «берите винтовки! Всеобщее восстание! Если не выйдите, — с крейсеров будут в вас стрелять». Многие матросы взяли винтовки и вышли на двор будто бы потому, что Гончаренко, Михеев, Петров, Приходько, фельдшер Соловьев и др., бегали по помещениям и выгоняли оттуда людей, угрожая словами и револьверами. А у Михеева был револьвер «не наш», говорили матросы, а «такой, что сразу мог убить двенадцать человек». Выгоняли даже лежавших больными. Несмотря на это, многие из несознательных пытались спрятаться в подвалы, под купальню и т. п.

Кто-то из начальствующих нижних чинов пытался уведомить о случившемся ротного командира, однако итти в город никто не решался, а у телефона, по распоряжению Михеева, дежурил часовой Короткевич.

Когда люди выбежали на двор, Михеев скомандовал: «боевая дружина, становись!» (лист 18). Некоторые стали расходиться, но он уговаривал: «что же, братцы, разве не хотите?..». Команда стала во фронт, или вернее, вроде фронта».

В это время к выстроившейся команде подбежали четверо штатских.

Еще раньше квартирмейстер Приходько уходил в город; сторож у ворот порта, заметив, что у него что-то топорщится в кармане, хотел задержать матроса, но тот вынул револьвер и сказал: «уйди, ради христа, а то убью».

Через несколько минут Приходько вернулся, проведя в порт трех вольных. Кто они были — никто установить не мог. Лишь про одного имеются указания, будто бы это был переодетый офицер штабс-капитан артиллерии (Цион).

Четвертым штатским был уволенный уже от службы матрос Свеаборгской роты Костюк, еще раньше пришедший в порт под предлогом проститься с товарищами.

Штатских встретили восторженно криками «ура». На их призыв: «Морской Комитет, выходи вперед», к ним подошли стоявшие перед фронтом Михеев, Петров, Поплавский, Кузин. Встреча была трогательная, со слезами и поцелуями.

Эти штатские играли самую активную роль в распоряжении дальнейшими действиями. По показанию таких видных участников восстания, как Большаков и фельдшер Соловьев, они во многом действовали «по приказу» вольных. На-ряду с ними распоряжались и главари из матросов, особенно Михеев, Петров, Гончаренко, Приходько, Большаков. По выражению одного матроса, Михеев «распоряжался, как главнокомандующий».

Перед фронтом выступил среднего роста, сутуловатый блондин из вольных. Сторож Вольнов запомнил его маленькую бородку и длинный, тонкий нос. Вольный сказал зажигательную речь о свободе. В «экзальтированных речах самих матросов между собою» звучали лозунги: «вперед, братцы», «смерть кровопийцам», «за социал-демократию», «теперь наша власть» и проч. Одна свидетельница передает слова одного матроса: «теперь восстание рабочих и мы идем за народ рабочий» (лист 14). «Идем, братцы, на выручку артиллеристов», раздавались возгласы из среды команд (лист 246).

Матросы были выстроены лицом к казарме; по команде Большакова (а, по его словам, по «приказу» вольного) повернулись кругом, лицом к морю. Кто-то сказал: «дать салют крепости» и тот же Большаков скомандовал: «рота, вверх пли!». После трех залпов в воздух стали стрелять пачками. Один из вольных сказал, что нужно больше патронов и Петров начал обрубком сбивать замки с дверей каменного сарая (лист 99).

Команда была распределена; послали часовых к воротам порта и в другие места. Поплавский, Кузин и еще несколько матросов пошли к мачте, на которой поднимался портовый флаг. Перед ним шел мальчик-музыкант Щапов и играл на рожке.

На мачте взвился красный флаг.

Капитан по Адмиралтейству, Котлач, подбежал и спросил: «братцы, что вы делаете?! Зачем спустили благородный флаг портовый и повесили какие то бабьи красные штаны? Стыдно! Спустить их!». Несколько матросов схватили капитана сзади, завели за сарай и толкнули в траву. Один сказал: «уходи, ваше благородие, а то убьют».

С другими офицерами поступали круче. Когда появился лейтенант Басов, к нему подошел один из вольных. Раздались крики: «бей» и «не надо». По знаку вольного, лейтенанта схватили за руки, обыскали и отняли кортик. Многие кричали: «арестовать!», «арестовать!». По приказу вольного, матросы Роговицкий и Кузин отвели лейтенанта в карцер. Капитана по Адмиралтейству Карпова окружили матросы и вольные со словами: «стой, Карпов! Ни с места!». Гончаренко и вольный направили на него револьверы, а другие—ружья наперевес. Одни кричали: «убить», другие: «нет не убивать». Карпова отвели в карцер, при чем по дороге матрос сказал: «вас не убьют, если не будете сопротивляться».

В карцер же отвели задержанного раньше фельдфебеля Черникова, разместив всех по разным камерам. Таким же образом, был задержан боцман Чайка, но ему удалось уйти, так как в это время уже начался обстрел порта (л. 2).

Команда миноносцев, которые стояли отшвартованными у берега, участвовала в восстании вместе с флотской ротой. Миноносцы оберегались главарями. Черносотенцев выгоняли с угрозами: «выходите с миноносцев, будем стрелять». С судами же, стоявшими в гавани на якоре, пытались снестись при помощи сигналов. Петров и сигнальщик Татарченко достали в казарме сигнальную книгу. «Что ты делаешь? Брось!», — сказал при этом кондуктор Першин, на что Татарченко ответил: «поздно уже бросать. Раз начали, так нужно и кончать». На дворе вольные приказали поднять сигнал: «крепость в наших руках», но Татарченко отговорился, что такого сигнала нет. Часть матросов под'езжала к пристани и стала передавать сигналы на крейсера руками. Другие, как Михеев, Кульбаков, Костюк прямо кричали судам: «Братцы, постоим!.. Товарищи, заодно. Снимайся с якоря и уходи! Бросай офицеров в воду!».

Но с крейсера «Финн» отвалил вельбот с мичманом Де-Ливроном и направился к пристани. Увидя его, Михеев закричал: «скорее, ребята, офицер на шлюпке! Скорее бегите, приготовьтесь!». Человек пять-шесть матросов с одним штатским подбежали к пристани; какой-то матрос крикнул: «цельтесь в этого негодяя!». Мичман, подходя к берегу, встал в шлюпке и что-то кричал. Когда шлюпка подошла, один из матросов, бывших на пристани, спросил: «что вам угодно, ваше высокоблагородие?». Мичман сказал, что он послан спустить красный флаг. Сделают ли это они сами, или ему придется спустить его? Матрос ответил: «пожалуйте сами спустить флаг». Де-Ливрон стал выходить на пристань и матросы дважды спросили его: «сдаетесь ли вы?». В ответ на отказ они выстрелили в мичмана из револьвера. Почти одновременно выстрелили Де-Ливрон и кое-кто из его матросов. Гребцы в шлюпке закричали: «что вы делаете? Нас-то за что?» и поскакали в воду. С пристани ответили: «вас не будем».

Но в это всемя с «Финна» раздался орудийный выстрел. Матросы разбежались. Смертельно раненого Де-Ливрона усадили в шлюпку и она вернулась обратно на крейсер.

Михеев и вольный кричали на суда: на „Финна“, на „Эмира Бухарского“: «что вы делаете? Играйте тревогу — не пускай офицеров на берег, а то мы пропали». Но через некоторое время с «Финна» отвалила вторая шлюпка с матросами с ружьями (по некоторым показаниям, тоже с офицером). Они беспрепятственно подошли к пристани, три матроса добежали до мачты, спустили красный флаг и вернулись на крейсер.

С «Финна» начали обстреливать берег из пулеметов. После второго выстрела был убит комендор команды миноносцев Савва Таукчи.

Матросы на берегу стали разбегаться и прятаться за стенки. Михеев и другие старались водворить спокойствие. «Неужели же бросать?» Уговаривал Михеев, фельдшер Соловьев помогал ему удерживать товарищей. «Не расходитесь, куда же вы расходитесь?!» — кричал он. Кульбаков и вольный усовещевали бегущих. «Тут кровь проливают, а вы бежите!». Команду перевели за каменный сарай, но и оттуда она стала понемногу расходиться и прятаться, боясь пулеметов.

Кто-то, кажется, Приходько, крикнул: «товарищи, Красная гвардия идет!» и это приободрило. Опять столпились около сарая, хотя известие оказалось преждевременным. Вообще после открытия стрельбы, среди восставших, по свидетельству доктора Мартенса, наблюдался «упадок духа и растерянность». Раньше была надежда, что суда поддержат, ждали прихода какого-то судна. Теперь «воцарилось полное безначалие». Матросы, в стороне от дела, стояли в кучках, разбросанных около разных зданий, под защитою стенок, переходя от одной кучки к другой, чтобы потом совершенно скрыться из глаз. Многие искали убежища в лазарете.

Восставшие «никого из вольнонаемных не заставили примкнуть к себе, до чужого имущества не дотрагивались и, даже, в закрытые двери и окна не вламывались». И доктор Мартенс отказывается судить «насколько это приходится приписать их уважению к чужой собственности, или той же растерянности». Он подчеркивал, что «растерянность эта, во всяком случае, сказывалась во всем и на каждом шагу; так, они не заставили даже дежурного комендора в минной роте снять оружие, в карцер приставить часовых и т. д.

На самом деле, часовые при арестованных сначала были поставлены (Роговицкий), но, заслышав орудийную стрельбу, ушли. Гончаренко, совещаясь с Кульбаковым и вольным, говорил: «надо убить арестованных офицеров, а то они могут всех нас выдать». Однако арестованных не убили, наоборот, некоторые из команды выражали желание их освободить. И, действительно, офицеров выпустили из карцеров при содействии кондуктора Прошина, когда революционеры ушли уже в город.

После открытия стрельбы с судов, патроны и оружие начали переносить в более безопасное место, к бане. Но и для этой «переноски и для сбора разбросанного всюду оружия все ощутительнее становился недостаток в рабочих руках». По словам доктора Мар-

тенса, «эта работа в конце концов производилась только исключительно посторонними людьми, набежавшими к этому времени в порт».

План действий вожаков восстания, по всем данным, состоял в том, чтобы выждать прихода на Скатудден рабочей Красной гвардии и уже с нею вместе итти на соединение со Свеаборжцами.

Матрос Михеев, бывший «за начальника, который много говорил и приказывал», сказал в начале восстания штатским: «у нас все готово. Только Красной гвардии еще нет». А штатский ответил: «Красная гвардия еще не успела. Она подымает весь город, и должно быть скоро придет».

Матросы, поставленные часовыми у ворот порта, говорили собиравшемуся перед воротами народу: «идите сюда! Мы вам дадим ружья и патроны. Идите! Идите!» Техник Соломко спросил: «что у вас тут?» Часовой ответил: «Да ничего. Вот Красная гвардия медленно что-то собирается». «На что вам она?» «Как на что? Мы здесь вооружимся и пойдем на Михайловский, а оттуда разгромим снарядами порт».

Из города раза два к воротам приходили штатские и спрашивали: «Здесь ли капитан Кок» (глава Красной гвардии)? Двое из них, узнав, что Кока нет, просили передать матросам, что они пришли от Красной гвардии. Прибежавший к воротам Гончаренко сказал этим «вольным», что матросы задними воротами выйдут в город. Пусть Красная гвардия приготовит все, что нужно, и, конечно, вольную одежду, чтобы в скорости переодеться. Красногвардейцы обещали все сделать и спросили, когда придут матросы. Гончаренко ответил, что он сейчас всех соберет, и просил приготовить подкрепление, «нас-де не так много, как бы нас не разбили».

Когда матросов уже обстреливали пулеметы, и они собрались у бани, пришло до пятидесяти штатских. Матросы облегченно передавали друг другу: «это и есть Красная гвардия». Михеев открыл дверь в минный склад, откуда выбросили ружья, револьверы, патроны. Матросы говорили: «Берите, братцы, кому что надо».

Большинство красногвардейцев, по словам доктора Мартенса, «были юноши, иные с еврейской физиономией, многие русские и финны». В этой толпе нашлось только трое знакомых некоторым из матросов. Это были Александр Свердлов и братья Жевалевы, которые раньше работали в портовых мастерских. Человек десять-пятнадцать обегали помещения порта, призывая матросов на улицу. Около полудня, собравшись и вооружившись, вся толпа — матросы и штатские — направились в город, но около русской церкви пришлось остановиться, так как мост, соединяющий Скатудден с городом, был занят пехотой. Один из штатских предлагал не обращать внимания на пехоту, которая, по его словам, не помешает переходу.

Несколько десятков матросов и вольных предпочли пройти в город по железнодорожному мосту, прочие же остались на Скатуддене и понемногу разошлись.

Матросы, ушедшие с вольными в город, пошли на рабочий двор, в помещение Красной гвардии. Здесь собралось уже около пятисот

вольных. Матросы тоже переоделись в штатское платье, после чего перешли в лес, где было много народа. В ночь на 1-ое матросов отвезли на пароходе (150—200 человек вместе с капитаном Коком) на Михайловский остров. Здесь их встретил какой-то артиллерийский офицер, повел в казармы и они распылились среди участников восстания на островах. После же подавления восстания были постепенно задержаны кто на том или другом острове, кто в Гельсингфорсе...

После ухода наиболее активных элементов порт опустел и стих. Оставшиеся и вернувшиеся матросы старались попрятаться в разные места. Арестованных офицеров выпустили. Когда около 5 часов дня в порт пришли сухопутные войска, они не встретили никакого сопротивления. Многие матросы сдавались добровольно («где офицеры, туда пойдем и мы», сказал один из них). После обхода всех зданий и закоулков порта пехотинцы и казаки согнали остальных в манеж и всех переписали. На дворе собрали не мало разбросанного оружия и над портом снова взвился портовый флаг (л. 252, 291).

Степень революционной активности восставших команд определяет число ушедших в город и на острова, и оставшихся в порту. Число последних определилось при подсчете в 129 человек, не считая нескольких десятков, которых пехотинцы нашли спрятавшимися в разных местах. Число ушедших определяется свидетелями различно: 15—30—50 человек. По официальным сведениям, на островах, вместе с восставшими артиллеристами, было задержано только четыре матроса: Кульбаков, Стальдыков, В. Назаров, А. Львов. Из показаний самих матросов выяснилось, что в помещении Красной гвардии было и на остров переправилось, несомненно, 13 чел.: Кульбаков, В. Назаров, Санцевич, Львов, Мицук, Сивков, Поселенежный, Стальдыков, Сомов, В. Ерофеев, Фокин, Щербаков и Ястрожемский (последние два по показанию Мицука). Большинство их показывало, что они были переодетыми отправлены на острова под влиянием угроз, были «как бы в плену у чухон». Главные деятели восстания: Д. Гончаренко, Михеев, Приходько, Влад. Петров, Поплавский, скрылись от суда и показаний их в деле не имеется. Кроме того, человек 14 было в городе и вернулись в команду дня через два—три. Они, по большей части, не отрицали, что переодевались в штатское, однако, единогласно показывали, что ушли каждый сам по себе, боясь, что придет Красная гвардия и их убьет. Против многих таких показаний кто-то из начальствующих глубокомысленно отметил карандашом: «Полагаю, что врет».

20 июля было ликвидировано восстание артиллеристов на островах и в тот же день началось предварительное следствие, но успели обследовать лишь дело подпоручиков Емельянова и Коханского и шести артиллеристов. 29 июля получилось высочайшее повеление: «Следственной комиссии начать следствие только по окончании суда над всеми участниками бунта, виновных же предать суду по одному дознанию». Для скорейшего его окончания дознание было поручено одновременно нескольким строевым офицерам.

Немедленно в Свеаборг прибыл временный военный суд: дело о восстании поступало и рассматривалось по частям в шесть приемов.

Было предано суду сначала 98 матросов: 45 — флотской роты, 27 — команды миноносцев 20-го флотского экипажа, 4 — минного крейсера «Уссуриец» и 22 минного крейсера «Амурец».

По обвинительному акту, составленному пом. воен. прокурора полковником Адриановым, подсудимые обвинялись в том, что «сговорившись между собою, они согласились принять участие в явном восстании свеаборгской крепостной артиллерии с целью завладеть Свеаборгской крепостью, чтобы заставить правительство исполнить требования трудовой партии [1] о земле и воле и, когда 17 июля таковое восстание вспыхнуло в названной крепости, то они около 6 часов утра 18 июля, вооружившись винтовками с боевыми патронами, захватили на полуострове Скатудден двор Свеаборгского военного порта, тремя залпами из винтовок известили свеаборгскую крепостную артиллерию о своем присоединении к восстанию, морскими сигналами и криками приглашали присоединиться к восстанию стоявшие в гавани военные суда, арестовали препятствовавших восстанию лейт. Басова, кап. Карпова и фельдфебеля Черникова, а мичмана де-Ливрона, пытавшегося сорвать с флагштока красный флаг, убили, а затем открыли из винтовок огонь по отказавшимся присоединиться к восстанию военным судам и обстреливали их до 4 часов того же 18-го числа, когда, будучи подавлены артиллерийским огнем с минных крейсеров «Финн» и «Эмир Бухарский» принуждены были сдаться».

Дело поступило в суд 22 августа. По просьбе защитников, назначенных подсудимым, шт.-ротмистра Когана и Аслизлова, вызвали ряд дополнительных свидетелей. Они должны были установить, что многие подсудимые во время бунта прятались, уходили из порта, были в лазарете, на кухне и пр. Относительно 14 подсудимых в суд поступили заявления их начальства: командира порта, командира крейсера «Амурец» и лейт. Басова, Гадда и Шиллинга с аттестациями о их полной благонадежности. Гадд и Шиллинг ручались за боцмана Павличука, писаря Леонова, писарей Осинова, Леотько и Богданова, что они «были принуждены, под страхом смерти, взять винтовки и не желали и не участвовали в бунте». Однако, это ручательство не избавило Осинова, Леонова и Богданова от присуждения к арестантским отделениям, а Леотько — даже к каторге. Оправдали только Павличука. Дело предполагалось слушать 25 августа, но к этому времени нельзя было перевести подсудимых в крепость Свеаборг. Судебное заседание состоялось 31 августа — 1 сентября.

Председательствовал г.-м. Никифоров, обвинял полк. Адрианов, защищали шт.-ротм. Коган и подпор. Аслизлов.

---

[1] В исторической части обвинительного акта редактировано иначе: «Требование о „земле и воле“ социал-демократов и социал-революционеров, известных среди нижних чинов более под названием „трудовой партии“».

Заседание происходило в крепости Свеаборге, в манеже, в такой обстановке, что пом. воен. прокурора просил занести в протокол: «в виду сильнейшего сквозного ветра из-за разбитых окон, от дальнейшего рассмотрения дела в условиях, безусловно опасных для здоровья, отказывается». Пришлось делать перерыв для приведения манежа в порядок.

Большинство подсудимых не признало себя виновными, другие сознались лишь отчасти. Из об'яснений Большакова и фельдшера Соловьева было занесено в протокол, что «в состав морского комитета входили флотские нижние чины Петров, Приходько, Гончаренко, Михеев и Большаков», и что «один из первых, поднявших восстание, был квартирмейстер Петров». Все эти матросы, кроме Большакова, скрылись во время восстания и не были разысканы.

Суд всех подсудимых, за исключением оправданных 11 человек, признал виновными и приговорил:

17 матросов к расстрелу,
7 — к бессрочной каторге,
46 — к каторге на сроки от 4 до 20 лет,
18 — к исправительным арестантским отделениям на 5 и на 6 лет.

Если сравнить его с состоявшимся ранее, 17 августа, приговором о свеаборгских артиллеристах, то придется признать, что моряки сравнительно дороже оплатили свое участие в восстании. В самом деле, несмотря на то, что в процессе артиллеристов было в 7 раз больше подсудимых, именно — 694 ч., лишь на немного большее число их было приговорено к смертной казни — 22 человека, к бессрочной и 20-летней каторге не присужден никто, к каторге на 15 и 12 лет — 33 человека и к арестантским отделениям — 33 человека. Большинство артиллеристов получили дисциплинарные батальоны и военную тюрьму, тогда как морякам таких незначительных наказаний вовсе не было назначено.

Когда описанное дело поступило уже в суд, были задержаны еще некоторые участники восстания, например, матрос Лисин, бежавший в Казань. О других же, не преданных сначала суду, получились новые изобличающие данные.

В результате, 16 сентября были преданы суду дополнительно пятнадцать матросов.

в) На Скатуддене.

(Эпизод из Свеаборгского восстания).

Во вторник утром, 18 июля, после совещания Военной социал-демократической организации, товарищ X. и я отправились по назначению. С нами был также и солдат-артиллерист. Выйдя на улицу, мы сели в трамвай и поехали к Скатуддену. Дорогой молчали. Наша задача состояла в том, чтобы на трех восставших минных крейсерах, вместе со Свеаборгской флотской ротой, итти сейчас же из порта

к крепости, высадить там вооруженный десант, человек в 150, и обстреливать, по условию, еще не занятые товарищами острова и позиции, а также не допускать подвоза новых войск из города в крепость. Таков был, по крайней мере, наш ближайший план, и мы твердо верили, что этот первый шаг пройдет быстро, без затруднений, так как матросы на судах и в казармах были хорошо организованы, извещены о начавшемся восстании в Свеаборге и готовы на все. Тихо соскочили мы с трамвая, в котором, кроме нас, ехал только один пассажир, и спустились влево от моста, к пристаням. Было около 8-ми часов. В порту жизнь шла обычным порядком: ходили пароходы, сновали шлюпки, мелькали рабочие, торговцы, яличники. День стоял яркий, солнечный и тихий. Здесь тов. Х. должен был встретить одного из сознательных матросов. Мы ждали. Вот идет белая фигура. Матрос. Товарищ — за ним, но нет, — это не тот. Опять ждем. Присели на скамью. Мимо прошел флотский кондуктор, «шкура». Рука невольно сжимает браунинг, но кондуктор равнодушно и медленно спустился в порт...

Наконец, товарищ увидел нужного ему матроса и переговорил с ним.

— Так все готово?

— Да. Как только на судах заиграет рожок — значит, они в наших руках и вы тогда — скорей к нам, с ротой...

— Хорошо, отрезал товарищ. — Идите.

Матрос исчез, взволнованный, но решительный.

Мы подошли к флотским казармам ближе. Скоро к нам явился товарищ Н.

— В казармах все встали, «началось»—сообщил он:—«как на судах?».

Тов. Х. об'яснил ему. Со стороны казарм послышалось 2—3 выстрела. На судах пробило 8 склянок (8 час. утра). Из казарм вышло несколько вооруженных винтовками матросов. Мимо нас прошел в город какой-то матрос. Его хотели задержать, но оставили. С револьверами в руках двинулись мы в казарму. Внутри, у ворот сторож пытался было остановить нас: «куда? Нехорошо. Что вы делаете?» — но ему пригрозили и он стушевался. Посреди двора быстро выстраивалась команда матросов, из казарм то-и-дело выбегали новые. Все были вооружены винтовками или револьверами. Слышался шум, смех. Надевали подсумки, считали и разбирали патроны. Нас матросы встретили радостными криками. Я почти никого из них не знал в лицо, но меня горячо обнимали, пожимали руки: «ура, товарищ. Да здравствует свобода!». «За всю волю, за всю землю!» — отвечал я, протягивая им руки.

Началось выстраивание шеренг, расчет рот. Затем было решено дать салютационный залп перед великим делом, как привет Свеаборгу, где развевалось красное знамя свободы и труда, и как сигнал, что в казармах все готово. Под'ем духа был общий, сердце стучало бойко, но радостно.

Гулко прокатился залп. Лично меня, припоминаю, несколько смутило, что залп был «сорван», вышел страшно растянутым; что некоторые из матросов сразу не сумели дать выстрела. Было видно, что не все знают винтовку и строй, да и командовавший залпом, насколько мне известен строевой устав, напутал и сбился. Но мысль эта только мелькнула, было не до того. Подняли красный флаг, стали ждать сигнала с судов. Все переговаривались возбужденно и бодро.

Товарищ X. суетился, перебегал с фланга на фланг; я говорил с одним из взводных о том, что мы сейчас пойдем на судах к крепости. Однако, с судов — никакого знака. Что такое?! Решили набрать и поднять сигнал, что у нас все готово. Принесли сигнальную книжку, сигнальщики стали совещаться. Прибежал кто-то и сообщил, что на крейсерах «Финне» и «Эмире Бухарском» все спокойно, на верхней палубе расхаживают офицеры. Я попросил принести мне бинокль. «Ну, сейчас начнется и там», раздавались уверенные голоса. К воротам выслали караул и патрули.

В это время показался офицер, кажется, лейтенант. Он спокойно шел к роте. «Арестовать! Убить его!», послышалось повсюду. Офицера окружили, он не сопротивлялся. Тов. X. бросился туда, и лейтенанта арестовали и увели под конвоем в казармы. Настроение стало напряженнее. Прошел, пожалуй, уже час, как мы вышли из казармы. Сигнальщики следили, что делается в порту. Вдруг со стороны моря резко прокатился залп, за ним другой, третий. Стреляли из пулеметов, пули с треском пападали на верхнюю часть казарм. Кто? Откуда? Неужели с судов? Да это измена... Оказалось, что стрелял «Финн».

Залпы следовали один за другим. Дрожь пробежала у меня по спине. Вокруг заволновались, забегали, заговорили... Пулемет не умолкал. Положение выяснялось: крейсеры, по какой-то непонятной тогда для нас причине, не восстали, были против народа. «Нас перебьют, как куропаток!—крикнул кто-то.—Товарищи! Станем за казармы, дальше: там не достают пули». Под‘ем падал, многие, видимо, растерялись. Стали совещаться. Я настоял на усилении патрулей и дозоров. Время шло.

Весть о восстании в казармах и наш салютационный залп, без сомнения, распространились по городу. Каждую минуту нужно было ожидать прибытия пехоты и казаков для «усмирения». Как быть?! Каким образом дать им отпор?! Неужели мы очутились в ловушке, нам угрожают и с суши и с моря... Лично мне почему-то самыми опасными представлялись казаки. «Налетят, как вихрь и сомнут» — мелькало в голове. Я понимал, что рота в строевом отношении плоха, что быстрых и точных построений от нее ждать нельзя. Взводные командиры и матросы-комитетчики держались каждый своего мнения, насчет возможной атаки. Скверно...

«Как отражается нападение кавалерии?...» — усиленно старался я припомнить: — быстрый поворот в сторону неприятеля, залп и «ружья на руку...» На дворе в нескольких местах были

сложены бревна, вышиною по пояс. Не засесть ли за них для встречи казаков и пехоты. А, можеть быть, лучше выйти в город и рассеяться там. Кто-то предложил вернуться в главные казармы и оттуда уже отстреливаться. Многие поддержали. Сначала соглашался и я. Только впоследствии я понял, как опасно для дела было это предложение: возвращение в казармы явилось бы своего рода отступлением; без сомнения деморализировало бы роту, не говоря уже о том, что она, таким образом, попала бы в безвыходную ловушку. Но тут выручил всех один бравый матрос, все время не терявший присутствия духа.

— Как? Опять в казармы прятаться? Никогда, товарищи! Опомнитесь, дело начато. Все равно нас ждет или смерть или победа.

Рота приободрилась. Явился доктор и попросил, на случай надобности, четырех вооруженных человека к носилкам. Ему дали, кажется, восемь. Скоро в казармы прибыли еще товарищи. Они хотели пробраться в крепость, но это не удалось. Одного товарища все матросы знали хорошо и встретили радостно. Он решился остаться на Скатуддене; его спутники ушли.

Между тем залпы из пулеметов не прекращались. Стал стрелять и «Эмир Бухарский». Пули обсыпали наружные стены главной казармы. Один снаряд из 47 мм орудия попал в стену, пробил ее и, по слухам, убил матроса. Положение было серьезное. Мне хотелось посоветоваться, хорошенько обсудить дело, но мысли как-то не вязались...

Товарищ X. ушел в город за справками. Отчего нет красногвардейцев, что там думают?..

Два взвода роты перешли в помещение напротив главного здания. Я отправился с ними. В коридорах эхо гулко передавало рокот пулеметов. По двору разносили обеденные «пайки»; многие ушли обедать. Было, я думаю, часов 11—12. Скоро послышался крик, что офицер спустил флаг на казармах. Бросилось туда человек 25. Офицера убили.

Я шагал по коридору, стараясь что-либо придумать и найти исход нашему томительному положению. Впрочем, люди были еще бодрые. Когда я присел на порог, ко мне подошел высокий матрос и спросил, за что мы боремся. Этот неожиданный вопрос озадачил меня. Но матрос настаивал, и мне, под грохот пулеметов, пришлось довольно пространно остановиться на современном доложении России, программе Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, на борьбе народа за землю и волю, совместно с армией и флотом. Кто-то запел: «Смело, товарищи, в ногу» и я невольно поддержал его, закончив, таким образом, своию «пропагандистскую» речь.

Трескотня залпов продолжалась, но падавших снарядов я не видел. Между тем вернулся из города тов. X., но без определенных сведений. Кто то сообщил, что к Скатуддену подходит пехота, но это оказалось неверным. В порту появился миноносец № 109. Он шел тихим ходом, держа какой-то сигнал «Финну» и «Эмиру».

Товарищ Х. вновь собрался в город. Я решил отправиться вместе с ним и не возвращаться без Красной гвардии.

Почему мы не вышли из порта тогда же или раньше, не знаю... За казармами наружно было все спокойно. Взяв извозчика, мы поехали в правление Красной гвардии, где-то далеко за городом. На Эспланаде толпилась публика, войск не было. Долго мы ехали, долго искали Кока. Близко от него мы встретили отряд рабочих-финнов человек в 100. Оказалось, к нашей великой радости, что эта революционная часть финского пролетариата идет на Скатудден. После переговоров с К., был послан еще отряд славных финнов, решено, что матросы немедленно выйдут из порта вместе с красногвардейцами. Отряды ушли.

На душе стало спокойнее. Бессонная ночь, жара, пережитое на Скатуддене и полная неизвестность — все это страшно взвинтило нервы; мучительно хотелось узнать, какое общее положение дел, что происходит в крепости, каково настроение пехоты и где она. И я с товарищем Х. поехали обратно в город разузнать обо всем этом. Больше на Скатудден я не попал.

Оказалось, что вскоре после моего от'езда оттуда, пехота заняла проход и мост в город. Часть матросов с красногвардейцами успели пробиться из порта, при чем пехота не стреляла по ним, другие переправились в город под выстрелами на лодках (как, например, товарищ Х.), а человек 150 остались в казармах, сдались и были арестованы. Подоспели казаки, набережную запрудил народ. Однако, удалось вынести много казенных винтовок, патронов и револьверов. По прибытии в город, матросы сбросили с себя форму и переоделись в «вольное». В крепости в то время положение было отличное. Восставшие артиллеристы держались стойко, прекрасно укрепили свои позиции и успешно обстреливали правительственные острова.

Вот вкратце то, чему я был очевидцем на Скатуддене. Это — маленький эпизод великого Свеаборгского дела, о котором напишут скоро интереснейшую страницу Русской Революции... Трое суток геройски держалась крепость, трое суток развивалось над ней красное знамя Свободы и Труда. Вечная память погибшим за свободу свеаборжцам и финнам, слава живым...

Подробностей и более точного обозначения моментов и событий на Скатуддене я в этой заметке передать не могу, да и боюсь напутать. Остальные товарищи дополнят сказанное: все это было слишком еще недавно, всего несколько дней тому назад...

27 Июля 1906 года.
Гельсингфорс.

(Из «Вестника Казармы» № 7, от 1 августа 1906 года (орган Военной Организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии в Финляндии).

г) С. А. Цион.

Сам по себе Сергей Анатолиевич Цион обладал многими личными достоинствами: безупречной преданностью делу революции, личной

храбростью и мужеством, благородством. И при всем том достоинства эти нисколько не помогли ему стать на гребне движения, взять в руки стихийное движение, направить его.

Сообщим о Сергее Анатолиевиче Ционе то, что сохранила память, и как сам себя рекомендует Цион в своей известной брошюре «Три дня восстания в Свеаборге».

Цион прибыл в Свеаборгскую крепостную артиллерию, примерно, в 1902—03 г. О нем как-то сразу стали говорить, он обращал внимание. Лично я, что называется, впился в него удивленными глазами. На фоне нашей богоспасаемой крепости, с денщиками, с барынями, с мордобоем, Цион составлял совершенно исключительное явление.

Как сейчас помню сцену на нашем тихоходе — пароходе под громким названием «Марс». Окруженный свеаборгскими барынями, большими охотницами до флирта и до танцулек в гарнизонном офицерском собрании, Сергей Анатольевич ораторствует. Очень убедительно он распинается на тему, как хорошо и приятно сеять разумное, вечное, доброе среди подрастающих поколений. Собрать вот так детишек, с лучистыми глазами, пытливых, радостных. Собрать их в офицерской школе, как у нас все называли школу, где имели право обучаться только дети офицеров и классных чиновников. Плебейские дети и родители, не имевшие права обучения в этой школе, в том числе соборный регент наш Хомка,—называли эту школу «дурацким пансионом». Так вот в этом дурацком пансионе дети будут слушать под волшебный фонарь... И Цион прекрасно, убедительно, красноречиво рисует восхитительную картину всего этого туманного представления. У барынь глаза становятся тусклыми, непроницаемыми, безразличными. Вот одна посмотрела в сторону, прикрыла зевок. Другая... А Цион ничего не замечает и все разглагольствует, с миной мудрой Сократа, в погонах артиллерийского штабс-капитана.

С. А. действительно провел ряд бесед в «дурацком пансионе», при чем, по всей вероятности, доставил приятное и разумное развлечение детям. Потом, с его помощью и при его общем руководстве, штабс-капитан Кузьмин и некоторые другие более прогрессивные и развитые офицеры артиллерии стали устраивать собеседования для солдат по научно-популярным вопросам в помещении крепостного манежа. И это была заслуга Циона по тем временам беспросветного дореволюционного свеаборгского мракобесия.

Лично я познакомился с Ционом в 1904 году, помнится, именно в те дни, когда был убит Евгением Шауманом финляндский генерал-губернатор Бобриков. По какому-то поручению отца я зашел к Циону. Он очень приветливо разговорился со мной и с приятелем моим Сергеем Семеновичем Федотовым. Цион на чем свет ругал царя, великих князей. Называл вором народных денег Владимира Александровича, говоря, что он украл пропасть денег при постройке церкви в память убитого своего отца Александра II. С той поры

мы очень хорошо познакомились с Сергеем Анатолиевичем, часто виделись в Свеаборге и потом в Гельсингфорсе, где Сергей Анатолиевич поселился на улице Юнгфру-Стигет. У меня остались самые дружеские и благодарные воспоминания о нем. Но справедливость требует вспомнить его таким, как он мне тогда представлялся. Уже тогда меня удивляла какая-то крайняя непоследовательность, неуравновешенность, экспансивность Сергея Анатолиевича. Прежде всего, его разнообразные, прямо пестрые интересы. Немножко о киргизской музыке, чуть-чуть о русской женщине. Переводит книгу тогдашнего антимилитариста, теперь мракобеса Гюстава Эрве. В прошлом среди трудов С. А. перевод полного собрания сочинения Поль-де-Кока. Теперь, в 1905—06 г., С. А. интересуется эсперанто, изучает всевозможные варианты Шекспировского Гамлета. Буквально обо всем знает все. Много пишет то там, то сям, и все о разном. Зимой 1905—06 г. С. А. становится во главе нелегальной работы среди солдат свеаборгской артиллерии. Бесспорная и большая заслуга Циона, которая должна быть оценена и в наши дни, спустя 20 лет, что он распропагандировал всю Свеаборгскую артиллерию. Для работы военной организации, когда среди солдат выдвинулись такие товарищи, как Детинич, и среди офицеров подпоручики Емельянов и Коханский, почва была подготовлена именно Ционом. Эту его заслугу никто не сможет отрицать или умалить. И все-таки он, конечно, не был вождем и не имел ничего общего с тем, кто вождем именуется.

Пропасть странных и по меньшей мере наивных поступков! Вместо того, чтобы законспирироваться и внушить о своей личности самое благонадежное впечатление, С. А. поступал странным образом. Помню, посыльный управления артиллерии занес отцу подписной лист пожертвования на какую-то ерунду. И все жертвовали. А против фамилии Цион имелась приписка рукою С. А. «В такое серьезное время, как переживаемое нами (русско-японская война) считаю неуместным»... для опытного жандармского глаза выходка совершенно достаточная, чтобы такого штабс-капитана взять на карандаш.

В апреле или мае 1906 года на пристани для причала свеаборгских пароходов, в двух шагах от разных нижних чинов, С. А. трагически шопотом сообщил мне: «Скоро у нас вооруженное восстание». Даже для неопытного, не жандармского уха, такой шопот был бы губителен для шепчущего. И тут же С. А. обратился к матросу с «Марса» на вы, что в нашей крепости было равносильно открытому выступлению, так как старый устав предписывал обращение к «нижним чинам» на ты. А тут: в публичном месте, в присутствии старших начальников!— На вечере в общежитии Гельсингфорского Политехникума Цион усердно (очевидно с целью агитации и об'единения) пляшет на танцовальном вечере в кругу солдат и работниц.

Вот случай еще бесподобнее. Перед окнами управления свеаборгской артиллерии, под квартирой командира артиллерии, в так называемом, красном флигеле, встречаюсь с Сергеем Анатолиевичем.

Оживленный, чем-то возбужден. Бессвязный рассказ, что вот-де приезжали из Петербурга члены Государственной Думы Михайличенко и другие. Он, Цион, был в зеленой шляпе. Зачем, что к чему — понять нельзя. И потом вдруг:

— Лайминг[1] хочет меня отправить в Оссовецкую крепость. Но я этого не допущу. Я решил...

С этими словами Сергей Анатолиевич вытащил из кармана браунинг. Он раз'яснил, что если комендант Свеаборгской крепости не откажется от мысли отправить его в Оссовец, он всадит в него пулю из браунинга. Это было понятно, но не понятно, почему перед окнами управления свеаборгской артиллерии, где то-и-дело шныряли ад'ютанты и другие чины, Цион вытаскивает браунинг и ведет громкий разговор на тему о полезном использовании браунинга. Выходка, по меньшей степени, сумасбродная.

К сожалению, в таком роде пошло дело и в тот момент, когда нужно было подвести огнем и кровью историческую черту.

Мой покойный товарищ Александр Валерианович Плавский, один из активных участников работы по подготовке Свеаборгского восстания, рассказывал мне потом, что несколько часов не могли дождаться, пока Цион станет во главе движения. Глубоко убежден, что это промедление произошло вовсе не по недостатку мужества или военной находчивости. Помешала вечная привычка десять дел делать сразу. Это видно и по запискам «Три дня восстания в Свеаборге». Кинулся, сначала, вспоминает С. А., к матросам в военный порт. Потом передумал — не вел раньше работы среди матросов — поехал на Михайловский, — в центр восстания.

Сам С. А. вспоминает, что из военной организации социал-демократов он вышел и «к счастью, связался с социалистами-революционерами».

Мы думаем, что тут не было особенного счастья. А все несчастье было именно в том, что у Циона — буржуазный антимилитарист квази-анархист Густав Эрве, социал-демократы, эс-эры перепутались. Полная путаница анархо-эс-эро-социалистическая!

Цион напоминает некоторых других героев 1905 года, в том числе знаменитого лейтената П. П. Шмидта. Перед Шмидтом у Циона то преимущество, что он не случайно попал в войну стихийного движения, а вел долгую подготовительную работу среди солдат свеаборгской артиллерии и гарнизона. Отнюдь не случайно совершил свой революционный подвиг Цион. Но, конечно, он не был вождем, и восставшие свеаборгские солдаты, имея некоторое руководство со стороны с.-д., военной организации, не могли получить его от Циона.

Ив. Егоров.

д) Одна из автобиографий.

Я родился в 1885 г. в гор. Гельсингфорсе в семье русского купца. Учился в Гельсингфорской Александровской гимназии, где

---

[1] Комендант Свеаборгской крепости.

никаких политических кружков не было. В 1903 году мною и еще тремя товарищами по гимназии был устроен кружок самообразования.

В 1904 г. я связался с организацией РСДРП фракции большевиков. В 1905 году я работал в финляндской С.-Д. военной организации. В 1906 году, во время свеаборгского восстания, ездил в Выборг и Перкиярви подымать войска, главным образом, артиллерию, но неудачно.

После Свеаборгского восстания работал, как профессионал, в партийной военной организации в Выборге. Приехав в 1907 году в Петербург, был в августе арестован. Просидев два года под следствием, был осужден на каторгу.

С 1907 года по 1912 г. провел в тюрьмах: в Петербурге, в «Крестах», «Предварилке», Пересыльной и потом Шлиссельбургской каторжной тюрьме.

В 1912 году был выслан на поселение в Сибирь. Прожив 3 месяца в Усткуйе Иркутской губернии, бежал в Швецию.

В Швеции первые три месяца бедствовал, как обычно бедствовали эмигранты. Не зная ремесла, поступил чернорабочим на металлический завод в городе Эскильстуне. Через три месяца был переведен на токарный станок. Работал токарем два с половиной года. Одновременно посещал вечерние занятия в техникуме и сдал экзамен на практического инженера. Во время войны, в 1916 году, переехал в Стокгольм и работал там по контролю русских заводов. В конце 1917 года вернулся в Россию и сразу начал работать в кустарной промышленности.

Л. П. Воробьев.

е) Финляндская соц.-дем. военная организация в освещении провокатора[1].

Свеаборгское вооруженное восстание общее руководство по своей подготовке имело, прежде всего, со стороны Финляндской с.-д. военной организации и в особенности Гельсингфорской центральной с.-д. группы.

Работа Финляндской с.-д. военной организации была поставлена так блестяще, что правительству и жандармам понадобилось несколько лет, чтобы распутать нити большевистского руководства. Работа жандармов, как бывало в этих случаях, облегчалась благодаря тому, что в лице Цирюльникова, бывшего канонира 17 артиллерийской батареи, нашелся предатель, провокатор и доносчик.

Надо поражаться, что среди двух тысяч участников восстания и тысячи среди них привлеченных к судебной и дисциплинарной ответственности не нашлось ни одного, кто хотя бы по ошибке обмолвился о руководителях, подготовлявших Свеаборгское вооруженное восстание. Любопытно, что из среды руководящих това-

[1] По архивным данным, — из обвинительного акта по делу о военной организации РСДРП в Финляндии. *Ред.*

рищей, членов Финляндской военной организации, непосредственно после восстания не был уличен ни один. Прошло больше года после восстания, когда был арестован Леонид Петрович Воробьев, один из старейших наиболее ответственных членов организации и товарищи Мейер и Давид Трилиссер. Понадобилось больше двух лет предварительного заключения товарища Воробьева и Трилиссера, чтобы агенты царского правительства успели хоть сколько-нибудь распутать нити военной организации. И это несмотря на то, что предатель Цирюльников, упоминаемый в обвинительном акте под деликатным именем свидетеля, старался выдать и обнаружить все, что ему было известно.

К удивлению, Цирюльников оказался сравнительно мало осведомленным. При самом внимательном чтении обвинительного акта, составленного преимущественно на показаниях Цирюльникова, получаются довольно скудные сведения.

Обвинительный акт вручен 1/VIII—1909 года, ровно три года спустя после Свеаборгского вооруженного восстания. 27 июля обвиняемые предстали перед судом Военно-Окружного суда распоряжением Главнокомандующего С.-Петербургского военного округа. Сообщены в акте примерно следующие данные.

В 1906 и весной 1907 г. посреди расположенных в Финляндии войск стала проявляться революционная деятельность Финляндских военных групп РСДРП. По сведениям департамента полиции, в числе главных деятелей этой группы состояли: проживающий в С.-Петербурге, по паспорту Капустянского, известный в организации под именем «Анатолий» и «Мурский» сын Гельсингфоргского купца— Воробьев, который был арестован в средине августа того же года в г. СПБ., в здании библиотеки Вол.-Экономич. Общества у студента А. В. Плавского.

Собрания в Гельсингфорсе происходили на квартире штабс-капитана Сергея Анатолиевича Циона. К нему, по словам провокатора, приходили в большом числе солдаты Свеаборгской артиллерии, в числе которых Цирюльников в особенности приметил нестроевого старшего разряда (старшего унтер-офицера) нестроевой роты Свеаборгской артиллерии Детинича. В деревне Тюсбю, где была расположена 17-ая полевая артиллерийская батарея, собрания ответственных членов Военной Организации происходили в булочной, в доме купца Васильева, и на кладбище. Собрания происходили, главным образом, под руководством Леонида Воробьева. Он же выступал на этих нелегальных собраниях не только в качестве организатора, но и пропагандиста. Например, в страстную субботу 1906 года на тюсбинском финском кладбище по Тавастгустской дороге Леонид Воробьев прочел Эрфуртскую программу, сообщил о предстоящем съезде военных организаций. Он сказал при этом, что следует выбрать кого-либо из комитета в качестве представителя Тюсбинского гарнизона для командирования в Гельсингфорс.

В Гельсингфорсе Цирюльников неоднократно видел Воробьева и других ответственных членов Гельсингфорской группы Финляндской воен-

ной организации. От флота представителем был матрос миноносца «Видный» Шепельский, который входил в состав комитета на миноносцах. Шепельский устроил связь Цирюльникова с товарищем Быстровым и с некоторыми другими гельсингфорскими работниками. Из солдат гельсингфорского гарнизона Цирюльников тогда узнал писаря Першкова, фельдфебеля нестроевой команды Финляндского артиллерийского полка Гришненкова. В Гельсингфорском военном госпитале Воробьев поручил Цирюльникову связаться с членом комитета Ширяевым. С целью пропаганды в Гельсингфорский военный лазарет был командирован рядовой Пластинин. Необходимую для пропаганды литературу, в том числе «Вестник Казармы» — орган Военной организации в Финляндии РС-ДРП — доставлял Леонид Воробьев и окончивший курс Гельсингфорской гимназии Григорий Александров.

По делу Военной организации связи в городе Выборге были установлены при посредстве рабочего — слесаря Штейнбока. В Перкиярви, по словам Цирюльникова, происходил большой митинг, в котором принимало участие около 500 человек. В качестве оратора выступали Леонид Воробьев и «Христиан»; кроме того выступали, брат Исаака Штейнбока Давид, товарищ Серебряков и «Маруся». Давид Штейнбок установил связи Цирюльникова с членами Выборгской группы Финляндской военной организации, известными под кличками «Петр» и «Зина».

В Перкиярви, чтобы поднять солдат, расположенных в лагере, Гельсингфорской Центральной группой был направлен пропагандист под кличкой «Степан». Но последний ничего не мог достигнуть, так как в момент нахождения его в Перкиярви лагерь был оцеплен войсками.

В момент Свеаборгского вооруженного восстания с Выборгом и другими местностями связь была установлена, чтобы дать сигнал к восстанию в других местах под условной телеграммой: «Торговля открыта, идет хорошо, открывайте и присылайте». На второй день восстания в Свеаборге Гельсингфорская Центральная группа командировала в Выборг Л. Воробьева, которому было поручено командировать в Вильманстранд, в помощь находившемуся там пропагандисту «Магомету» — «Петра» или «Степана». Самому Воробьеву поручалось ехать в Перкиярви, чтобы поднять там войска. Но и Воробьеву, как раньше пропагандисту «Степану», поручение выполнить не удалось. Воробьев отправился за инструкциями в Выборг. Но в это время восстание в Свеаборгской крепости было подавлено, а на имя магазина Штейнбока для Выборгской группы военной организации была получена телеграфная директива Гельсингфорской центральной группы в виде условной телеграммы: «Торговля закрыта, закрывайте и вы». В Выборге, по словам Цирюльникова, к Воробьеву обратилась под фамилией Майзель «некая девица» с предложением оказывать материальную поддержку бежавшим из Свеаборга. Вместе с тем Майзель просила Воробьева о принятии ее в Военную организацию.

В качестве членов Финляндской военной организации за 1906 г. в составе Комитета Центральной группы Цирюльников назвал следующих: от 1-й батареи — старший фейерверкер фельдфебель учебной команды Сухарьков, младший фейерверкер из уроженцев Смоленской губ. (впоследствии разжалованный) Шаденков, каптенармус Галаганов, и бомбардир (впоследствии разжалованный) Гроховский, от 2-й батареи — бомбардир — лаборатор̆ист Димент, от 3-й батареи — он, Цирюльников слышал лишь о существовании комитета, но его состава не знает, от 4-й батареи — бомбардир Хейфец и некоторые фейерверкера, но по фамилиям ему неизвестные; от штаба полка и нестроевой команды — фельдфебель Гришненков; от писарской команды — Тарас Першков; от музыкантской команды — он, Цирюльников, знает лишь одного — Шейнкмана. Кроме комитетов в каждой отдельной части полка, в это время существовал полковой общий комитет, в состав которого входили особо избранные представители от частных комитетов. В состав полкового комитета входили: от 1-й батареи—Шаденков и Богданов, от 2-й — Димент, от 4-й — Хейфец; от штаба полка — Гришненков и от музыкантской команды — Шейнкман. Таковы сведения Цирюльникова в части касающейся деятельности Финляндской военной организации в 1906 году.

В марте 1907 года Цирюльников узнал от Шейнкмана, что после Свеаборгского восстания из старых остался лишь Леонид Петрович Воробьев, превратившийся в профессионального пропагандиста в городе Выборге. В Гельсингфорсе в это время работала «Ида».

От Воробьева числа 15—16 апреля 1907 года Цирюльников узнал, что Выборгская артиллерия прекрасно организована. В 1907 г. в Петербурге функционирует Временное военное бюро, имеющее цель связать воедино все военные организации. Во главе Временного бюро, узнал Цирюльников от Воробьева, стоит некий Анатолий Капустянский и другое лицо, фамилии которого Цирюльников не смог назвать. Он только добавил, что это другое лицо было арестовано на Финляндском вокзале в Петербурге за участие в Лондонском с'езде РСДРП. Воробьев снабдил Цирюльникова письмом к проживающему в Петербурге по Сергиевской дом № 47, квартира № 5 Капустянскому (он же «Анатолий», он же «Мурский», настоящая фамилия Мейер Трилиссер, в настоящее время один из видных членов РКП, работавший в Ленинградской партийной организации в годы гражданской войны). Цирюльников был направлен с письмом Воробьева в столовую Технологического института с паролем: «От Адама Адамовича». Потом Цирюльников явился на Петербургской стороне к некой девице, объявив ей пароль—«от Анатолия». Словом, после ряда адресов Цирюльников получил два пуда литературы, с которой он выехал сначала в Выборг, потом в Гельсингфорс. В Выборге Цирюльников Воробьева не застал. А бывшие в его квартире Александра и Лидия Воробьевы сообщили, что Леонид уехал в Гельсингфорс. 19 апреля Цирюльников узнал, что Воробьев уехал в Таваст-

густ в виду имеющегося быть вскоре с‘езда военных и боевых организаций РС-ДРП.

Представительство от Финляндской военной организации и от Кронштадтской поручалось «Иде», которая в то время жила на Фабианской улице в Гельсингфорсе в доме № 11.

В конце страстной вернулся в Выборг Леонид Воробьев, собиравший в пользу «Иды» голоса от солдат 4-й батареи Финляндского артиллерийского полка. В конце апреля или в начале мая 1907 года «Ида» уехала на Лондонский с‘езд. Ее заменил в Гельсингфорсе Капустянский (Мейер Трилиссер), а в помощь ему был вызван Л. П. Воробьев.

По приезде Воробьева решено было в Гельсингфорсе устроить собственную типографию. Цирюльникова отправили за шрифтом для типографии в Петербург. В Петербурге Цирюльников встречался, по поручению Воробьева, с библиотекарем Вольно-Экономич. Общества, студентом Александром Валериановичем Плавским, который оказывал Военной организации всякого рода помощь. В конце мая 1907 года возвратилась в Гельсингфорс «Ида», а Капустянский занял свое прежнее место в Военном бюро, поселясь в Выборге. В это время Центральный комитет РСДРП из столовой Технологического института переселился в Финляндию на станцию Териоки.

Летом того же года, при случайных поездках в Выборг Цирюльников познакомился с братом Капустянского, который заменил в это лето в Выборгском районе Воробьева.

При дополнительном допросе Цирюльников показал, что происходили в 1907 году сходки, на которых неизменно выступал Леонид Воробьев, Исаак Штейнбок, Хейфец и Гришненков. Речи произносил главным образом Воробьев, «Христиан» и Давид Штейнбок. На сходках призывали солдат примкнуть к РСДРП для свержения самодержавия, для созыва Учредительного Собрания и для введения нового государственного устройства в России путем вооруженного восстания.

Как видно из обвинительного акта, в 1907 году Цирюльников окончательно самоопределился в качестве провокатора. За этот период времени он больше всего называет фамилии и перечисляет обстоятельства, впрочем, всегда довольно однообразного характера, почему мы и считаем достаточным приведенных доносов Цирюльникова. Кроме него, дали свои показания жандармский унтер-офицер Писаков, штабс капитан Ланге, подполковник Жадвоин, жандарм Толстых, поручик Выборгской крепостной артиллерии Кайгородов. Протокол осмотра разных предметов и переписки, отобранных при обыске в августе 1907 года в комнате Леонида Воробьева в доме № 1/34 по 4-й роте Измайловского полка, дал скудные результаты. За подписью «Шурка» записка, повидимому, о разгоне Государственной Думы и о столыпинском законодательстве («Шурка» — Александр Валерианович Плавский). Потом записка, как обнаружилось, написанная Григорием Александровым в июле 1907 года: «Атаманская Казачья и 1-я сотня почти вся сознательна» и т. д. Потом не-

сколько оттисков штемпеля «Александр Валерианович Плавский». Из книг брошюра «Протоколы 1-й конференции Военных и боевых организаций РСДРП».

У Давида Трилиссера, арестованного в сентябре 1907 года на Финляндском вокзале по возвращении с Лондонской партийной конференции, тоже были отняты при обыске некоторые пустяшные вещи, послужившие однако для жандармов и для суда вескими уликами.

На основе этих вкратце описанных показаний в качестве обвиняемых были привлечены: студент Юрьевского университета, сын чиновника восточной Финляндской инженерной дистанции, Гр. Гр. Александров, 23-х лет; студент СПБ университета, сын Гельсингфорского купца, Леонид П. Воробьев, 24-х лет; крестьянин Мина Макс. Галаганов, 29-ти лет; крестьянин Матвей Тимоф. Гришненков, 28-ми лет; крестьянин Тарас Михайлович Першков, 28-ми лет; сын купца Давид Садукович Пигит, 21-го года; крестьянин Алексей Карпов Сухарьков, 28-ми лет; мещанин Давид Абрамович Трилиссер, 25 лет; и Мейер Абрамович Трилиссер, 27-ми лет; мещанин Шмуль Давидов Хейфец, 27-ми лет; крестьянин Василий Никитин Шаденков, 27 лет; мещанин Давид Абрамов Штейнбок, 26-ти лет; мещанин местечка Дубровны, Могилевской губ. Соломон Хаимов Еврухин, 27-ми лет, и дворянка Зинаида Васильевна Стрекалова, 34-х лет. Будучи допрошены в качестве обвиняемых, не признали себя виновными в предъявленном им обвинении. Все вышеназванные обвиняемые под судом не были. Обвиняемые: бывший канонир Финдляндск. артиллер. полка Дмитрий Богданов, мещанин Борис Димент, гродненская мещанка Ревекка Акимовна Майзель, мещанин местечка Дубровны, Могилевской губ, С.-Х. Еврухин, сын купца Никандр Федоров Пластинин, уроженка города Юрьева Ида Педер, Александр Плавский, бывший штабс капитан Свеаборгской крепостн. артил. Цион, дворянин Станислав Шепельский, мещанин г. Полоцка Исаак Абр. Штейнбок—скрылись.

Обвинение было преъявлено в том, что Леонид Воробьев, Мейер и Давид Трилиссер, Хейфец, Мина Галаганов, Гришненков, Першков и Сухарьков вступили в 1906—07 г. в Военную организацию РСДРП Они обвиняются в том, что устраивали в Гельсингфорсе на квартире штабс капитана Циона и в других местах сходки, на которых призывали к свержению путем вооруженного восстания самодержавия и установления демократической республики в России. Воробьев обвиняется в том, что руководил Военной организацией в Тюсбю, Мейер и Давид Трилиссер руководили деятельностью военного бюро при центральном комитете, перемещенного в мае 1907 года из Технологического института на станцию Териоки Финляндской ж. д.

Приговором Военно-Окружного суда под председательством генерал-майора Биршерта 10-го сентября 1910 года были приговорены: Мейер Трилиссер на 8 лет каторжных работ, Леонид Воробьев на 6-ть лет каторги, Давид Трилиссер на 5 лет; Матвей Гришненков и Тарас Першков сосланы на поселение на 4 года; Хейфец, Алексей Сухарьков и Мина Галаганов — оправданы.

ОТДЕЛ III.

ВТОРОЕ КРОНШТАДТСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В 1906 ГОДУ.

1. О работе военной с.-д. организации в Кронштадте.

Кронштадт входил в состав Окружной Организаци РСДРП (б). Потом он был выделен в самостоятельную организацию, от которой представителем в ПК входил я. Предо мной вообще стояла трудная дилемма построить партийную организацию, не имея никаких связей в городе Кронштадте, при почти постоянном военном положении, после недавно бывшего восстания (1905 г.).

Счастливый случай столкнул меня незадолго до Московского вооруженного восстания со студентом Петербургского у-та Токмачевым, Сергеем, недавно вошедшим в партию. Я пригласил его в Окружную организацию и он начал работу в Колпине. Токмачев жил в г. Кронштадте, вместе с матерью, в собственном небольшом домике.

Он мне сообщил, что в Кронштадте, после восстания, за отсутствием партийной организации, организовался беспартийный комитет из гимназистов и одного студента, с двумя рабочими кружками. Я решил ликвидировать этот комитет и сколотить партийную организацию. С этой целью мы с т. Токмачевым (партийная кличка— т. Сидор; дальше я его буду так называть) решили организовать у него в доме, благо собственный,— штаб-квартиру для нашей организации и приезжавших из Питера партийных товарищей. Затем я об'яснил беспартийному комитету, что теперь будет строиться настоящая партийная большевистская организация. А так как члены комитета в партии не состояли, то лучше всего им превратиться в кружок для выработки из них партийных агитаторов. Они согласились. Из рабочих кружков, взятых у комитета, мы сорганизовали временный комитет.

Таким образом, мы поглотили беспартийную организацию и начали организовывать партийную. Вместе с ближайшим помощни-

ком, т. Сидором, мы выработали план нашей работы. Мы хорошо понимали огромное значение для революции Кронштадта и флота с 28.000 матросов, имевших большую тягу к революции. Главной нашей задачей было организовать в Кронштадте восстание. Но связаться с матросами на кораблях и вовлечь их в нашу подпольную организацию можно исключительно через рабочих, которые работали в различных казенных мастерских и заводах, особенно по ремонту флота. Очень скоро наша организация имела уже 8 рабочих кружков, через которые мы связались почти со всеми мастерскими Кронштадта. Вошли в кружки несколько старых рабочих, уже бывших ранее на политической работе. Через этих рабочих мы скоро связались прочно с матросами и др. частями. Связи наши скоро сделались так обширны, что нам удавалось нередко устраивать целые митинги на Лисьем Носу. Собиралось иногда до 500 человек, несмотря на все решительные меры начальства. Кроме меня и т. Сидора для работы в кружках приезжали т.т. Михаил 2-й, Анатолий и третий, кличку которого запамятовал. Литература и прокламации развозились нами в большом количестве.

Месяца через два пришлось подумать об отделении военной организации от рабочей. В это время в Петербурге существовала уже военная организация с.-д. (б). Ей-то и переданы были наши военные весьма ценные связи; таким образом в Кронштадте возникла военная организация, представлявшая отделение общей Петербургской, но в то же время находившаяся с нами в самом тесном контакте. Где в маленьком городке могли собираться матросы, как не у рабочих?! Связи, встречи, явки — все происходило через рабочих и у рабочих. Впрочем, военная организация скоро обзавелась своей самостоятельной штаб-квартирой; в ней, под видом сапожника, поселили Лерберга, который впоследствии оказался провокатором. Надо подчеркнуть, что между рабочей и военной организацией существовала теснейшая связь. В случае восстания предполагалось, что военная организация будет подчинена партийному комитету. Из товарищей, работавших в военной организации, можно указать организатора т. Михаила и двух весьма дельных эстонцев Сермуса и Макса (фамилии их не помню). В это время в Кронштадте существовала эстонская рабочая группа с.-д. (б). Она вела работу только среди эстонцев, но, по нашему почину, пошла нам навстречу и оказывала нередко ценные услуги. Некоторые же из эстонцев, говорившие по русски, втянулись в работу среди русских.

Нам сильно помогало революционное брожение среди войск, которое продолжалось и после подавления октябрьского восстания. Уже в апреле месяце деятельность нашей с.-д. организации в Кронштадте настолько расширилась, успехи были настолько очевидны, что сделалась ясной возможность вооруженного восстания. Чтобы не сорвать такое огромное дело, была необходима возможно тесная связь с ПК и ЦК нашей партии. Между тем, выяснилось, что продолжительная работа в Кронштадте может легко окончиться моим арестом. Посему, по моим настояниям, в ПК были введены

еще два товарища: Сидор и один рабочий. В случае восстания, два члена ПК и один ЦК должны были явиться в Кронштадт для руководства. Предполагалось, что восстание произойдет по заранее разработанному плану, в назначенное нами время, по соглашению с партией социал-революционеров, работа которых велась тоже в широком масштабе, чуть ли не больше нашего. Для этого решили начать переговоры с эс-эрами.

Уже в мае месяце, кроме указанных раньше товарищей, большую работу в Кронштадте повел т. Мануильский, который выступал под кличкой т. Мишки и т. Фомки. Особенным успехом он пользовался во время митингов на Лисьем Носу. Со свойственным ему малороссийским юмором, Мануильский удивительно нравился широкой массе матросов. Кроме митингов, среди матросов мы с т. Сидором устраивали летучки на улицах Кронштадта, у пароходного завода и в других местах. Это было очень рисковано вследствие военного положения.

В конце мая у нас оказался еще один работник, Ольдерман. Он прибыл из Москвы, как беглый солдат, и был направлен в нашу военную организацию. Нам всем он очень не понравился. Детина среднего роста, с тусклыми оловянными глазами, с нескладной речью. Особенно подозрительным Ольдерман казался рабочим. Они сразу уловили в его рассказах неувязку, сбивчивость. Пребывание его в нашей среде обошлось нам очень дорого. Нужно сказать, что в то время существовала на-ряду с военной боевая организация. Она сорганизовывала районные отделы боевой организации, которые, в свою очередь, создавали рабочие дружины, обучали их стрельбе, изыскивали вооружение, вообще знакомили рабочих с формами революционной вооруженной борьбы, возможной при революции. Мне хотелось организовать боевой отдел и при Кронштадтской организации; однажды, несколько человек, в том числе я и боевой организатор (фамилии его не помню, знаю лишь, вскоре он был захвачен на крейсере «Память Азова» при попытке поднять восстание и расстрелян), захватили с собой побольше с.-д. газеты «Волна» и отправились в Кронштадт. Приехав, мы разделились для осторожности на группы и пошли в город. Здесь ко мне подошел один из рабочих нашей организации и предупредил, что квартира военной организации провалилась. В ней сидит засада, а сапожник Лерберг арестован. Я немедленно позвал всех товарищей в сад, чтобы там посоветоваться, что делать. Только что мы собрались, как нас известили, что сад окружает полиция. Мы решили разделиться и разными путями выйти из сада. Когда, спустя два часа, я зашел к т. Сидору, оказалось, что несколько наших приезжих товарищей, из них т. Сермус и наш боевик, и ряд местных рабочих арестованы. Но Сермус и боевик были одеты, как буржуа, и это, вероятно, их спасло. Они сослались на то, что приехали на экскурсию, и их выпустили. Приблизительно ночь на 24 мая 1906 года я провел в Петербурге у своего дяди, так как ожидал ареста. На другой день, часов в 10 утра, я отправился домой, при чем один браунинг

я положил в карман пальто, другой в газету. Подойдя к окну комнаты, где я жил вместе со студентом немцем Тауриным (последний работал у меня в организации в Шлиссельбурге в динамитном заводе), я крикнул ему в форточку «довольно спать, немец! вставай!». Не ожидая ответа, я пошел к двери и постучал. Дверь отворилась. В передней на меня набросились охранники; я попятился назад, но в дверях попал в об'ятия дворника. Меня обыскали, нашли браунинг и бросились к столу протоколировать. Я воспользовался случаем, что не заметили второго браунинга, сунул его за шкаф и вошел в комнату. Оказывается, Таурин уже был арестован. На столе лежала пачка прокламаций в 110 штук: обращение к партии по поводу с'езда Российской социал-демократической партии. Откуда появились прокламации, мне неизвестно. Но я, как правило, никогда никаких документов не держал, зная хорошо, что по своей работе я каждую минуту должен ожидать ареста. Поэтому я отказался подписать протокол, где говорилось о том, что у меня найдены прокламации. После ареста меня отправили в охранное отделение, где написали бумажку о привлечении меня по 102 ст., а мерой пресечения явилось заключение в «Кресты».

После моего ареста ПК в качестве ответственного организатора назначил тов. Мануильского. В связи с наступающим летом, открывались более широкие возможности для собраний. По воскресеньям на Сестрорецком и Ораниенбаумском берегах проводились митинги с участием рабочих, матросов и солдат. В городе, в целях использования легальных возможностей, удалось создать беспартийную организацию — «кассу безработных», находившуюся всецело в наших руках. Т. Митька (Мануильский) выступал там под видом рабочего и его предложения проходили безотказно. «Касса безработных» была организована после широкого митинга в Морском манеже, где было выбрано и правление кассы — все кандидаты от нашей партии. На этом митинге, между прочим, выступал член Государственной Думы, тогда ярый большевик — Алексинский, под видом рабочего. Митингом руководил т. Сидор. Выступления обоих товарищей прошли благополучно, благодаря только тому, что, стоя у трибуны, они имели за спиной окно. На фоне окна лица казались совершенно темными.

Брожение в войсках все усиливалось, благодаря энергичной работе и руководству военной организации при ПК. Военная организация издавала прокламации и свою газету.

Настроение солдатских и матросских масс было таково, что достаточно было и небольшого повода, чтобы сейчас же началось брожение.

26 июня сильно взволновало войска, благодаря следующему событию: когда первый Кронштадтский крепостной баталион производил учебную стрельбу, возле вертелся мальчик, продавец кваса. Командир баталиона, полковник Гулин, приказал ему удалиться. Мальчишка не послушался и, после вторичного приказания уйти, Гулин нанес продавцу две раны шашкой, так что его унесли в го-

спиталь. Это зверство возмутило солдат. На кладбище собралось более 200 матросов и солдат, которые постановили обратиться с петицией в Гос. Думу, а кроме того, если в двухнедельный срок Гулин не будет привлечен к ответственности, то убить его. Полковник Гулин получил от начальства лишь выговор.

В связи с широко разлившимся революционным движением правительство принимало меры для остановки его: обыски, аресты, высылки. И все-таки восстание вспыхнуло. Сначала в Свеаборге, затем в Кронштадте.

К. С. Жарновецкий [1].

2. Из воспоминаний о Кронштадте и Свеаборге 1905 года.

В первых числах октября 1905 года на одной полулегальной вечеринке т. Даша (Зубелевич) познакомила меня с рабочим Никитой, только-что вернувшимся из Кронштадта, где он начинал работу среди матросов. Мягким голосом, восторженно, Никита рассказывал о чрезвычайно благоприятных условиях работы, о необходимости создания там крепкой военной организации и пр.

В то время я работал среди матросов 8 флотского экипажа в Петербурге, был знаком с настроением флота, и широкий размах работы в первоклассной морской крепости меня сразу увлек. Тов. Даша, подметив мое настроение, предложила мне поехать в Кронштадт для постоянной работы. Тут же мы сговорились завтра утром выехать в Кронштадт для ознакомления с положением вещей на месте.

В Кронштадте Никита свел меня на квартиру одного из рабочих порта; из бывших здесь матросов и солдат выделялись матрос 7-го экипажа Петр Колмаков, плотный, небольшого роста, с умными голубыми глазами, наш первый организатор, и живой, как ртуть, балагур, сибиряк Сорокин, впоследствии душа организации. Революция всех нас связывала, делала близкими, нужными друг для друга людьми. Расстались мы в этот день, как люди, которые прожили вместе много, много лет.

Вне себя от радости, переполненный свыше всякой меры тысячами планов, ехал я на другой день, 17 октября, в Петербург, чтобы покончив там со всеми делами, вернуться в загадочный, суровый Кронштадт. При входе парохода в Неву, навстречу начали попадаться буксиры, лодки и пароходы, украшенные красными флагами. Неслись радостные крики: «Да здравствует свобода!»... По улицам, кишевшим праздничной толпой, через толпы манифестантов, распевавших Марсельезу, пробрался я к товарищам.

Конечно, в манифест никто не верил, революционные организации готовились к выступлениям, а на улицах уже появились первые ласточки: черная сотня с царскими портретами и пением

---

[1] Партийные клички его: «Пан», «Олег» и «Южанин». *Ред.*

гимна! Уже в тот же день вечером имели место отдельные столкновения. На другой день тоже. А меня неудержимо тянуло в Кронштадт. Шли слухи, что город охвачен революцией. Но лишь на пятый день я смог вырваться из Питера. С двумя товарищами, через Ораниенбаум, пробрались мы в Кронштадт.

Все кончено! Там и сям дымятся обгорелые бревна домов, разбитые лавки и магазины. На улицах горят костры, около— павловцы и казаки! Матросов и рабочих совсем не видно. Город словно вымер. Жизнь перешла в плавучие и сухопутные тюрьмы.

Месяца через полтора на одной конспиративной квартире снова встречаю Колмакова, Сорокина и еще несколько матросов, только что выпущенных из морской тюрьмы. Приехали они в Питер, конечно, не спроста. «Одни отсюда не уедем», — говорят. Даем им слово быть в Кронштадте.

В Кронштадте все еще военное положение. В 9 часов вечера на улице ни души. Слышно только, как цокают по камням копыта лошадей патрулей. Пароходное сообщение с Ораниенбаумом прекратилось. Едем с Никитой по льду моря на извозчике. В зоне крепости — Стой! — Хрустит снег под тяжелым шагом караула. Нарочно ругаемся, не позволяем обыскивать. — А ну-ка, вылазь.—Словно забинтованный, толстый от кипы прокламаций, с трудом вылезаю из саней, продолжаю ворчать... Расчет правильный — поднимают сиденье — обнаруживают водку! Споры, разговоры ... Мороз, долгое стояние патруля на одном месте делают свое дело. Без водки, но с литературой в'езжаем в крепость. Между прочим, записываю фамилию начальника патруля. Оказывается артиллерист. Через месяц вспоминаем встречу и смеемся!..

В январе устраиваемся в Кронштадте более основательно. Никита поступает дворником в купеческий дом. В этом же доме живет только-что окончившая гимназию, серьезная девушка Михеева. У нее устраиваем явки, иногда собрания.

Около дома полицейский пост. Стоит городовой. За полчаса до собрания выходит Никита, беседует и ведет «полисмена» в ближайшую пивную. В небольшой комнате собирается до 30-ти человек солдат и матросов. Спустя час-два является Никита и сообщает, что время расходиться. Городовой снова на посту, а Никита в своем клоповнике, в дворницкой. Прихожу к нему ночевать — клопы буквально облепляют тело. Вскакиваем, сдираем обои, поджигаем. Нестерпимо гнусен запах жареного клопа! Измученные засыпаем под утро, а в 5 часов слышим страшный стук в окно. — Обыск! — проносится в голове. Рвем записки, очищаем карманы, готовимся к встрече. Никита натягивает валенки, полушубок и выходит. Разговаривают двое.

— На облаву итти... Пристав дожидается.

Возвращается смущенный Никита.

— «Облава на воров и нищих, что понаехали к отцу Иоанну. Надо итти.

Свистки, выстрелы, вопли толпы! Через час вбегает Никита.

— «Уф, тяжела ты, шапка... Человек двести окружили. Пристав командует. Кричал, свистал со всеми... Насилу убежал. Повели в участок».

Был и такой эпизод. Сын хозяина дома, студент, решил распропагандировать дворника. Когда Никита являлся на кухню обедать, купеческий сынок раз'яснял значение манифеста, о свободах. Как-то не выдержал Никита и задал вопрос:

— А ведь вам тоже, поди, придется работать, когда ваши лавки и дома станут народным достоянием?..—Вскинул на нос повыше пенснэ хозяйский сынок, воззрился с удивлением на дворника и вышел. После уж зашел к своей жилице, т. Михеевой, и высказал свое изумление сознательности Никиты. Маруся, с трудом скрывая смех, ответила, что устами Никиты говорит весь народ.

Познакомился с кондуктором флота, «сочувствующим». Матросы не особенно долюбливают их. В военно-морской среде они занимают какое-то нелепое положение. От матросов — отошли, офицерство в свой круг не пускает. А мой знакомец был озлобленный, чем-то насолило ему начальство... и возненавидел он всех... Согласился взять в качестве прислуги и няни к детям Дашу. Лучшего места и положения трудно было придумать. На другой день приехала Даша. Остановилась в Иоаннитском приюте. Сделала публикацию «одной прислугой или няней» в местной газетке «Котлин». Пришла по об'явлению жена кондуктора, молодая женщина, увлекшаяся романтичностью положения. Приведя Дашу домой, она бесцеремонно стала разглядывать ее и сразу решила: — ах, вы вовсе не страшная, неужели все такие революционеры?

Не было средств, чувствовалась необходимость в двух - трех своих квартирах. Организация росла, были созданы экипажные, полковые и ротные комитеты. Со всеми частями, расположенными в крепости, имелась связь. Кроме нас, работали сами матросы, в казармах пехотных частей, разыскивая «земляков». Однажды встречаем с Никитой на бульваре нашего первого организатора Петра Колмакова. Сообщает печальную весть. Сегодня - завтра должны арестовать,—предупредил сочувствующий офицер. Сейчас несет на почту казенные деньги. — Знаю, что организация наша нуждается в средствах, так вот на - те возьмите. — Идем к «своему» врачу, переодеваем Колмакова в штатское платье, и Никита с ближайшим пароходом увозит его в Питер. На другой день об'явление в газете: «такие - то деньги в сумме такой - то поступили в распоряжение Кронштадтской революционной организации».

С ростом организации росло и поднималось настроение матросов и особенно солдат минной роты, расположенной на косе. Эта часть заслуженно считалась самой сознательной, так как составлялась из квалифицированных рабочих. То и дело мы выписывали докладчиков и ораторов из Питера. Почти каждый день устраивались летучие массовки на косе, в поле и по ночам, в самих казармах; сюда было легко проникнуть в матросской форме, так как происходила сортировка матросов для предстоящего плавания и в одних казармах находились матросы разных экипажей: офицеры почти не знали своих команд.

На митингах неизбежно встречались представители двух партий, иногда устраивались диспуты. Однажды матросы соц.-дем. (б.) привели к нам на квартиру своих организаторов. Насколько помню, тут были т. т. Ефим, Марк, Карл и др. Работа велась у них, главным образом, среди крепостной пехоты и артиллерии. Имелась своя сапожная мастерская,—она же конспиративная квартира. Собрание было очень бурное. Матросы, в массе своей плохо разбиравшиеся в партийных программах, упорно стояли за об'единенную военно-революционную организацию.

После долгих бесплодных споров победа остается за низами. Решено образовать временное техническое Бюро из трех человек от каждой партии. Функции Бюро: 1) не допускать резких пререканий и ругани на митингах, 2) доставлять литературу обеих партий на суда и в казармы, 3) назначать по праздникам патрули для наблюдения за порядком в городе, и в то же время собирать в определенной квартире комитеты обеих партий, чтобы в случае тревоги патруль мог всегда найти их, 4) выработать возможно скорее основания, на которых могли бы об'единиться обе организации для совместной работы.

Во временное Бюро попадают только солдаты и матросы. Об'единенному гарнизонному собранию принадлежит высшая власть, и решения его обязательны для всех. Тут же выбирается исполнительный комитет, которому поручается выработка плана восстания на случай внезапной, стихийной вспышки. В Комитет вошли: Глебко, Недотрогин, матрос по кличке Русь, Карея, Комов и два — три, фамилии которых я запамятовал. Выработка плана являлась делом первостепенной важности!

Широкая классовая пропаганда в казармах давала результаты. То там, то тут происходили конфликты с начальством на почве экономической, начались проявления открытого недовольства и неповиновения. На улицах матросы перестали отдавать честь офицерам. Выезжая довольно часто в Питер, я, несомненно, должен был примелькаться агентам охранки, дежурившим на всех пристанях. Возвращаясь однажды из Питера с тюком литературы, я инстинктом почувствовал на себе пронизывающий взгляд. Прихожу в общую комнату, переполненную разнообразной публикой, сажусь в уголок и наблюдаю. Увидел одного нашего матроса, сообщаю ему свои опасения. Товарищ смеется: «не допустим». Сказал так уверенно,

что я почувствовал: действительно, не допустят. На пароходе ехало десятка два матросов. Пароход подходит к пристани, спускают трап. Матросы, находившиеся на пароходе, занимают все выходы. Никого не пропускают. Публика ругается. Матросы смеются. Подхожу я. Круг размыкается, я первый бегу по трапу, сажусь на извозчика и, оглянувшись, вижу возню у выхода, и отчаянный вид моих негласных спутников, тщетно пытающихся пробиться вперед под веселый смех матросов.

Наша организация пополнилась новыми товарищами. Молоденькая курсистка Настя Моисеева, (расстрелянная в октябре того же года по делу покушения на взрыв военного суда) и бывший рабочий Обуховского завода Константин Иванов. После большой забастовки на заводе в 1900 г., в которой он принимал деятельное участие, Костя уехал за границу, работал там на французских фабриках и слушал лекции в высшей русской школе в Париже. Прямой, стойкий революционер. Старый польский социалист Ян, до пятого года бывший в ссылке в Сибири, где принимал участие в военных восстаниях, Петр Ожогов — студент, Лора Ивахина и Ирина, приехавшие в Кронштадт в качестве квартирных хозяек. Незаменимый агитатор — по прозвищу Хрипун. Его специальность — вновь прибывшие части. Он удивительно умел проникать в их среду, разжечь, раздосадовать и волновать слушателей. И, наконец, Шура, фабричная работница, молодая, но очень решительная девушка, Иван - длинный и еще два - три случайных временных работника. Были интеллигенты, полуграмотные и даже совсем неграмотные люди, выхваченные прямо из обывательской среды. День — два присмотришься к человеку, видишь—он весь душой отдается Кронштадту, и оставляешь его у себя, обычно в роли квартирных хозяев. Квартиры имелись уже во всех частях города.

Работы в это время — май — июнь, было очень много. В крепости одних матросов насчитывалось до 30 тысяч. Шла подготовка к летнему плаванию. Нужно было организовать на всех судах комитеты, снабдить их явками в приморских городах и портах, подобрать судовые библиотечки. Настроение матросов перед отправкой в плавание день ото дня повышалось. Матросы судов артиллерийского отряда пред‘явили ряд требований начальству, которое отказалось их удовлетворить. Началось глухое брожение, открыто выражается недовольство. Дошло до того, что офицеры боятся выходить в плавание, заявляя об этом по начальству. Прошли все назначенные сроки, а отряд все не выходит. И уже не матросы, а начальство, боясь за свою шкуру, оказывают давление на начальство. Атмосфера не меняется. В город для несения охранной службы прислали драгун, только что вернувшихся с карательной экспедиции из Прибалтийского края. Драгуны почувствовали себя хозяевами в Кронштадте, разгоняли нагайками собиравшихся в кучки матросов и рабочих, было несколько случаев избиений. Как - то, в числе

избитых оказалось двое матросов с крейсера «Громобой», только что вернувшегося с Дальнего Востока. Избитые прибежали на судно, рассказывая товарищам про бесчинства драгун и показывая исполосованные нагайками спины. Началась тревога. Всю команду тотчас же созвали на бак. Офицерство растерялось и ничего не предпринимало. А на баке уже раздавались горячие речи, слышались гневные возгласы. Уже спускались катера, подавались десантные орудия, и комендоры занимали места у больших орудий, направленных на город: прибежал испуганный командир крейсера, умолял не горячиться и дать ему четыре часа для улажения дела миром. Команда, не отходя от орудий, согласилась. Через 4 часа ни одного драгуна не оставалось в Кронштадте.

Через день — два весь отряд (судов 6 — 7) ушел в плавание. В рабочих, просмоленных костюмах прибегали к нам в последний раз товарищи, прощались, обещали не торопиться выступлением и ожидать общего сигнала.

Атмосфера сгущалась все более. Даже самая сознательная часть гарнизона — минная рота, роптала, и в комитет то и дело прибегали представители роты с одним вопросом: «Когда же?» Каждый день можно было ожидать взрыва. А тут еще начались аресты. Был перехвачен список тринадцати минеров, подлежащих аресту. Снова жаркие споры, доказательства, уговоры, — и вспышки предотвращены.

Аресты и обыски коснулись и наших работников: несколько квартир провалилось. Из Петербурга шли тревожные слухи о разгромах организаций и готовящемся разгоне Думы. Надо было готовиться. Немедленно выделили несколько товарищей из различных частей для работы по составлению плана восстания. Для большей безопасности план вырабатывался в Питере. Просиживали напролет ночи, стараясь не упустить ни одной мелочи.

Дума распущена. Известие привез Ян. Наступил решительный поворотный момент. Меня экстренно командируют в Гельсингфорс для согласования выступления со Свеаборгом и плавающими у финских берегов судами Балтфлота.

В Гельсингфорсе на многолюдном собрании представителей всех воинских частей и обеих военных организаций я рассказал о положении кронштадтской организации, о настроении солдат и матросов. На собрании присутствовал капитан Цион и начальник финской красной гвардии т. Кок.

Почти весь Балтийский флот в то время плавал у финских берегов. Здешняя военная организация должна была связаться с нашими представителями на судах, договориться с ними начать восстание одновременно с захватом Свеаборга. Часть восставших судов двинулась бы в Кронштадт. О связи с судами и готовности их начать выступление извещает нас телеграмма: «Отец здоров». Это означает иными словами: — будьте готовы выступить. Вторая телеграмма «Отец болен» говорила: начинайте, ибо Свеаборг восстал, и к вам идут революционные суда.

17-го июня я был уже в Кронштадте, где и доложил о результатах своей поездки в Гельсингфорс. Решили спокойно ждать известий и готовиться.

Как гром при ясном небе, поразила нас полученная на другой день утренняя телеграмма: «Отец болен» — Константин. Тысячи разных предположений внесли полный сумбур в нашу организацию. По точной сути содержания телеграммы значило, что Свеаборг восстал и революционные суда идут к Кронштадту. Но инстинктом мы понимали, что это не так, что в Свеаборге стихийно вспыхнуло восстание, а как поступить нам — никто не мог решить. В ту же ночь попытались созвать общее собрание. На собрании в восемь часов утра 19 июля присутствовало шестьдесят солдат и матросов. Приехал член Гос. Думы Ф. Онипко Ни одного голоса не раздалось против восстания сегодня же ночью, несмотря на то, что выяснилась неопределенная позиция части пехоты и Енисейского полка. А план был построен таким образом, что начало восстания должно было исходить от Енисейского полка.

Уходили с собрания с тяжелым чувством.

Все погибло... Вот мысль, которая не покинула меня до момента восстания в одинадцать часов ночи. Весь план сломался, начиная с 1-го пункта. У енисейцев встретили нас уже знавшие о времени восстания офицеры с револьверами в руках и пулеметом. В арсенале, куда бросились матросы, не оказалось патронов. Форт «Константин» захвачен — не оказалось замков у орудий. В 5 часов восстание подавлено, и начался последний акт драмы.

Заработал военно-полевой суд. В тот же день было расстреляно семеро нижних чинов минной роты. При чем, комендант крепости ген. Адлерберг заставил их самих копать себе могилу. 7 августа на форте было расстреляно еще 7 человек минеров и трое членов военно-революционной организации: Константин Иванов (раб. Обух. завода), студент Электротехнического Института Тер-Мкртчьянц, член 1-го Совета Петербургских рабочих депутатов[1] и студент Конаков. Все трое участвовали в захвате форта «Константин»; когда все уже было кончено, они просидели два дня под деревянным помостом, пока случайно не были обнаружены солдатом телеграфной роты, выдавшим их местопребывание. Товарищи мужественно приняли смерть, посылая проклятья палачам. В сентябре состоялись два заседания военно-полевого суда, вынесшего смертный приговор 38 матросам. Всего судилось около 300 солдат и матросов, большинство из которых пошло на каторжные работы.

Оттосон-Николаев.

---

[1] Расстрелян за восстание.

3. Кронштадтское восстание в 1906 г.

Последовал разгон Думы. Настроение среди матросов сразу повысилось. Возмущение, негодование, жажда мести за поругание представителей целого народа наполнили сердца. О восстании заговорили громче. 18 июня пришло известие о Свеаборгском восстании и, конечно, еще более подняло настроение. Гроза надвигалась.

— Пора, говорили матросы. Пора сбросить правительство, захватить власть и передать ее народным представителям. Чтобы был правильный закон, поставленный самим народом. Мы — сыны трудового народа и должны защищать его интересы, а не интересы кучки золотопогонных грабителей, расхищающих народное богатство.

Положение дела становилось серьезнее. Приходилось готовиться определенно к восстанию. Дни и ночи просиживали над разработкой плана восстания. Спать не приходилось — было не до того...

В ночь на 19 июня мы сидели в своем экипаже и рассуждали: можем ли мы, имеем ли право оставаться спокойными, когда вся родина находится в нестерпимом положении, когда голодающих крестьян, вместо хлеба кормят пулями и штыками, когда стон и плач стоит над землей. Прочли «манифест» членов Думы и революционных партий союзов к армии и флоту. Каждый высказывал свое мнение. Мнения сходились: терпеть дальше не было сил, медлить больше нельзя.

Какие же мы сыны народа, если останемся спокойными после разгона Думы?! Наше молчание, наше спокойствие позорно, преступно. Оно ведь ясно покажет народным представителям, что их воззвание к нам не встретило никакого отклика.

Некоторые товарищи, не знакомые с нашими планами, заметили:

— Конечно, молчать позорно, желаний встать за народ хоть отбавляй, но где у нас сила? Где оружие?

На это возражали, что не одни мы, матросы, поднимемся. С нами будут минеры, саперы, крепостники [1], артиллеристы, не отстанут енисейцы и доставят нам оружие. Говорили долго и много. Между прочим возник вопрос: что делать с офицерами во время восстания. Все приходили к единодушному заключению, что в живых их оставлять нельзя уже по одному тому, что они могут воспользоваться случайной заминкой, дурно подействовать на матросов и забрать их в руки. — Тогда «пиши — пропало». При том же все они были у нас деспотами или «драконами», как их называли матросы. — Все они стремились выколотить из нас живую человеческую душу, заглушить живую мысль, А уж насчет искоренения «крамолы» куда были горазды. Мы перебрали всех по одиночке и не

---

[1] 1-й и 2-й Кронштадтские крепостные пехотные батальоны.

нашли ни одного, достойного нашего доверия и даже простого снисхождения.

— Все они враги нам и народа. Не будет добра, если оставим их в живых. Мы должны их убивать без пощады, — закончил свою речь один из товарищей.

И с этим нельзя было не согласиться.

Об этом предмете еще и раньше у нас неоднократно поднимались споры с партийными (эс-эр.), интеллигентами. Во всем мы сходились с ними, жили душа в душу, только в этом вопросе никак не могли столковаться. Они настаивали, что офицеров нет нужды убивать, что достаточно их арестовать, чтобы отрезать им всякую возможность вмешаться в восстание. — Убивать же они предлагали только в случае сопротивления.

— А вдруг,—говорили они,—вы убьете сочувствующего или просто хорошего человека. Ведь это скверно было бы. Быть может, он перешел бы на нашу сторону и принял бы на себя командование.

Мы, однако, стояли на своем, думая, что сочувствующий давно бы уже проявил себя добром, а не оставался бы верным холопом правительства. А если бы кто из них и пришел к нам, так ведь это было бы сделано из страха. Какое уж тут сочувствие или содействие. Чорт с ним со всем!

— Еще подложит такую свинью, что невозрадуешься, замечали мы. — Уж лучше бы дальше от таких союзников. Без них обойдемся.

Наша ночная беседа была прервана дежурным матросом:

— Егоров,—позвал он меня.—Тебя вызывают. Иди к воротам.

С разгоряченной головой, возбужденный смелыми горячими речами вышел я на двор, жадно глотая свежий ночной воздух. Казалось, все приняло особенный оттенок, все зажило вместе с нами новой кипучей жизнью. И странно было видеть обывателей в обычном обывательском настроении, с семячками, высыпавшими на улицу.

Странно было слушать шутки и остроты караульных матросов у ворот. Это было как бы неуместно. Душа полна необычайным волнением; казалось, что вот-вот все изменится, наступит великая торжественная минута — начало новой жизни. Благоговейное чувство перед близким будущим разливалось в душе. Дух захватывало...

Вместе с тем, сознание важности минуты, сознание ответственности за великое дело всецело охватило меня.

В таком настроении я подошел к воротам, немного встревоженный неожиданным и поздним вызовом. За воротами стоял вольный товарищ, бледный и видимо взволнованный.

— Идем погулять, — сказал он, — стараясь заговорить весело. Я перескочил через забор, предчувствуя, что случилось что-то важное.

— В чем дело?—спросил я.

— Получены телеграммы. Восставшие суда идут в Кронштадт. Соберите скорей комитетских, приведите в обычное место, отвечал товарищ скороговоркой.

— Значит начинать?, — спрашиваю.

— Вероятно, да. Обсудим — видно будет.

Я тотчас же вернулся в экипаж. Товарищи матросы окружили меня, расспрашивая тихо, в чем дело. Однако, раньше времени тревогу поднимать нельзя было и я ответил, что ничего не случилось.

— Просто пришли за мной, зовут гулять,—успокаивал я товарищей.

Затем я бросился разыскивать представителей, чтобы сообщить им полученное известие и позвать на экстренное совещание. Пройдя другие экипажи, я вызвал кого нужно было, якобы на ночную пирушку. Благодаря такой хитрости, удалось успокоить товарищей, которые заметно волновались. Такое уж время было, что относились ко всему тревожно и подозрительно.

Живо собрались экипажные представители, и мы, перебравшись через забор на улицу, отправились на конспиративную квартиру. Заседание к нашему приходу уже началось, несмотря на то, что представителей всех частей собрать не удалось. В виду последнего, собрание ни к чему не пришло: решили обождать до утра.

В экипажи мы вернулись в четыре часа и тотчас же собрали экипажный комитет. Сообщили о пришедшей из Свеаборга телеграмме и предложили на обсуждение вопрос: нужно ли выступать. Выяснилось, что дольше ждать не приходится. Настроение в командах таково, что каждую минуту может загореться пожар. Недовольство промедлением увеличивается; сдерживать людей становится труднее...

Тревожна была эта ночь.

О сне никто и не думал. Всем было ясно, что время ожидания прошло, что наступило время действия, такое время, когда отдельный человек уже не в силах остановить события. Каждый обдумывал положение дел в своей части, шансы на успех восстания.

На другой день, в восемь часов утра, представители всех частей собрались на гарнизонное собрание, где каждый сообщил мнение своей части о необходимости восстания. Большинство представителей сообщало самые благоприятные вести. Однако, душа все-таки была не на месте. Мы отлично понимали, что одним революционным настроением не победить, что нужна еще хорошая постановка дела и подготовка людей. А в этом отношении дело не везде шло хорошо. Беспокоили нас енисейцы, настроение которых в последнее время упало; не блестяще обстояли дела и у артиллеристов. Сноситься с ними стали недавно и просто не успели поставить организацию на ноги. Большинство артиллеристов находилось на фортах, почему сношения с ними были трудны. Они были почти совсем оторваны от нас. Кроме того, еще одно обстоятельство представляло некоторое затруднение: не были доставлены в Кронштадт револьверы, бомбы, гранаты, так как предполагалось, что восстание начнется по указанию организаций, а перевозить заранее эти

снаряды не было смысла, вследствие арестов и обысков. Все это не было заготовлено.

Собственно, при таком положении вещей трудно было решиться на выступление, но с другой стороны нельзя было откладывать. Телеграмма из Свеаборга означала, что восставшие суда идут к Кронштадту, а раз это так, надо было выступать немедленно, иначе правительство заняло бы форты черносотенными войсками и расстреляло бы суда. Конечно, мы не могли допустить, чтобы из за нашей нерешительности пострадали наши братья-матросы, ожидавшие найти в нас поддержку, а не предательство. Для всех дело было ясно. Поставили на голосование... Все высказались за выступление. Оставалось еще раз повторить план восстания. Были внесены последние поправки. Затем вновь поднялся вопрос об офицерах. Предлагалось сделать постановление — не убивать их без крайней необходимости. Мы возражали против такого предложения; заявляли, что у нас уж принято другое решение. Но в конце концов, чтобы не тратить времени на бесплодные споры, согласились действовать сообразно с обстоятельствами. На этом и закончилось гарнизонное собрание.

В 2 часа дня мы распрощались друг с другом. Товарищ Глебко, как бы предчувствуя свою близкую смерть, обратился к нам с короткой, но сильно сказанной речью.

— Товарищи, — говорил он, — в последний раз быть может мы собрались вместе. Кто знает, какой конец достанется нам. На великое дело идем: добывать счастье всему народу. Умереть за это дело — разве это не радость, не счастье?! Кто благо народа ценит выше всего, выше жизни своей, тот пусть идет с нами. Трусам здесь не место. Товарищи! Великое дело берем мы на себя. Поклянемся, что выполним его честно.

— Клянемся!, — отдалось кругом.

Лица у всех были серьезные и светились каким-то особым светом, светом воодушевления.

После речи Глебко, мы еще раз простились и спешно разошлись по своим частям. Терять времени было нельзя. Каждую минуту надо было употреблять с пользой, чтобы не упустить чего нибудь, да смотреть за всем. Весь день прошел в сутолоке и в беготне. Дело затруднялось тем, что во что бы то ни стало надо было скрыть от врага наши планы и приготовления.—Да и от многих товарищей приходилось скрываться до поры до времени, так как они, не привыкшие к осторожности, могли проговориться кому не следует.

Справка у нас прошла тихо...

В 10 часов в свободном помещении было собрано 50 человек самых решительных товарищей из трех экипажей, стоявших на нашем дворе (11, 16, 20). Им об'явили о восстании, познакомили с общим планом действия и распределили между ними обязанности. Затем выбрали предводителя и разошлись по экипажам. Каждый представитель собрал свою команду и стал раз'яснять, что должно произойти. Что тут было, рассказать трудно!

Необыкновенное одушевление охватило всех матросов. Лица загорелись победой и решимостью. Все заходило ходуном. Один матрос в безмерном восторге воскликнул:

— Наконец-то заря занимается. Скоро наступит день. Довольно мы ходили в потемках. Не нужны нам прожекторы, они освещают нам путь гибели....

— Товарищи, прервал я оратора, — времени остается не много, надо поспешить, идем переодеваться.

В один миг весь двор покрылся матросами в темных фланелевых «форменках» (рубахах). Пробило одиннадцать часов. Настало время действий. Назначенные заранее для захвата оружия люди выстроились и во главе с предводителем, в стройном порядке двинулись со двора в канцелярию нашего экипажа. У входа в пирамидах стояли винтовки. Немного поодаль, у денежного ящика — часовой, а у окна, с газетой, сидел дежурный офицер Стояновский. Войти в помещение и схватить винтовки было делом одной минуты. С винтовкой в руках я подбежал к Стояновскому и прежде, чем он успел крикнуть, нанес ему несколько штыковых ран. Несмотря на раны, он подбежал вплотную к окну, очевидно, с намерением кричать о помощи, но еще несколько штыковых ударов положили его.

Так погиб первый из встретившихся нам врагов.

Пока мы справлялись с Стояновским, другие взламывали ящики с патронами и револьверами. Разобрав патроны, мы по команде выстроились и зарядили винтовки. В полном порядке мы вышли на двор, где к нам начали пристраиваться безоружные. В это время к нам приблизился младший флагман 2-й дивизии контр-адмирал Беклемишев в сопровождении капитана I-го ранга Родионова. Подойдя к нам, Беклемишев строго спросил о причине сборища и приказал немедленно разойтись по казармам. Не успел он кончить, как раздался револьверный выстрел, и пуля пронзила обоих офицеров. Родионов повернулся назад, а Беклемишев сделал еще несколько шагов по направлению к коридору 2-го экипажа. Вслед им обоим разом раздалось несколько ружейных выстрелов, которыми Родионов был убит наповал, а Беклемишев серьезно ранен. Не дойдя до коридора, он повалился.

Между тем к воротам подошли матросы 1 дивизии. Ворота были заперты на замок, ключ от которых находился у дежурного офицера.

За ключом впрочем остановки не было. Один из товарищей ломом вырвал скобу и ворота таким образом были открыты.

Прибывшие стали кричать, чтобы мы, немедля, пристраивались к ним. По плану этого не должно было быть. Мы должны были захватить с собой машинистов, отправиться на катерах на форты. Поэтому очень удивились новому распоряжению и решили, что первоначальный план изменен, так как предводитель 1 дивизии настойчиво требовал подчинения. Было неудобно ослушаться еще и потому, что пререкания двух предводителей дурно бы подействовали на дисциплину.

КУКАРЦЕВ,
Алексей Данилович.

КРАШЕНИННИКОВ,
Петр Петрович.

КУЗНЕЦОВ,
Андриан Матвеевич.

КОРОТЧИК,
Родион Петрович,

Казненные в 1906 г., 21 сентября, кронштадтские матросы по делу о восстании 19 июля 1906 г.

Я скомандовал своему отряду строиться, и мы двинулись за первой дивизией на Широкую улицу, где и остановились.

— Что же дальше! Зачем нас привели сюда?,—спрашивали матросы, видя,что на Широкой улице делать нам решительно нечего и что мы стоим без толку. Видно было, что предводитель 1 дивизии растерялся, и сам хорошо не знал, что надо делать. Правда, что растеряться было немудрено: все надежды на получение оружия рухнули, так как предполагалось, что присоединившиеся енисейцы снабдят нас оружием, а они не только не восстали, но стояли в полной боевой готовности для усмирения. Однако, моему отряду надо было выполнить свое дело. Я подошел к предводителю 1 дивизии и решительно потребовал об'яснений относительно действий. Он видимо на что-то решился, так как стал строить свой отряд, а нам приказал итти по своему назначению.

Что мне было делать! Возвращаться назад за машинистами. Это скверно подействовало на людей. Я решил немедленно вести дальше. Но у нас было мало оружия (всего 50 человек вооруженных), так что выполнить свое дело было трудно. Я просил помощи у первой дивизии, но получил отказ, так как и у них самих чувствовался не меньший недостаток оружия.

Мы двинулись к арсеналу, где должны были ожидать рабочие и матросы, но ни тех, ни других мы не нашли. Решено было оставить арсенал и итти к енисейцам, чтобы попытаться поднять их. По пути зашли на электрическую станцию, взяли без сопротивления караул (человек 10 матросов) и оставили свой. В это время все были полны веры в победу и шли вперед бодрые, воодушевленные. Подходим к казармам Енисейского полка, видим — боевой знак (красный фонарь). Приходилось действовать осторожно, и мы двинулись в обход. Выйдя на эту же улицу с противоположной стороны, мы заметили выстроенных енисейцев, которые при нашем приближении отошли в угол. Мы стали кричать им:

— Товарищи! Присоединяйтесь к нам! Будем вместе биться за свободу!

Тотчас же затрещали по нас выстрелы. Было ясно: перед нами, во всяком случае — не союзники. Отстреливаясь, мы стали отходить назад. В то же время и с другой стороны зарокотали пулеметы. Началась беспрерывная трескотня; пули, ударяясь в камни мостовой, с визгом отлетали в сторону. Плохо, видно, целили. Большого вреда эта пальба нам не приносила, но все же приходилось круто. Мы пользовались всяким прикрытием, занимали дворы, стреляли из-за заборов, прятались за углы зданий, в канавки. Положение наше становилось скверным: впереди — енисейцы, с боку — пулеметы, с тылу подходили тоже енисейцы. А нас небольшая кучка, и притом почти без патронов.

Дело прогорало...

— Куда хочешь веди нас. Мы на все готовы, — говорили матросы.

Куда же мог повести я их, как не на верную смерть?

Итти к арсеналу не было смысла, так как, еще подходя к Енисейским казармам, мы узнали от вольных, что арсенал взят отрядом матросов, но что теперь там действуют пулеметы. Пальба оттуда была слышна нам. А кроме того, мы были отрезаны енисейцами от центра города. Оставался один выход — бежать.

— Придется уступить, товарищи, — сказал я, — хотя и досадно, но другого выхода нет.

И мы... бежали.

Было горько и обидно. Отчаяние и неистовая злоба доводила нас до бешенства. Смерть легче перенести, чем такую минуту! Так долго ждали, верили, трудились, всю душу вложили в дело и вдруг... в несколько часов все рухнуло. Мучительно было сознавать свою беспомощность, невозможность чем-нибудь поправить дело...

Несколько часов продолжались поиски бежавших. Тысячи были арестованы, и немногим удалось спастись, выбравшись из этого ада. Но все мы затаили в себе столько злобы, столько гнева, что придет время, хлынет он неудержимой волной и снесет всю накопившуюся за столетия гниль, очистит место для новой, светлой жизни, полной радости и правды!..

Николай Егоров [1].

4. Захват форта.

Ехало всего 143 человека. Ехали с полной уверенностью в победу, хотя дело было рискованное. Приходилось итти на захват первоклассного форта, без пушек, только с патронами и винтовками.

Во мраке поезд подходил все ближе и ближе к неприступной, казалось, твердыне форта. Она молчала, погруженная в сон. Ее гарнизон состоял из двух рот артиллеристов.

Форт соединен с косой длинной дамбой. Выехали на дамбу. Вот и будка с часовым. Повыскакали, опрокинули будку, отобрали патроны у часового.

— Братцы, за что нас губите, помилосердствуйте. Под суд отдадут...

А форт все еще спал, отданный под защиту этого испуганного маленького солдатика. К нему подходили смеясь, успокаивали.

— Не бойся, ничего тебе не будет, — подбадривал его Теканов, — теперь мы сами судьи.

Двинулись дальше. Форт продолжал хранить гробовое молчание. Вошли всей громадой. Кто-то что-то глухо крикнул, раздался револьверный выстрел, и задвигались тени, фигуры. Выбегавших офицеров по одному арестовывали. Один бросился бежать, его

[1] Впоследствии Н. Егоров принял участие в террористической деятельности партии социалистов-революционеров, убил главного военного прокурора Павлова и по приговору военного суда был казнен. *Ив. Егоров.*

догнали и без выстрела арестовали. Двое офицеров успели забежать в телефонную станцию; быстро, быстро, лающими голосами сообщили они в город о захвате форта. Еще минута и их захватили и арестовали. Герасимов рвал провода и, искажая лицо от усилий, обжигался, как молниями, заботой: «А ну, как успели дать знать в город».

— Скорее, скорей! Без промедления, братцы.. Поспешить надо, — крикнул он, устремляясь к пушкам.

(К несчастью, он был прав: перед арестом офицеры успели дать знать в город о восстании). Сияющий Костя совался от группы к группе, все повторяя:

— Что, братцы, ловко. А!

Подошел к арестованным офицерам, захотел их утешить, подобревший от удачи.

— Что, господа офицеры, соскучились? Ничего, ничего... вы нас не бойтесь. Видите, в наших руках победа, а мы ведь вас пальцем не тронули, а ведь вы на нашем месте, что бы вы с нами сделали. Ну-ка?!

— Что уж говорить, благо прошло их времячко, — подтвердили из рядов солдаты, — ну, а повернись счастье на их сторону — уж и натешатся они над нами. Эти уж не помилуют.

Увели офицеров. Герасимов занялся более важным. С артиллеристами много возни не было. Их собрали и раз'яснили смысл событий. Несколько человек копошилось около высокой башни, для сигнализации, и скоро наше большое черное знамя в семь аршин длины и пять аршин ширины, широкой волной повисло над фортом, точно накрыв всех присутствующих громадным черным полотнищем. Все глаза невольно устремились вверх и смотрели, как оно взвивалось, и боялись, что бессильно повиснет от недостаточно сильного ветра, и жаждали, чтобы оно широко и гордо развернулось и полоскало по воздуху, как крыло гигантской птицы, и ликовали, когда оно напружилось и затрепетало широкой черной полосой.

А Герасимов летел уже куда-то дальше, разослал по всему форту известных ему артиллеристов искать заведывающего складом, в котором хранились снаряды.

— А что, пушки не стреляли?, — спросил «Егорка», подходя к знамени.

— Там сейчас Герасимов орудует. Он обмозгует в один миг, как все произойдет... Погоди, сейчас как начнет громыхать.

— Сколько выстрелов? Как по условию, четыре?

— Четыре, четыре самых. Так и со всеми фортами условлено: как, значит четыре дадут, тут уж и без сумления, все наружу выходи. Будет крыться. Все, как один, форты подымутся.

У подножия оружейной башни в сильнейшем, может быть, из всех фортов, которые только существуют в России, уселась вся маленькая кучка. Они были сейчас властителями форта, что-то вроде его Штаба.

Больше всех волновался, кажется, «Егорка». Он впереди других вошел на форт, арестовывая офицеров, тепер убеждал артиллеристов.

— Братцы, вы понимаете, за какое дело встали, понимаете? — слышалась его взволнованная речь.

Теканов ораторствовал на другом конце.

— Братцы, нас много, а как вы еще пристанете, — обращался он к артиллеристам, — какой чорт нам будет тогда страшен. Подумайте, сколько наших отцов тиранили палачи. Всем тепереча им крышка...

Время летело, а заведывающего все не было. Весь успех дела держался на волоске. Всякая минута промедления могла быть гибелью. Наконец, привели и заведывающего. Спокойный, уверенный в успехе, отправил Герасимов несколько человек, чтобы помочь заведывающему принести снаряды, а сам побежал к пушкам предупредить, чтобы все заготовили.

Но что ж так долго не несут снаряды? Почему опять ожидание. В нетерпении Герасимов сам бежит к складу. Растерянные, огорошенные стоят там минеры.

— Где снаряды?—кричит Герасимов.

Они разводят руками и кричат что-то несуразное.

— Что, что вы говорите, что такое?!

Случилось крайне простое, но вместе с тем ужасное.

Заведывающий отпер дверь. «Ну-ка,—говорит,—братцы, подайтесь на минутку». Братцы подались, смотрят, он зачем-то вынимает ключ из дверей, входит во внутрь, только его и видели. Дверь с треском захлопнулась. Средства никакого не было. Кто-то по неопытности предложил взорвать дверь, подложив динамитную шашку. Да другие во время остановили: от детонации взорвется весь склад, не только что от форта, но и от всех нас ничего не останется, и от Кронштадта останется немного, а ломать безнадежно: дверь толщиною в четверть аршина, железная.

Дело с фортом было проиграно. Оставалось одно из двух: либо двинуться к другим фортам — для этого могли служить два стоящих у форта парохода, — либо двинуться на береговые батареи на косе, чтобы овладеть их пушками. Выбрали последнее.

Ю. Зубелевич *(Даша).*

5. Кронштадтское восстание 20 июля 1906 года.

(Воспоминания).

Весна 1906 года не только для нас, заключенных в тюрьме бывших членов Петербургского Совета Рабочих Депутатов, а и для всех рабочих, бойкотировавших выборы в 1-ую Государственную Думу, прошла в ожидании вооруженного восстания. За год борьбы

эта мысль укоренилась настолько, что сторонников «экономической борьбы», одно время популярной среди рабочих, уже совершенно не осталось. Вооруженное восстание считалось единственным языком, на котором можно было разговаривать со лживым и реакционным правительством.

К восстанию готовились с самого Московского восстания. В кружках читались даже лекции о тактике уличного боя и на эту тему была выпущена специальная брошюра. Каждый считал своей революционной обязанностью завести связи с войсками. В пивнушках и кабачках рабочие радовались возможности угостить матроса и разагитировать его.

В июне мы были выпущены из тюрьмы на поруки. Большинство, не ожидая ничего путного от думской работы, отправилось в Кронштадт. Я отправился туда же вместе с рабочей дружиной Московского района, начальником которой я состоял до тюрьмы. Среди революционеров уже существовал план, разделяемый всеми — большевиками, меньшевиками и эс-эрами [1] (такое согласие наблюдалось редко): поднять матросов Свеаборга, Гельсингфорса и Кронштадта с судов, а, главным образом, береговых частей, овладеть фортами и, угрожая с них, пред'явить требование о созыве Учредительного Собрания.

С весны все партии в Кронштадте заготовляли оружие. Но к роспуску 1-й Государственной Думы, т.-е. к моменту нашего прибытия туда, произошли большие аресты и вся подготовка была разрушена. О спрятанном оружии и бомбах знали немногие, да и они оказались арестованными. Организацию приходилось налаживать снова.

В поле, на окраинах Кронштадта и на кладбище, далеко за городом происходили большие массовые собрания. На них выступали и мы, рабочие, а, главным образом, приезжавшие из Петрограда интеллигенты и члены Государственной Думы. Особенной популярностью пользовался член Думы трудовик Онипко, чаще других бывавший в Кронштадте, всегда там выступавший. Бывал там и член Государственной Думы с.-д. Михайличенко.

Все моряки разделяли общее мнение о необходимости выступления их, как передового революционного элемента. На армейские части почти никакой надежды не было: старания завести с ними связи оказались безуспешны. Моряки же были удивительно серьезно настроены: их лица выражали твердую готовность принести себя в жертву.

Среди интеллигентов, даже в момент восстания, я часто видел нескольких курсисток, агитировавших среди матросов. Две из них (Мамаева и Венедиктова) были казнены при подавлении восстания. Матросы относились к ним внимательно, бережно.

Роспуск Государственной Думы ускорил события. Все энергично готовились к восстанию. Было даже приступлено к органи-

[1] Автор воспоминаний тогда был эс-эром.

8*

зации боевого штаба из представителей партий. Конечно, партии не сговорились; никто на уступки не шел, каждый хотел быть главным руководителем и правильного руководства не было. Нас, рабочих и матросов всех партий, эта грызня страшно возмущала. Мы пробовали возражать, но интеллигенты обрушивались на нас с потоком блестящих речей, а мы не могли отвечать с такой же логикой, и наш голос замирал.

Тратились целые часы драгоценного времени на обсуждение вопроса, например, о том, что делать с офицерами: убить или только арестовать. Особенное человеколюбие при этом проявляли меньшевики. Своей энергичной и вдохновенной защитой они даже вызывали недовольство матросов и рабочих. В конце концов, кажется, постановили поступать с офицерами сообразно с обстоятельствами. Никто не озаботился выработать определенный план, а условные сигналы или не были переданы тем, кто их должен был давать, или о них забыли.

Вообще поведение интеллигенции было ниже всякой критики. Будь матросы предоставлены сами себе, они проявили бы больше организованности, а о самодеятельности и говорить нечего; ее и так было хоть отбавляй. Но моряков удалось убедить, что ими действительно руководят. Когда же в сознание проникла мысль, что никакого руководства нет, дело было уже проиграно.

Лучшим доказательством неорганизованности служит восстание на «Памяти Азова», происшедшее в ту же ночь, одновременно с Кронштадтским. Если бы на «Памяти Азова» знали о предполагающемся в Кронштадте выступлении, судну не к чему было бы итти в Ревель. А участие «Памяти Азова» в кронштадтских событиях могло иметь решающее значение, да и настроение команды не было бы таким подавленным.

17 июля произошло восстание в Свеаборге. Известия, приходившие оттуда, говорили, что вместе с фортами восстали корабли. Между тем, потом оказалось, что «Цесаревич» и «Богатырь» участвовали в расстреле фортов и в усмирении восставших. Однако, после свеаборгских событий медлить было нельзя. Переговоры о соглашении партий прервались, выступление стало необходимостью и произошло в ночь с 19 на 20 июля.

Подготовка восстания была так плоха, что даже наша рабочая боевая дружина не знала, что делать и на что употребить имевшиеся у нее бомбы в бумажных оболочках. Бомбы, впрочем, оказались тоже плохи; две из них, брошенные на улицах, не разорвались, детонаторы у пироксилиновых шашек не действовали. Да я сильно сомневаюсь в пригодности их вообще, ибо отверстия для детонаторов явно не соответствовали диаметру стеклянных трубочек. Впоследствии мы с трудом взорвали одну из шашек у Средней Рогатки; зато действие ее было колоссальное!.. Оставшиеся бомбы и шашки впоследствии перевезли и спрятали на заводе Зигеля, а часть зарыли в землю у Средней Рогатки, где бомбы лежат и по сие время.

Было решено, что восстание начнется по сигналу. Но условленных четырех пушечных выстрелов никто не слышал. Между тем в разных местах неожиданно послышалась пальба. На улицах показались растерянные группы матросов с винтовками и безоружные. Мы спрашивали их, а они — нас: куда итти и что делать? Никто ничего определенного не знал и узнать было негде. Циркулировали разнообразные слухи. Сообщали, что форт «Константин» восстал, другие опровергали. А стрельба слышалась всюду.

Мы, новички в Кронштадте, не знали города и были беспомощны. Один сообщал, что навстречу нам идут енисейцы для усмирения, другой передавал, что часть их, отказавшись стрелять, пристрелила офицеров. Неразбериха царила невообразимая. Рабочие и часть матросов бросились строить баррикады. Кажется, это послужило сигналом к погрому. Начали громить лавки, магазины; появилось вино. Винтовки бросали, чтобы принять участие в погроме. Это делалось не из корысти, а просто потому, что убедились в бестолковщине: овладело отчаяние, рассудок помутился, жажда деятельности искала выхода и находила его в разрушении.

Уже задолго до утра стало ясно, что восстание не удалось. Группы солдат, показавшиеся под командой офицеров, укрепляли ужасное сознание разрушенных надежд. Колотила досада, делалось горько и обидно. Приходилось думать о спасении. Арестовывали всюду.

Как выяснилось впоследствии, дело произошло так: матросы 1 дивизии арестовали офицеров и, под предводительством члена Государственной Думы Онипко, пошли к Енисейскому полку. По дороге они встретились с отрядом матросов 2 дивизии, которые при выступлении перебили своих офицеров. Оба отряда соединились под предводительством матроса Егорова. Это было ненужно, ибо задача 2 дивизии заключалась в том, чтобы взять один из фортов. Не взяв его, она, вместе с 1 дивизией, была встречена залпами енисейцев, после чего рассыпалась.

Успех имели только минеры, овладевшие фортом «Константин». Вскоре, однако и они, выбитые артиллерийским и пулеметным огнем, тоже сдались атаковавшему их отряду, не успев или забыв сделать четыре условленных выстрела, так спутавших все планы.

На другой день уже заседал суд. 20 июля многие восставшие матросы были приговорены к смертной казни и расстреляны. Расстреливали их солдаты, сзади которых были поставлены пулеметы, так что сами расстреливающие рисковали жизнью при малейшем колебании.

На одном из фортов был расстрелян Абрам Тер-Мкртчьянц, привлекавшийся по делу Петербургского Совета Рабочих Депутатов, но выпущенный на поруки. Он был не членом Совета, а просто посетителем в момент ареста депутатов. Жандармы, старавшиеся изобразить Совет инородческой организацией, воспользовались его армянским происхождением и включили в список обвиняемых. Смертью своею он доказал, что был достойным представителем

петербургского пролетариата. Предводительствовавший 2 дивизией моряков, матрос Егоров, как и все мы, уцелевшие от арестов, уехал в Петроград и вступил в боевую организацию социал-революционеров. 26 декабря 1906 года он, пробравшись к известному вешателю, военному прокурору Павлову, убил его несколькими выстрелами.

Вечная, славная память вам, боевые товарищи!

А. Пискарев (Васильев).

6. В Кронштадте в ночь на 20 июля 1906 года.

(По архивным данным).

В архиве С.-Петербургского Военно-Окружного Суда, ныне переданном в 1 Отделение II секции Ленинградского Центрального Исторического Архива, хранится многотомное (22 тома) дело о восстании в Кронштадте в ночь с 19 на 20 июля 1906 года.

Мих. Ив. СЕВАСТЬЯНОВ.
3-го Балт. флот. экип., призыва 1902 г.,
расстрелян 21-IX—1906 г.
в Кронштадте на сев. форту № 6.

Мих. Еф. ВОСТРИКОВ.
5-го Балт. флот. экипажа,
призыва 1905 г., расстрелян
в 1906 г. за восстание.

Вот как описывается в нем это восстание.

В мае этого года из Либавы в Кронштадт перевелся машинный квартирмейстер 2 ст. Борис Арнольд. Новый сослуживец по 5-му флотскому экипажу, Иван Никифоров, предложил Арнольду вступить в военную организацию. Арнольд познакомился с некоторыми членами организации: с телефонистом штаба порта Левшиным, кочегарным квартирмейстером 20 экипажа Глебко, коком 11 экипажа Сорокиным и с сухопутным минером Егоровым. Кое-какие

указания на «подстрекательство» команды и на распространение в ее среде запрещенной литературы тем же Никифоровым и писарями 5 экипажа Комарницким и Ковальчуком мы встречаем в показаниях матроса 2 сводной роты 5 экипажа Рудницкого; есть свидетельство, что склад нелегальной литературы находился у Дружинина.

Несомненно, что восстание подготовлялось заранее, было приурочено к определенному сроку, который, повидимому, менялся несколько раз. 19 июля по Кронштадту ходили упорные слухи о предстоящих беспорядках. Подпоручику 1 Кронштадтского крепостного пехотного батальона Говядинову, несшему дежурство в городской команде около 10 часов вечера, пришел делопроизводитель Акимов и по секрету сообщил, что по Северному бульвару собираются кучки матросов. Шедшие перед ним два рабочие говорили: «будем мы властвовать! Сегодня в 12 часов все будет в наших руках!».. Говядинов слышал еше от кого-то, что ночью назначена резня.

К Кронштадтскому полицеймейстеру, ротмистру Садовскому, в 10 часов 19 июля звонила по телефону владелица публичного заведения «Золотой Корабль» (по Нарвской ул., дом № 21): к ней только что забегали два матроса (Иосиф Кучинский и Иван Алексеев 10 экипажа) с сообщением, что в 11 часов—«общий бунт» и разгром ее заведения. О бунте слышал и матрос учебно-артиллерийского отряда Исаченко, в городе днем 19-го от «пьяных посадских, которых он обругал».

Вечером 19-го приехала из Ораниенбаума в Кронштадт крестьянка Волынской губернии Полосикова. Одновременно с ней сошли на берег два военных. Идя сзади них, крестьянка услышала: «Надо оповестить как можно скорее жителей, чтобы в ночь и, самое позднее, утром выезжали бы из Кронштадта, дабы остаться целыми, так как в эту же ночь, с форта «Константин», Кронштадт будет разрушен. На это оповещение я имею манифест». Сказавший эти слова вынул из кармана бумагу «в виде газеты» и дал ее товарищу. По дороге эти «военные» останавливали матросов и спрашивали, как идут их дела. Матросы отвечали: «дела ничего», и тут же снимали чехлы с фуражек и прятали воротники под куртку.

Матрос 11-го флотского экипажа Начовнов был переведен из Баку в Кронштадт; здесь он встретил своего знакомого по прежней службе матроса Егорова, который его предупредил: «смотри, у тебя ничего нет в сундуке? здесь идут обыски и 25-го будет бунт».

Матрос 20-го флотского экипажа Баранов дня за два до восстания услыхал разговор между матросом Свейлом и его товарищами: «Если начнется бунт, я пойду за предводителя: только боюсь, чтобы меня не поймали»,—сказал Свейл по-латышски.

По словам фельдфебеля 1-го флотского экипажа Рака, недели за две до восстания люди экипажа почти ежедневно после справки собирались на дворе группами и о чем-то подолгу беседовали. Рак опасался прислушиваться за всеми: фельдфебелей «гоняли и угро-

жали бить их». На собраниях бывали матросы всех экипажей, переговоры часто велись с соседями через забор. Раз, в присутствии командира 5-го экипажа капитана 2-го ранга Добровольского, были открыты ворота, и люди 1 и 11 дивизии соединились для обсуждения каких-то вопросов, но скоро разошлись, предварительно побив фельдфебеля 3-го экипажа Трофимова.

Подготовка восстания велась непрерывно, матросские команды, а также часть гражданского населения, жили в постоянном ожидании мятежа. События того времени возбуждали в рабоче-крестьянских массах ряд жгучих вопросов: о земле, о роспуске Государственной Думы, о взаимоотношениях сословий. Нередко в ротах вспыхивали споры на все эти животрепещущие темы.

Стало известно о свеаборгском восстании, и у команд не стало другого разговора, как о свеаборгских революционерах. Это подтверждает командир Кронштадтской саперной роты подполковник Григорьев.

Летом 1906 года Кронштадт находился на военном положении. Матросские команды размещались в казармах на Павловской и на Петровской улицах. Шел летний ремонт, приходилось жить скученно. Поэтому в казармах, расположенных вдоль Павловской улицы, 1 флигель был занят учебно-артиллерийским отрядом, 2-й отдан под ремонт; в 3-м помещался учебно-минный отряд. В 4-м флигеле расположились 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 7-й, 8-й и 10-й экипажи. 5-й флигель был отдан 11-му, 16-му и 20-му экипажам, а в 6-м шел ремонт, и стоял караул 3-го экипажа. На Петровской улице в одном из флигелей помещались 12-й и 14-й экипажи; в нижнем этаже—карцер, охранявшийся караулом 19-го экипажа. 19-й экипаж помещался на том же дворе, в отдельном крыле большого флигеля. В личный состав входили береговые команды и матросы, списанные с судов, между прочим, с крейсеров «Россия» и «Громобой».*

День 19-го июля прошел совершенно нормально: вечерняя справка была произведена в обычное время, когда многие из матросов уже улеглись спать. Сигнал к восстанию был дан ровно в 11 часов вечера. Есть показания, что застрельщиком бунта был 5-й экипаж; он первый начал стрельбу и стал выгонять из казарм матросов 20-го экипажа. Весьма возможно, что этот факт, если он только был на самом деле, отражает совершенно случайное обстоятельство. Но обойти его молчанием нельзя: по данным дела ясно, что, действительно, революционное настроение в 5-м экипаже отличалось наибольшей напряженностью, и пропаганду начала команда 5-го экипажа.

Главари восстания входили в казармы, тушили лампы там, где они еще горели, будили спящих и звали на улицу. На любителей «порядка и тишины» действовали угрозами и даже силой. У дверей казармы поставили специальные караулы, дабы не пропускать никого обратно. Восставшие снимали белые чехлы и прятали синие воротники под куртку, затем распределялись по отрядам и шли добывать себе оружие, винтовки из казарм и ломы для арсенала. Командо-

вали ими главари из матросов или же «вольные». У некоторых из предводителей через плечо пламенела алая лента, а в руках революционные флаги.

Первой заботой мятежников был арест офицеров.

Штабс-капитан по адмиралтейству Армфельд, бывший в тот вечер дежурным по городским обходам, около 11 часов вечера у под'езда 3-го и 7-го экипажей увидел кучки матросов: все в черных куртках и без белых летних чехлов на фуражках. Их необычайный вид расстроил штабс-капитана Армфельда, и он спросил матросов: — «кто вы такие и зачем здесь собрались?» — «Мы — запасные»... — был явно ложный ответ. Для проверки штабс-капитан отправился в канцелярию 10-го экипажа к дежурному по сводному экипажу штабс-капитану Ильютовичу. У входа Армфельд был остановлен матросами в черных фуражках. Все они были вооружены — кто ружьями на «руку», кто с револьверами. Один из последних, с надписью «Россия» на ленточке фуражки, приставил дуло револьвера ко лбу шт.-кап. Армфельда и заявил: «Город и крепость в наших руках. Именем закона вы арестованы. Отдайте оружие или будете убиты». В ту же минуту с Армфельда сорвали погоны. — Именем какого закона? Опомнитесь, братцы! — крикнул изумленный шт.-кап. Армфельд, но в ответ услыхал только крик ненависти. Его силой отвели в дежурную комнату, где он увидел ранее его арестованных дежурного по сводному экипажу шт.-кап. Ильютовича и его помощника мичмана Леввиду, также арестованных матросами с «России», в тот момент, когда офицеры, предупрежденные о начинающемся бунте писарем 10-го экипажа, пытались снестись по телефону с ближайшим начальством. С офицеров сняли револьверы, шашки и приставили часового и караул из пяти человек.

Из дежурки, находившейся на экипажном дворе, арестованные видели, как собираются матросы; среди них находилось несколько штатских и женщина. Из толпы слышались одиночные выстрелы. В скором времени отделилась группа вооруженных матросов и под командой одного из своих вышла из ворот на Павловскую улицу. Оставшимися распоряжался какой-то матрос; он пытался навести порядок, призывал приступить к выбору начальников, чтобы затем строем итти в арсенал за ружьями. Толпа шумела, грозила смертью всем, кто не примкнет к восстанию. «Все должны постоять за народ и спасти родину, — вся крепость и город в наших руках!» Наконец построились, выдвинув в передние ряды вооруженных винтовками и вышли было за ворота экипажа. Но почти сейчас же опять вбежали во двор 10-го экипажа с криками: «армейцы, — армейцы!» Трудами предводителя порядок опять водворился в рядах, и вся команда двинулась за ворота 10-го экипажа. На дворе и у ворот оставалось около ста, в большинстве невооруженных матросов. Около $12^1/_2$ ночи к этой толпе подошел командир 5-го экипажа капитан 2-го ранга Добровольский. Он уговаривал «опомниться и вернуться к присяге»: кто-то из толпы сказал: «много вы нашей крови попили, теперь попьем вашей!» Добровольский возвысил

голос, и один из матросов ударил его по лицу; остальные бросились на капитана и начали его бить, некоторые каменьями, некоторые прикладами». Вырвавшись из рук матросов, Добровольский бросился к 5-му экипажу, но упал и сильно застонал. По нем дали несколько выстрелов, и стоны смолкли. Когда рассвело, матросы вынесли тело капитана за ворота на Павловскую улицу, где рано утром 20-го июля оно было доставлено в госпиталь. По заключению врача смерть Добровольского признана от ушибленно-разорванной раны левой половины груди и живота.

Узнав от рассыльного Шаталова о беспорядках, кап. 2-го ранга Шумов немедленно отправился вместе с ним в казармы 7-го экипажа. На Павловской улице они встретили большую толпу матросов; один из них толкнул Шаталова прикладом и упрекнул за белый чехол на фуражке: — значит ты — сыщик!

Шумов возвысил голос: «Не трогать, он — мой рассыльный».

— С сегодняшнего дня нет никаких рассыльных! — посыпались крики. Подхватив Шаталова, толпа потащила его по Павловской улице. Через некоторое время Шаталов вернулся к тому месту, где он оставил своего командира, и нашел его заколотым около панели у черных ворот экипажа. Шумов погиб одновременно с Добровольским.

Около двенадцати ночи восставшим удалось перелезть через забор, в казармы учебно-минного отряда и вызвать на двор матросов, уже расположившихся на ночлег. Затем они открыли ворота в учебно-артиллерийский отряд. По словам подполковника Миклашевского, заведывающего командным отрядом, дежурный кондуктор Ганцев вызвал его по телефону прийти в начале 11-го часа. Миклашевский спешно приехал на извозчике и обошел с Ганцевым все казармы. Вызвать в отряд командира Ганцева побудили «армейские»; проходя по Павловской улице, они, обращаясь к окнам отряда, сказали: «Готовься! Черноморская эскадра идет». Но все было в порядке — и подполковник Миклашевский вернулся домой.

В двенадцатом ночи ему сообщили по телефону, что в отряде «скандал». Миклашевский опять сел на извозчика. У Гостиного двора увидал группы куда-то бегущих матросов без чехлов на фуражках и без синих воротников. Ворота отряда были открыты, а двор полон матросами других экипажей. Миклашевский долго уговаривал очистить двор отряда. Тогда один из неизвестных ему матросов, с нашивками, взял командира за руку, вывел за ворота и силой посадил на извозчика со словами: «Убирайся, ваше благородие, по добру-по здорову домой». — Кое-кто из матросов начал бросать в «начальство» камнями, хлопнули два выстрела. «Неутомимый» Миклашевский отправился к коменданту крепости с просьбой прислать «кавалерию человек в 50» для подавления мятежа. — После того, как сухопутные части были двинуты против восставших матросов, Миклашевский вернулся в отряд во втором часу ночи и нашел полный внешний порядок: во дворе никого из посторонних не было и ворота заперты.

Настроение команд сводной роты 11, 16 и 20 экипажей было повышенное: по свидетельству командира лейтенанта Буша, в роте постоянно вспыхивали беспорядки якобы из-за плохой пищи. Например, команда отказалась итти на панихиду по вице-адмирале Чухнине. Командир 20-го экипажа кап. 1-го ранга Родионов нередко приходил к своей команде в минуты волнения. Он обыкновенно удалял всех офицеров и оставался с матросами с глазу на глаз. «Во время этих разговоров беспорядочной толпы с командиром—заявляет лейт. Буш — некоторые из нижних чинов держали себя в высшей степени развязно и дерзко, переходя всякие границы». Проходя мимо разговаривающих (конечно, наушничая) лейт. Буш неоднократно слышал фразы, «которых нельзя было допустить вообще, а уж военному человеку, разговаривающему со своим командиром, и подавно». Но капитан Родионов разрешил команде говорить все, не боясь его. Таким путем Родионов надеялся повлиять на матросов «раз'яснить им все и тем вылечить зараженных». Наиболее опасно «зараженными» политикой в 20-м экипаже Буш считал кочегарных квартирмейстеров Глебко и Бушуева, матроса 2 ст. Зендрикова и артельщика Герасимова: они позволяли себе особенные вольности в разговоре с Родионовым. На речь командира о присяге Глебко возразил: «подобный взгляд на обязательность присяги может принадлежать командиру, а у команды может быть свой взгляд»... На все советы лейт. Буша избавиться как можно скорее от этих беспокойных людей, капитан Родионов неизменно отвечал отказом, «по доброте своей надеясь на их исправление».

В день перед восстанием, 19-го июля, в сводной роте 11, 16 и 20 экипажей все было спокойно. Рота помещалась в особом флигеле. На каждом экипаже полагался свой командир, но на всю сводную из 3-х экипажей роту был один ротный командир. Экипажные командиры несли суточные дежурства, кроме того, по флигелю считался дежурный офицер.

В ночь восстания дежурными были командир 16-го экипажа кап. 1-го ранга Хомутов и шт.-кап. Стояновский. Около 11-ти вечера Стояновский находился в канцелярии, где стояли денежный сундук и ящик с револьверами и патронами; тут же рядом пирамиды и 30 винтовок. На часах у дежурного ящика стоял матрос 20-го экипажа Ермолов. В начале 12-го часа в канцелярию ворвалась толпа матросов, половина из них вооруженные. Кто-то из них смертельно ранил Стояновского. Восставшие моментально разобрали винтовки и взломали ящик с револьверами и патронами. В числе взломщиков командир 20-го экипажа Ляхнович заметил своих матросов Новожилова и Бушуева, а также матроса 11-го экипажа Сорокина. Тут же заряжали винтовки и после ухода восставших в сундуке остались только два револьвера.

Нашедшие шт.-кап. Стояновского в прихожей дежурный фельдфебель Буряк и комендор Ляхнович перенесли его в канцелярию. Стояновский стонал и просил, чтобы его добили. На вопрос Брякова, кто и чем его ранил, он сказал: «бунт... опять бунт...

прикладами и штыками»... Незадолго до восстания он вернулся из Колпино, где командовал несшей там охрану сборной командой 11 и 20 экипажей. И теперь в бреду он звал «колпинских», прося спасти его. «Человек он был очень хороший; и все к нему хорошо относились», — вспоминает комендор Онуфриев, а другой свидетель матрос 20 экипажа, на вопрос, кто убил шт.-кап. Стояновского, решительно заявил, что убили его «во всяком случае не их роты, так как они все любили его, как отца родного». Действительно ухаживали за раненым и приносили ему воду.

Уложив раненого штабс-капитана в канцелярии, фельдфебель Буряк вышел во двор. Толпа матросов, вооруженных револьверами и винтовками, строилась во фронт. Со стороны ворот по мосткам к толпе подошли к.-адм. Беклемишев и кап. 1-го ранга Родионов. Буряк ясно расслышал голос: «лучше сдайся» и вслед затем последовали выстрелы в адмирала. Откуда и кто стрелял, за темнотою Буряк разглядеть не мог. Матросу 16-го экипажа Круглову пришлось увидеть несколько больше, чем фельдфебелю. Он стоял на дворе в под‘езде, когда матрос 11-го экипажа Сорокин сказал: «подожди, я его обезоружу». Адмирал подошел в это время к команде вместе с кап. 1-го ранга Родионовым и поздоровался с матросами. Ему ответили. Адмирал отдал команде приказ разойтись и пошел дальше; в это время Сорокин выскочил вперед и крикнул: «стрелять!» и первый выстрелил в спину уходящим. За ним начали стрельбу и другие. Среди них находились матросы 16-го экипажа Егоров, Глебко и Лящук. Раненый Беклемишев скрылся в под‘езде 11-го экипажа, а Родионов упал, убитый наповал. Вскоре матросы 11-го экипажа Мякушин и Горшунов подняли лежащего в коридоре Беклемишева и внесли его в помещение канцелярии. Здесь на диване лежал раненый Стояновский. Адмирала поместили сначала в кабинете экипажного командира, а потом спрятали в цейхгауз. Около 3 часов утра Буряк привел из лазарета 16-го экипажа лекарского помощника. Адмиралу сделали перевязку, на теле у него оказались две раны — одна сквозная огнестрельная и другая штыковая. Затем в 5 часу утра, под охраной пехотных патрулей, обоих раненых перенесли в лазарет, где уже лежало тело кап. 1-го ранга Родионова, подобранное около 4 часов утра на дворе 11 экипажа. Через полчаса штабс-капитан Стояновский умер.

В экипажный лазарет набралось много раненых матросов. Большинство из них молчало, некоторые же заявили, что ранены большими ножами, которые якобы раздавались вольными. В разговоре с матросами командир 16-го экипажа Хомутов высказал предположение, что в офицеров стреляли вольные. Но раненые единогласно утверждали, что офицеров арестовывали и убивали сами команды.

С Павловской улицы толпа двинулась к стрельбищу, а оттуда часть пошла на Якорную площадь, другая по Северному бульвару, а третья по Широкой улице, к старому театру. Городовые Гуркин, Трофимов и Кухаренко показывали на суде, что матросами командовал какой-то «вольный», уговаривавший не грабить лавок. Оста-

новившись около электрической станции, толпа потребовала выхода караула, грозя разгромом станции. Забрав с собою караул, за исключением караульного начальника Махно и двух часовых, толпа в двести человек (из них пятьдесят вооруженных) двинулась к Морскому арсеналу. Напором на арсенальные ворота разорвали цепь, их запиравшую. У дежурного надзирателя Никольского потребовали ключи. Услыхав, что ключи у главного смотрителя, один из матросов замахнулся штыком на Никольского, а затем ударом приклада по телефонному аппарату порвал провода. Другая часть пришедших отыскала ключи и ворвалась в арсенал. Сторожа были арестованы, обезоружены. Но вполне завладеть арсеналом не удалось, так как подходили части, специально вызванные для усмирения восстания. Успели захватить не больше ста винтовок.

В казармах 12, 14 и 19 экипажей все было спокойно до выстрелов на Павловской улице. Ключ от ворот с 9-ти вечера находился у дежурного офицера по группе 12, 14 и 19 экипажей поручика корпуса инженер-механиков флота Брилевского. В начале 12-го часа в экипаж приходил командир 12 и 14 экипажей кап. 2-го ранга Паттон-Фантон де-Верайон и отдал распоряжение никого из матросов не пропускать к телефону и на улицу. Около 12, мимо по Петровской улице, прошла по тротуару толпа матросов. Кто-то из них спросил: «Где находится караул 19 экипажа?». Затем все стихло. В течение вечера поручик Брилевский несколько раз говорил по телефону и заметил две—три попытки неизвестных соединиться с помещением 12, 14 и 19 экипажей. Разговоры носили очень тревожный характер. Таким путем Брилевский услыхал, что командир 19-го экипажа Соловцов убит. Это известие оказалось ложным. Капитан 1-го ранга Соловцов остался невредим и наблюдал, как развертывается восстание в 12, 14 и 19 экипажах. Толпа шумела около арсенала. Скрытые темнотой, к восставшим приблизились сухопутные части и дали ряд залпов. Услыхав эти предательские залпы, команда в казармах стала кричать «ура» и свистать, многие бросились на двор. Ломом от пожарного инструмента открыли ворота, но на улицу команда в целом все-таки не выходила: на улице шла оживленная перестрелка между восставшими и усмирителями. Увидев матросов 12 и 14 экипажей на дворе, часть команды 19-го экипажа тоже выскочила туда через черный ход. Все матросы предварительно снимали чехлы с фуражек и прятали воротники под куртку, «что доказывает, что они знали, в какой форме надо быть бунтовщикам». Этими словами Соловцов подчеркнул, что матросы этих 3-х экипажей были готовы по первому знаку примкнуть к восставшим. К шумевшим матросам 12-го экипажа подошел их командир, кап. 2-го ранга Паттон-Фантон де-Верайон. Поговорив с командой, он повернулся к 19-му экипажу. В это время из толпы хлопнул выстрел, судя по звуку, револьверный. Кап. 2-го ранга Паттон упал, раненый в плечо. Его подняли и отнесли в карцер, а потом, под охраной караула — в госпиталь. По приказанию командира 19-го экипажа, сейчас же после ранения Паттона, поручик Брилевский осмотрел дула винтовок

караула на свет, но не заметил ни в одной из них следов выстрела, патроны караульных тоже оказались на-лицо.

По дороге между западной и восточной частями Екатерининского парка толпа восставших матросов, среди которых было несколько штатских, остановила капитана 2-го ранга Криницкого, ехавшего на извозчике. Увидев, что передние ряды прицелились в него из винтовки, Криницкий сошел с извозчика и сейчас же был окружен штыками, от которых попробовал отбиваться руками. Но Криницкий был одним из защитников Порт-Артура и имел георгиевский крест. Матросы опустили штыки, и из толпы последовало распоряжение «оставить его в живых и взять под конвой!» При повороте на Княжескую улицу Криницкий заметил в толпе еще одного арестованного офицера: это был капитан корпуса штурманов Полетаев. Многие из матросов, не имевших при себе оружия, перелезли через забор во двор арсенала, а вооруженные винтовками, числом около 80, остались на улице. Столпившись вокруг группы штатских, они стали о чем-то совещаться, предварительно выслав за угол дозорного — высокую женщину с непокрытой головой. Время от времени к Криницкому подходили матросы, они упрекали Криницкого за строгость налагавшихся им взысканий, при чем один из матросов сорвал с капитана погоны. Совещание матросов перед воротами арсенала было прервано появлением из-за угла дозорного, а вслед затем показались армейские части. Их залпом был сшиблен и часовой, приставленный к Криницкому. Упал и капитан Полетаев, но не от раны, как оказалось впоследствии, а из предосторожности.

В показаниях нескольких свидетелей из офицеров встречается рассказ о самосуде толпы над Криницким и Полетаевым, смертный приговор де не был приведен в исполнение только благодаря своевременному появлению роты Енисейского полка. Но ни в кратких показаниях Полетаева, ни в пространных повествованиях Криницкого нет ни слова ни о самосуде ни о грозившей им будто бы смертной казни.

В дополнение перечня убитых и раненых офицеров, доставленных в Морской Николаевский госпиталь, упомянем мичмана Мальцова; он был остановлен матросами в то время, когда ехал на извозчике, и ранен в живот. До 8 вечера 20-го июля в Николаевский госпиталь были доставлены тела убитых четырех неизвестных чинов флота и крестьянка Долголотова, ранеными — 14 человек матросов разных экипажей и три пехотинца.

Около пяти утра силами Кронштадтского гарнизона восстание было окончательно подавлено, среди матросов произведены массовые аресты.

В усмирении восстания главным образом принимали участие Кронштадтские пехотные батальоны, 94-й пехотный Енисейский полк и 2-й батальон лейб-гвардии Финляндского полка. А к утру 20 июля в Кронштадт из Петергофа прибыли: лейб-гвардии Финляндский полк и батарея лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады.

О предстоящем восстании командный состав местных пехотных батальонов знал за несколько часов до начала беспорядков.

Уже около половины первого ночи командир 1 Кронштадтского пехотного батальона полковник Гулин получил приказание очистить Большую Екатерининскую улицу от восставших и арестовывать по пути мятежников. За ночь было арестовано около сорока «подозрительных статских лиц»; немедленно после ареста под конвоем их отправили к дому коменданта. Здесь арестованные допрашивались начальником Кронштадтской крепостной команды и «сдавались под охрану» — на черный двор комендантского дома.

Пулеметная команда сначала стояла в резерве, а в половине ночи получила приказание итти к морскому стрельбищу и там поступила в распоряжение л. гв. Финляндского полка, производившего обыск в казармах и арестовывавшего матросов 11 и 16 флотских экипажей. Помимо этого из 3-й роты и пулеметной команды была сорганизована охрана комендантского квартала и дозорная служба всего морского берега к северу от Северного бульвара.

В то время, как капитан Герасимов, командир 3 роты пехотного батальона, занимал Б. Екатерининскую улицу, роты 2-го Кронштадтского крепостного пехотного батальона, по приказанию коменданта крепости, отправились на Александровский бульвар для охраны пушечного двора и осмотра соседних с бульваром улиц.

В показаниях командовавшего 3-й ротой 2-го батальона шт.-кап. Галина мы находим чрезвычайно яркую картину ареста восставших на Павловской улице. Цепи солдат, во всю длину улицы, приостановив всякое уличное движение, вылавливали матросов, прятавшихся по домам. Их хватали и под конвоем отправляли к командиру л. гв. Финляндского полка, а от него в здания флотских экипажей. Эта «чистка» Павловской улицы продолжалась весь день до 5 час. 45 мин. вечера 20-го июля, когда командир л.-гв. Финляндского полка счел своевременным прекратить уличные аресты.

Большую усмирительную роль сыграл 94 пехотный Енисейский полк. По словам полкового ад'ютанта шт.-кап. Попова, первые столкновения между сухопутными войсками и отрядами восставших произошли в начале 1 часа: толпа вооруженных матросов и рабочих, в количестве около 200 человек, двигалась на одну из застав, обращаясь к солдатам: „товарищи! присоединитесь к нам. Не стреляйте!“ Несмотря на залп (Попов, конечно, показывает, что стрелять, де, начали «мятежники»), часть толпы из одних матросов продолжала двигаться навстречу 11 и 12 роты Енисейского полка. „Товарищи! присоединяйтесь к нам и не стреляйте. Завтра уйдете в запас и будете такими же мужиками, как мы!“ Сбитые с толку начальством енисейцы открыли огонь. Толпа с криком разбежалась, унося раненых. Тогда же дозором 12 роты Енисейского полка был арестован член Государственной Думы Онипко.

Из отдельных рот полка «доблестно» себя вели 11, 9 и 8 рота. Они тоже расстреливали своих братьев-моряков, несли дозоры, арестовывали, озаботились отправкой раненого капитана Криницкого

в госпиталь. На рассвете 8 рота обыскивала суда и баржи, стоявшие в гавани, и двор арсенала; было арестовано 38 человек: штатских, матросов и солдат крепостной артиллерии.

Хорошо «послужили» царю-батюшке и заставы и дозоры на углу Бочарной и Наличной улиц.

2 рота енисейцев «доблестно» охраняла всю ночь морское арестное помещение. Командир выставил на крыше посты для наблюдения за окружающей местностью, заставу к входным воротам, дозоры во дворе для предупреждения возможных попыток бегства арестованных и учредил особое наблюдение за забором, выходящим к летнему саду.

Одинаково рьяно действовали и другие части енисейцев.

В то время, как 94 Енисейский пехотный полк подавлял восстание в Кронштадте, лагерный район охранялся командой Серпуховского полка и нижними чинами нестроевой роты. Связь между отдельными частями полка в районе города и развозка производилась конно-ординарцами.

Помимо 94 пехотного Енисейского полка в усмирении восстания принимал участие 2 батальон л. гв. Финляндского полка. Подробный отчет об его действиях против мятежников дан в рапорте командира батальона генерального штаба полковника Данилова.

В нашу задачу не входит пересказ всех рапортов о действиях усмирителей. Из примера енисейцев уже ясно, почему начальство всеми способами культивировало политическую темноту среди солдат. И пятно усмирения ни в коем случае не ложится на замуштрованных, забитых «нижних чинов». В преступном столкновении матросов с одурманенными солдатами сухопутных частей повинен исключительно организатор и вдохновитель усмирения — начальство всех степеней.

Сами того не подозревая, сухопутные части расстреливали свободу из собственных винтовок. Когда у третьей северной казармы у тира, собрались значительные силы мятежников, послышались одиночные выстрелы по окнам казармы и крики: „товарищи, вперед!" Со стороны же моря виднелись лодки с людьми. Предполагалась высадка у казармы и штурм ее с двух сторон. Но подошли енисейцы с финляндцами и одна из последних героических попыток взять город была сорвана своим же братом-крестьянином в серой шинели. Утром 20 июля прибыл л. гв. Финляндский полк и принял на себя роль главного распорядителя: он занял казармы флотских экипажей и производил там обыски, массовые аресты и подсчет оружия, взятого восставшими из арсенала и казарм.

Неудивительно, что между матросами и солдатами рос антагонизм, предупредительно поддерживаемый начальством. Почти во всех офицерских рапортах имеются указания на стойкую верность служить присяге и долгу, но армейцам пришлось выслушать от матросов не мало горьких слов истины. Рядовые 94 пехотного Енисейского полка Батырев и Кукушкин доложили по начальству, что их „корят" матросы: „Покуда вас, дряни, в Кронштадте в октябре месяце

не было, нам удалось добиться прибавки жалованья, сбавки срока службы и других улучшений в войсках. Теперь же мы желали добиться надела земли, а вы нам помешали!“ Действительно, вспыхнув в центральной части Кронштадта, восстание немедленно же было стеснено и изолировано от многих частей города. Окруженные армейцами восставшие принуждены были сдаваться по частям, а отряды сжимали их кольцом и мешали пробиться к окраинам города. До нас не дошел точный план восстания, но одно ясно, что все революционные попытки были задушены вначале.

20 июля началось следствие по делу восстания. И. д. военно-морского следователя шт.-кап. Дандра, поручик Рыжков и тит. советник Синельников, при секретаре Казакове, опросили ряд свидетелей из матросов и офицеров. От медицинского инспектора Кронштадтского порта и главного доктора Николаевского морского госпиталя были затребованы сведения о раненых и убитых в ночь с 19 на 20 июля. Таким порядком следствие шло до 25 июля, когда военно-морской следователь поручик Рыжков и его товарищи получили от коменданта Кронштадтской крепости письменное предписание о прекращении следствия и передаче всех по нему документов исправляющему прокурорские обязанности при Временном Военном суде в Кронштадте полковнику Чуксанову. Таким образом, почти все, дошедшие до нас данные о Кронштадтском восстании, заключаются в документах дознания, произведенного офицерами л. гв. Финляндского полка в силу распоряжения коменданта Кронштадтской крепости. Об этом говорит отношение на имя одного из офицеров полка, подписанное его командиром ген.-м. Самчиным. По окончании этого дознания, последовал ряд заседаний временного военного суда в Кронштадте. Дело большей части привлеченных к суду разбиралось 17 сентября 1906 г. под председательством ген.-м. Томашевича, в присутствии временных чинов: полковника л. гв. 1 артиллерийской бригады Головачева, л. гв. Московского полка подполковника Мальма, командира лодки «Терек» капитана 2-го ранга Панферова, командира крейсера «Адмирал Корнилов» капитана 1 ранга Студницкого, при помощнике военного прокурора подполковника Ильина и при исп. об. секретаря кол. асс. Раевском. В тот день перед судом предстало около 700 матросов; из них 19 человек приговорены к расстрелу, 12 к бессрочным каторжным работам, 23 чел. — к 20 годам, 7 чел. — к 15 годам, 8 чел. — к 10 годам, 60 чел. — к 6 годам, 22 чел. — на 4 года каторги с лишением всех прав состояния и военного звания. Остальные же, за исключением 129 оправданных, были отданы в исправительные арестантские отделения на 2 или на 3 года или же подвергнуты заключению в тюрьме гражданского ведомства. Вот имена расстрелянных революционеров: 2-го экипажа—строевой квартирмейстер Карогодов и матрос 2 ст. Красненков, 3-го экипажа — фельдфебель Севастьянов и матрос 1 ст. Маскаев, 4-го экипажа—строевой квартирмейстер Коротчин, 5-го экипажа—арт. квартирм. Кукарцев, писарь 3 ст. Ковальчук, матрос 1 ст. Комарницкий и матрос 2 ст. Востриков, 10-го экипажа — машинист 1 ст.

Голованов, кочегары: 1 ст. Кузнецов и Лисицкин, 11-го экипажа — матрос 1 ст. Юров, 16-го экипажа—матрос 2 ст. Лещук, 20-го экипажа — кочегарный квартирмейстер Глебко, машинный содержатель Новожилов, матросы 2 ст. Зендриков и Крашенников, и учебно-артиллерийского отряда — фельдшер Никитин. Вместе с матросами судилось и несколько штатских; среди них член Государственной Думы, крестьянин Ставропольской губ. Федот Михайлович Онипко. Участие этого депутата в восстании осталось недоказанным, но за принадлежность к сообществу, заведомо поставившему себе целью ниспровержение существующего строя, он был присужден к ссылке на поселение с лишением прав состояния и другими праволишениями.

Разбирательство дела следующей группы матросов происходило в ноябре 1906 года. Перед судом в прежнем его составе предстали новые 711 человек матросов, из которых 26 чел. были осуждены на 6 лет, 1 чел. — на 4 года и 3 мес., 8 чел. — на 4 года каторжных работ. Остальные же, за исключением 117 оправданных, были отданы в исправительные арестантские отделения или подвергнуты заключению в тюрьму на несколько лет.

Вообще в течение всего 1906 г. происходили заседания суда по делу о восстании.

Многие моменты исторической ночи с 19 на 20 июля 1906 г. остаются для нас неясными, равно как и дальнейшая судьба тех, чьими руками была подготовлена революционная вспышка 1906 года.

7. Казнь 19 кронштадтских матросов в 1906 году [1].

Было еще темно. Форт, погруженный в предрассветный сумрак, казался издали спящей горной громадой; кое-где только виднелись редкие огоньки. Здания крепости — немые свидетели того, что должно было здесь совершиться, зловеще поднимались в высь, — холодные, угрюмо-тоскливые... Из амбразур казематов сурово выглядывали пушки, зияя своими черными, как сатанинский взгляд, жерлами. Дул резкий, порывистый ветер. По небу ползли тяжелые свинцовые тучи, скрывая собой уже начавшие меркнуть редкие звезды. Море глухо шумело. По временам большие волны со страшной силой набегали на каменные глыбы крепости и, разбившись в мелкие брызги, с жалобным стоном убегали обратно слабыми струйками. Безнадежностью и унынием веяло от всей этой картины.

На месте, предназначенном для исполнения приговора «суда скорого, правого и милостивого» были уже вкопаны два столба в двадцати саженях друг от друга, а между ними протянута веревка на высоте половины человеческого роста от земли. Сюда, еще

---

[1] Из брошюры «Казнь кронштадтских моряков». Рассказ матроса А. Затертого-Новикова.

Под кличкой «Алексис» А. Новиков участвовал в нелегальном эс-эровском издании (в Гельсингфорсе в 1907 г.) — «Чтение для солдат».

за полтора часа до казни, привели 19 приговоренных к смерти матросов.

С гордо поднятыми головами и смелой уверенной поступью подошли они к роковому месту. Лишь редкие из них тревожно озирались вокруг, ища, вероятно, близких к сердцу людей. Но напрасны были их поиски. Здесь стояли лишь чужие вооруженные винтовками люди, которые, вытянувшись в струнку и застыв неподвижно, были похожи на бездушные изваяния. И все кругом—мутное небо, море, подавленное густой серой мглой, угрюмые силуэты крепостных твердынь, черневшие во мраке; темная, неподвижная громада людей, замершая в зловещем ожидании; слабое мерцание фонарей, дрожавшее на стали ружей, — все было так согласно, все сливалось в одно ощущение ужаса и смертельной тоски. Но осужденные были спокойны. На их лицах, едва озаряемых светом огня, не замечалось ни тени трусости, колебания и сомнения в правоте своего дела. Они мужественно и твердо ждали того, что было неотвратимо.

Их подвели к канату и поставили в один ряд. Перед ними выстроилась рота матросов — стрелковой команды. Состоя из самых отсталых и забитых, благодаря «особому обучению» людей, она, несомненно, могла лучше других выполнить предназначенную ей роль убийц. Но на всякий случай, за стрелками-матросами, чтобы они не отказались расстреливать своих товарищей, были поставлены несколько пехотных взводов, а позади всех пулеметы, у которых вместо прислуги — солдат встали сами офицеры.

Долго, мучительно долго тянулось время, пока приготовлялись к кровавой расправе. Те, от кого зависела развязка, казалось, наслаждались медленной мукой приговоренных к смерти людей.

Осужденные были одеты по летнему и холодный осенний ветер пронизывал их до костей. Между ними поднялся ропот.

— Долго ли вы будете нас мучить? — слышались голоса, дрожавшие злобой и негодованием.

— Прикончите нас скорее!..

А между тем на дворе забрезжил утренний рассвет, разгоняя сумрак ночи.

Наконец, приступили к чтению смертного приговора. Но едва раздались первые слова, как, заглушая их, вдруг поднялся и задрожал густыми стройными звуками печальный, величественный мотив. Это пели осужденные:

Мы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу...

Стрелки, услышав это и выйдя из оцепенения, внезапно всколыхнулись, точно по сердцу каждого из них чем то больно резнули. Мрачные лица их судорожно передернулись. Некоторые из них уныло смотрели на тех, кого они через некоторое время, исполняя волю всевластных душителей свободы, должны будут уничтожить.

9*

А обреченные, изливая в этой песне всю свою скорбь и муку, продолжали петь:

Мы отдали все, что могли, за него, —
И жизнь свою, честь и свободу...

Скорбные звуки лились плавно и печально. Но по временам голоса поющих сливались в один грозно-рыдающий напев, который несся над необ'ятной морской ширью куда-то вдаль, точно его подхватывал ветер. Казалось, что это вырвалась из тяжелых оков мятущаяся человеческая душа и, горестно рыдая, возносилась к солнцу.

Приговор так и не был прочтен: начальство заметило, что настроение стрелков-матросов и остальных солдат становилось все тревожнее. Поэтому поторопились покончить с обреченными.

К ним подошел поп. За исключением двух человек, все решительно отказались от его услуг.

— Лучше, батя, обратитесь с наставлением к тем, кто залили кровью всю нашу страну, — посоветовал ему один из осужденных.

Тогда их начали привязывать к канату и надевать на головы небольшие мешки. Это дело приказали выполнить десяти кочегарам, присланным сюда из 19-го флотского экипажа специально для погребения казненных. В просьбе осужденных оставить глаза отрытыми было отказано.

— Не могу-с. Это было бы против закона, — был ответ.

— Да разве этих скорпионов можно о чем-нибудь просить! — произнес кто-то из осужденных.

— Молчать, подлец!

— Чего молчать? — продолжал тот же голос. — Ведь все равно две жизни не отнимешь.

— Долго ли вы будете с этими негодяями возиться? Хотите, чтобы и вас я поставил рядом с ними?

Кочегары заторопились. На их лицах замечалась растерянность, руки дрожали.

— Боритесь, товарищи, до конца, пока не уничтожите всех народных злодеев — говорили одни из осужденных.

— Выручайте наш бедный замученный народ — прибавляли другие.

А на крайнем левом фланге под крики офицера разыгралась потрясающая сцена: кочегарный унтер-офицер узнал в осужденном, которого он собирался привязать к канату, своего земляка-односельчанина.

— О, господи! Да что же это такое?!. Свиделись-то где... Да как же это?.. — бормотал унтер, взволновавшись.

— Воронов! Дорогой мой! — тихо произнес тот, обращаясь к кочегару. — Передай обо мне всем моим родным. Скажи им, что я умер за правду, за справедливость. Поцелуй за меня моего сынишку. Мой завет ему такой: пусть он будет таким же, каким был его отец...

— Все, брат, передам — захлебываясь слезами, успел ответить Воронов, и, едва держась на ногах, отошел в сторону, не будучи в состоянии ничего больше делать.

Привязывание было закончено.

— П-а-а-альба ротой!

Стрелки, колебля фронт, засуетились. Послышался отвратительный лязг железа. Казалось, перед осужденными предстала сама смерть — страшная и беспощадная, ожидая своей добычи с жадностью, защелкала всепожирающими челюстями. Конец приближался...

Осужденные, почувствовав, вероятно, весь ужас загробной тьмы, невольно содрогнулись.

— Долой тиранов! Да здравствует свобода! — вдруг громко и отчетливо произнес один из них.

Этот дерзновенный крик, вырвавшийся из груди несчастного, воодушевил остальных.

— Ура, ура!, — дружно подхватили другие, внезапно охваченные чувством предсмертного воодушевления, и в их голосах слышалось что-то мощное и грозное, чувствовалась несокрушимая пламенная вера в то, что начатое ими дело не погибнет, что их смерть найдет отклик в сердцах многомиллионного народа, и он в гневе своем, как ураган, низвергнет в прах все прошлое, грязное, низкое, злое.

— Рр-о-ота!

Приподнялась, но сейчас же заколебалась неровная линия штыков. Волнение стрелков, дошедшее до высшего напряжения, мешало им целиться. Многие из них дрожали. Другие зажмурились, чтобы не видеть, как их жертвы, пронзенные пулями, рухнули на землю.

— Ну, стрелки, если вы не сумели быть бойцами за правду, то будьте хоть хорошими палачами! — крикнул один из тех, на которых были уже направлены дула винтовок. — Цельтесь вернее. Стреляйте прямо в грудь!

— Пли!..

Раздались неровные, беспорядочные выстрелы. Залп оказался недружным, «сорванным».

Произошло нечто невообразимое. Два или три человека были убиты наповал, некоторые только ранены в живот, грудь, ноги; другие же остались невредимыми. Но, первые, падая и натягивая к низу канат, увлекали за собою остальных. На земле образовалась барахтающаяся и извивающаяся куча человеческих тел. Легко раненые, обливаясь кровью, подпрыгивали, вертелись вокруг каната, делали конвульсивные движения. Те, которых не коснулись пули, в ужасе рвались в стороны, но тщетно, так как были крепко привязаны. Они вскакивали на ноги, спотыкались на убитых и раненых товарещей и падали снова. Слышались стоны, проклятия, дикие вопли.

Стрелкам было выдано только по два патрона. Офицер, командовавший ротой, приказал выпустить по второй и последней пуле. Но стрелки, растерявшись, целились плохо, стреляли наугад. Да и трудно было попасть в эти корчившиеся и бьющиеся тела. Душу

раздирающие крики оставшихся в живых, стоны и ругательства смешались в какой-то страшный хор нечеловеческих звуков, словно воплощая в себе весь ужас совершаемого злодеяния.

— Изверги! Живодеры! Будьте прокляты! — выделился чей то хриплый голос.

Снова выдали стрелкам патроны и снова они зарядили винтовки. Начался треск ружейных выстрелов, длившийся несколько минут. Теперь уже палили без всякой команды и с близкого расстояния.

Но те, над которыми производилась эта зверская расправа, не умирали, точно они были неуязвимы. Они не переставали метаться, опрокидываться и корчиться в судорогах. Многие из них принимали мучительно-неестественные позы. Живые, дергая канат, подбрасывали мертвых, производя на окружающих такое впечатление, что из расстреливаемых будто бы еще никто не был убит до смерти.

Тогда было приказано докончить в «рукопашную».

Ужас увеличился. Офицеры стояли бледные, один не выдержал, ушел за вал. Солдаты, застывшие, смотрели на страшное зрелище, оставаясь безмолвными.

Никто из них не кинулся на защиту своих товарищей; ни у кого не хватило даже смелости крикнуть громкое обличительное слово этой шайке «законных» разбойников, хотя большинство солдат смотрело на все это с глубоким омерзением. Жалким трусам, забитым существам свойственны лишь вздохи, но не смелые поступки.

Наконец, тела казненных перестали корчиться. Замерли крики, смолкли и стоны. Приступили быстро к погребению, как вдруг из неподвижных трупов, застывших в вечном и таинственном сне, привстает одна окровавленная фигура и слабым дрожащим голосом произносит:

— Братцы, да как же я-то... Я ведь жив...

Подошел «шкура» и выстрелил в упор...

Казненных начали складывать в большие мешки, которые должны были заменить собою гробы. Но их оказалось только девять штук. Лишь с трудом удалось втиснуть в них девятнадцать изувеченных трупов.

Когда все было готово, мешки, наполненные человеческим мясом, погрузили на пароход и отвезли на Толбухин маяк. Там, привязав к ним предварительно грузы, выбросили их за борт.

Волны расступились и скрыли в своих холодных глубинах жертвы необузданного произвола. Но, словно стыдясь, что его делают участником непрощаемого злодеяния, море через несколько дней прибило часть мешков с трупами к берегу, как раз против царской дачи — Александрии.

А. Затертый-Новиков.

---

8. Прощальные письма матросов перед казнью [1].

а.

Письмо дорогим родителям — батюшке моему Ивану Федоровичу и также равно маменьке моей Марии Кириловне от Ивана Ивановича Москаева.

Г. Кронштадт 17 сентября 1906 г.

В первых строках моего письма, дорогие родители, уведомляю Вас о том, что я пишу последнее письмо. Тятя и мама, кланяюсь я вам по низкому поклону и желаю вам быть здоровыми. Кланяюсь дорогому брату Тимофею Ивановичу, сестрице и супругу вашему Антону Андреевичу и сестре Дарье. «Группой» — всем кланяюсь по низкому поклону и желаю быть здоровыми.

Дорогой тятя и мама. Дорогие брат и сестра. Последнее письмо пишу вам — больше не дождетесь от меня — прощайте .. сейчас расстреляют нас, 20 матросов... прощайте все родные, товарищи. Больше не могу, рука не владеет. Прощайте... прощайте... прощайте...

Иван Москаев.

б.

1906 г. сентября 17-го дня.

Здравствуйте! Последнее мое прощальное письмо, а я иду на смертную казнь через расстрел. Я пошел не один — нас пошло 19 человек. Я погибаю за народное дело, мы добивались свободы своего народа, который страдает всю жизнь, как и вы. Вы тоже страдаете, но страданья должны скоро кончиться, должна скоро быть свобода, за которую я погибаю. Но если будет свобода, тогда узнаете, какая нам будет честь.

Нас сейчас провожают с честью. Нас губят палачи - офицеры, которые стояли за правительство.

5-го экипажа артилл. квартирмейстер.

Алексей Данилович Кукарцев.

в.

Товарищи!

Остается только несколько часов до расстрела. Все спокойны, мысль о скором переходе в вечность нас не пугает. У окна стоит часовой и плачет. Служащие со слезами на глазах приходят про-

---

[1] Из «Известий Кронштадтского Совета» за 1917 год и из журнала «Красный флот» за 1923 год.

щаться и просят на память ленточки и кокарды. Все понимают, что это не погром кронштадтских лавок, все понимают прекрасно, что мы восстали за счастье народа, желая ему лучшей доли. Поняло и правительство, и задумалось.

Да, сколько ни думайте, а землю и волю дадите. Офицеры—и те сочувствуют нам и говорят о нас с уважением. Мы мало сделали, но сделали все, что могли, и пусть правительство знает, что скоро расчет... Убивая и расстреливая нас, оно наживает сотни мстителей за каждую погибшую жизнь.

Стонет Россия, стонет народ, но сильнее стона раздается крик мести народной. Преступное правительство смело вешает, режет и расстреливает, думая этими мерами уничтожить ненавистную ему

Место расстрела моряков-кронштадцев в 1906 году в Кронштадте.

крамолу. Нет. Мы не боимся, мы шли за правое дело,—с улыбкой пойдем на казнь. Мы смеемся над бессилием наших палачей. Из 2.236 человек едва-едва набрали виновных к смерти 19 человек. Допрос пришлось вести с револьверами в руках: 2.000 свидетелей было со стороны защиты, и только 198 со стороны прокурора, из которых многие говорили суть дела, не называя фамилии. Судьи терялись, не находя концов, и кончили тем, что набрали число, но не нашли нужных виновных. Вся Россия виновата. Вот где виновные. Не виноваты только богачи и министры.

Отец делит голодный крик вместе с последним куском хлеба между детьми. Кто может не болеть душой, когда голодная мать полуиссохшей грудью кормит сына.

Корми, корми, болезная. Готовь сына на службу вампиру-царю. Корми на борьбу с вампирами, сосущими кровь народную. Скоро, скоро поведут нас на казнь. Последние часы доживаем. Но много еще в экипажах оставили мы крамолы, не вернуть убийце утерянной власти. Казнями не успокоишь народ. Мстите за нас, борцы. Бейтесь на смерть. Скоро настанет радостный день.

Убийцы ночью расстреливают нас. Бьют барабаны, трубят горнисты, чтобы не слышны были стоны. Мешками головы покрывают, чтобы не видно было мук наших. Жирные попы с крестами приходят благословлять нас... Прочь, подлые соучастники убийства. Ваши руки в крови. Христос не велел убивать.

Прощайте! Прощайте! Отомстите за нас. Матери, благословляйте детей на борьбу с царем. Братья, мстите за нас. Соединяйтесь дружнее за великое дело. Сбросьте оковы правительства. Довольно рабских цепей. Долой самодержавие. Долой царя. Да здравствует свобода всему русскому народу.

1906 г., 18 сентября в 9 часов вечера, на другой день после об'явления смертного приговора.

Матрос *Николай Комарницкий.*

г.

Дорогие родители, отец, мать, братья...

Простите меня за мой поступок, если вы его сочтете преступным, но я его не считаю преступным. Вам известно, каким я был до поступления на службу. Как вам известно, опровергал строй существующего порядка России. Поступив на службу, я вскоре был присоединен к людям, борющимся за свободу. Служил я вам неизвестно как, но вы не думайте, что я был какой-нибудь потерянный человек. Нет, я назову себя, и даже знающие меня дадут вам хороший отзыв обо мне. Как вам известно, люди-борцы, борющиеся за свободу и жизнь народа, — передовые борцы: они гибли по тюрьмам и каторгам, их вешали и расстреливали. Но все это производили темные народные массы. Но когда эти темные военные массы начали прислушиваться к передовым борцам за свободу и стали присоединяться и оказывать помощь, то царь со своими помощниками, т.-е. палачами, начали уничтожать своих защитников, которые кажутся для него вредными. Это происходит уже несколько лет и с каждым годом все увеличивается. Как вам известно, военные стали выступать на поддержку народа. Это было уже во многих городах — их расстреливали. И вот с 19 на 20 июля выступил наш Кронштадт. Но здесь вышла измена своих товарищей, которые на последнем совещании дали братский поцелуй и пожатие руки, но они изменили и остались верными службе, своим палачам. Это — Енисейский полк. Но, хотя из нас многие пострадали, но мы выполнили то, что на нас было возложено. Мы выступили без оружия,

думали завладеть им, но вышла неудача. И вот нас 20 они арестовали и предали военному суду. Суд осудил сухопутной части минеров 14 человек и 3 вольных граждан к смертной казни, а около 100 человек — в каторжные работы.

Нас, флотских, предали временному военному суду 740 чел.; в первой группе—более виновных, 102 чел. — 98 военн. и 4 лица гражд.

Дорогие родители. Да, гибли люди и в настоящее время гибнут. Но я надеюсь, что после нас недолго останется царствовать этим хищным зверям — царю и его помощникам.

Дорогие родители. Есть пословица: «за царем служба, за богом молитва не пропадают», но это наоборот: гибнут молодые жизни. Прощай, отец и мать. Сын ваш Тимофей, умерший 26 лет от роду, спокойно ожидающий себе смерти. Простите, что раньше не писал письма: не писал, потому что вы, ожидая моей смерти, печалились бы.

Я думаю, что, если вы узнаете подробности моей жизни и каков я был, то вы не позволите меня обвинять.

Сын ваш *Тимофей Глебко.*

Д.

...заочно я вас целую несчетное количество раз, простите милые мои родители, тятийка и мамыйка. Нас на расстрел идет 19 человек. Ох, бьется мое сердце, как нас привязывают к столбу руки назад и стоят солдаты с ружьями, метятся прямо в нас, глаза наши закрыты мешком.

Ох, как это смотреть страшно, страшная это картина.

Простите, простите, простите дорогие мои родители, тятийка и мамыйка.

Простите... умираю.

Заливаюсь я горькими слезами...

Ваш сын *Мих. Ив. Севастьянов.*

9. „Кронштадтские матросы“.

Трупы блуждают в морской ширине,
Плещут волнами зелеными —
Связаны руки локтями к спине,
Лица покрыты мешками смолеными...
Черной кровью запачкан мундир —
Это матросы Кронштадские:
Сердце им пули пробили солдатские,
В воду их бросить велел командир.
В сером тумане кайма берегов

Низкой грядою рисуется, —
Там над водой спокойно красуется
Царский дворец — Петергоф.
Где же ты, царь? Выходи
К нам из-под крепкой охраны.
Видишь: какие кровавые раны
В каждой зияют груди!
Полно, не бойся: ведь ты — наш отец!
Мы — твои верные дети...
Хлеба просили, — ты дал нам свинец;
Были нам лаской родительской плети.
Пусть мы расстреляны, в воду мы брошены —
Будем присягу хранить до конца:
Снова на службу пришли мы непрошены,
Стражу пришли мы сменить у дворца.
Поступью мертвой взойдем на крыльцо,
В пышную спальню взойдем мы дозором,
Будем глядеть тебе молча в лицо
Мертвым не видящим взором.
Будем к постели твоей простирать
Мокрые, длинные, синие руки,
Будем рассказывать смертные муки, —
Слушай прилежно: учись умирать!
Целую ночь не уйдем мы, —
Близко мы станем лицом к изголовью...
Нашей застывшей черною кровью
Знак мы положим тебе на уста.
Будем к тебе приходить каждый день,
Те же вести неотвязные речи...
Мы тебе саван накинем на плечи, —
Ты на порфиру наш саван надень.
Трупы плывут через Финский залив,
Серым туманом повитый...
Царь Николай, выходи на призыв
С мертвой беседовать свитой!

10. Прокламации РСДРП.

а.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

К кронштадтским матросам и солдатам.

67.

Товарищи матросы и солдаты!

Над нашими головами грозою прошумело восстание. С горечью видят теперь все, что оно очень мало сделало для освобождения России, а, между тем, потрясло до основания наши организации.

наполнило страдальцами ужасные тюрьмы, поставило перед судом палачей сотни наших дорогих товарищей. Видя такие плоды восстания, вы невольно ищете с негодованием виновников этого несчастия, этой роковой ошибки. Приходится слышать, как сознательные матросы едко упрекают рабочих за то, что они не оказали им достаточной поддержки. Раздаются обвинения против с.-дем., будто они способствовали поражению упрямым нежеланием слить свои силы с силами местной беспартийной организации.

Товарищи! Мы вовсе не хотим отыскивать настоящих виновников для того, чтобы направить на них ваш гнев, — но нашим священным долгом является раз'яснить самые глубокие причины поражения, указать те коренные ошибки, которыми оно было обусловлено, разобраться в тех важных вопросах, которые возникали перед нами в связи с вопросом о восстании и продолжают стоять перед нами еще и теперь. Только отдавая себе отчет в своих ошибках, отчет точный и беспощадный, можем мы итти вперед к окончательному успеху.

Товарищи, мы твердо верим в вооруженное восстание, мы думаем, что только оно в состоянии разбить цепи русского народа и привести нас к полной свободе. Восстание окажется окончательным и победоносным в том случае, если на сторону народа перейдет значительная часть армии, солдаты, которые — все те же обездоленные рабочие и крестьяне, только одетые в ненавистные царские мундиры.

Народное восстание без поддержки армии приведет к напрасному кровопролитию. Военный бунт частей армии и флота без народного восстания также роковым образом осужден на неудачу. Очевидно, что революционный народ и революционное войско должны действовать дружно, одновременно, возможно более планомерно. Но народ русский велик, велики и раскинуты по всей стране и его военные силы, а потому для единовременности действий крестьян в селах, рабочих в городах, части войск и флота, ставших уже втайне на сторону революции, — необходима целая сеть сносящихся между собой местных организаций с единым всероссийским центром, который обязан собирать отовсюду сведения и всюду давать лозунги. Такие организации с многочисленными разветвлениями по России и с руководящими центрами имеются уже. Это — революционные партии. Вы знаете хорошо, товарищи, что существуют две больших революционных партии — Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия и Партия Социалистов-Революционеров. Обе эти партии стремятся не только к тому, чтобы организовать вооруженное восстание и добиться свободы, обе они хотят большего: воспользовавшись свободой слова, собраний, союзов, печати, стачек и т. д., они хотят повести новую борьбу за социализм, т.-е. за отчуждение земли, фабрик, заводов, копей, железных дорог и пр. орудий производства от нынешних и корыстных владельцев и передать их в руки демократического, свободного, равного общества. Матросы и солдаты — дети тружеников полей и мастерских — не

могут не становиться социалистами по мере того, как приходят к сознанию своих истинных интересов.

Преимущества всероссийской организации очевидны, потому что восстание должно быть всероссийским, но также очевидно и то, что такая всероссийская организация в целях восстания и низвержения самодержавия должна быть одна. Не только социалисты-революционеры или социал-демократы должны сговориться между собою об общих действиях,—они должны привлечь к своему великому и трудному делу всех, кто искренне стоит за необходимость вооруженного восстания и за полную свободу народа. Да, сговориться для служения делу народного восстания должны все, чтобы с оружием в руках биться за свободу против правительства,— таково глубокое убеждение социал-демократов; нигде и никогда не будут они ставить препятствий такому сближению. Но часто, говоря о беспартийной организации, выдвигая ее важность, понимают под нею совсем не то, о чем говорили мы, не союз для достижения совместных ближайших целей, а полное слияние партий; призывают не к тому, чтобы различные партии делали сообща то дело, которое все они находят одинаково необходимым, а призывают к замене их чем-то совершенно новым. На это социал-демократы никогда не пойдут. Они не пойдут на это потому, что твердо убеждены в возможности завоевания настоящего социализма только единой, крепкой и чистой организацией пролетариев — неимущих рабочих городов и сельских батраков. Организация рабочих — Российская Социал-Демократическая Партия — может вести борьбу за свободу вместе с другими друзьями свободы, но расплыться в других пролетарских элементах, например, в массе мелких собственников, она не может, потому что она сослужила бы этим дурную службу социализму. Пусть мелкие собственники даже льнут теперь к какому-то расплывчатому полу-социализму, намеки на который раздавались, напр., из уст трудовиков. Со временем, приобретя свободу, приобретя землю, они станут врагами дальнейшего движения к социализму, а рабочим и батракам, которым раньше социализма не будет счастья, горько пришлось бы пожалеть тогда, что они не имеют своей собственной, в борьбе окрепшей и сплотившейся, строго-социалистической организации.

Вот почему и мы, кронштадтские социал-демократы, на приглашение слиться в беспартийную военную организацию города Кронштадта ответили: мы можем войти в эту организацию для взаимного обсуждения и совета, но мы не можем подчиняться решениям большинства этой организации по двум причинам: во-первых, мы признаем невозможным, чтобы кронштадтская организация самостоятельно, помимо воли остальной России, решала бы такой общий вопрос, как вопрос о восстании; во-вторых, мы, социал-демократы, должны повиноваться в наших выступлениях воле нашей всероссийской партии. Но беспартийная организация, т.-е., в сущности, кронштадтские эс-эры хотели непременного слияния, а мы не вошли в организацию. Да и как могли бы мы вместе работать,

если понимание положения было у нас совсем разное. Мы все время говорили: в России создастся общий центр для руководства восстанием, начнется одновременное массовое движение в деревне и городе. Тогда-то придет пора и для армии и для флота, тогда то они и перейдут на сторону народа, чтобы доканать ненавистного врага. А социалисты-революционеры обвинили нас в том, что мы желаем, чтобы Питер командовал Кронштадтом; они учили, что, когда поднимется Кронштадт, восстанут и суда, и Ревель, и Либава, а за ними, наконец, и вся Россия. Странно было слышать эти речи кронштадтских эс-эров тем, кто слыхал их петербургских товарищей: в Питере мы доказывали, что всякое выступление до окончания полевых работ в деревне — преступная растрата сил. Итак, наша тактика была: готовиться, организоваться и ждать общего движения; тактика эс-эров — начинать, а за нами, мол, не отступят и остальные.

За 10 дней до выступления в № 5 социал-демократической газеты «Казарма» мы повторяли наши взгляды: не военные бунты нужны нам, а переход войск в решительный момент на сторону восставших народных масс. За три дня до выступления мы вновь говорили в особо выпущенном нами листке, что надо приберечь наши силы к великому делу — всеобщего восстания. А так называемая беспартийная военная организация в ослеплении готовила военный заговор и бунт.

Разногласие, которое мы только что указали, было очень важно. Но не менее важно было и другое. Эс-эры, стоявшие во главе беспартийной военной организации, не только очень пренебрежительно отзывались о военных силах социал-демократической военной организации, не только не хотели считаться с очень серьезными связями, какие мы имели на судах и в крепостных баталионах,— они не потрудились сговориться и с рабочими организациями. Все свое дело они вели, как заговорщики, рассчитывая на то, что самое важное в этом деле — тайна, внезапность нападения. Мы же полагали, что, если уж итти на восстание, то надо придать ему массовый характер, надо подготовить настроение на митингах и массовках и в решительный момент вызвать на улицу многотысячную толпу рабочих. Эс-эры воображали, что могут обойтись и без этого. Они подготовляли взрыв и не сочли нужным ни полусловом уведомить социал-демократов о своих затеях. «Они, мол, только критикуют нас; ну, коли так, мы и без них обойдемся». И мы, как повелевал нам наш политический долг, продолжали твердить и рабочим массам, и нашим организованным матросам и солдатам, что надо крепиться и ждать решительной всероссийской войны.

И вдруг, в один прекрасный день, нас извещают без далеких слов: сегодня, в 11 часов ночи, будет восстание.

Рассуждать, спорить, критиковать было некогда. Что можно было сделать для поддержания товарищей, то было сделано. Но времени было мало: многих матросов мы просто физически не успели известить, другие приняли наши призывы холодно и недо-

верчиво: ведь ничего не было подготовлено, ведь мы накануне доказывали неразумность такого шага.

И все восстание шло тем же путем: кучки вооруженных людей нападали, призывали Енисейский полк присоединиться и проч. Не создалось и не могло создаться картины массового народного восстания. Ручаться можно, что если бы к Енисейским пришла не скрытая в темноте горсть в 40 или 50 вооруженных, а тысячная толпа, в том полку одержало бы верх настроение организованных солдат, и они не стали бы стрелять, а весьма возможно — были бы увлечены общим потоком.

Товарищи, восстание в Кронштадте потерпело поражение. Но это было бы с полгоря, если бы вместе с тем разбиты были и те ошибки, которые его породили, если бы умерла вера в военный бунт, не связанный с общим выступлением — вера в возможность подменить массовые выступления заговорщицким внезапным нападением, оторванным от общего движения. Если бы это все отжило, то это, хотя в некоторой степени, вознаградило бы нас за понесенные утраты и расчистило дорогу великому движению сознательных солдат и матросов, протягивающих вооруженную руку помощи брату-рабочему в городах и селах. Будем учиться, будем подниматься после каждого поражения и наступать на врага все грознее и сильнее — конечная победа обеспечена за нами. Да здравствует же революционная армия, восставший флот! Да здравствует русская революция и всемирная, международная социал-демократия!

б.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Свеаборг и Кронштадт.

В Свеаборге и Кронштадте матросы и солдаты восстали. В Свеаборге и Кронштадте матросы умирали за родину, умирали за свободу народа. Наступил желанный час.

Вот уже два года, как одна и та же мысль давит сознание народа, как тяжелый кошмар: нам не нужна была Манчжурская война. Она нас разоряла, она сеяла у нас голод и нищету, она отрывала от семей лучших работников, она была на руку только придворной клике и генералам, она нужна была только им для наживы, для орденов и чинов. А сотни тысяч наших же сыновей и братьев, одетых в солдатские мундиры, покорно шли на эту постылую войну, на погибель народу, на собственную гибель, в угоду шайке хищников. Несчастные, верные рабы!

Вот уже два года, как одна и та же мысль наполняет горечью и обидой сердца миллионов русского народа. Вся Россия всколыхну-

лась, все слои населения вступили в борьбу за свои права, за свою свободу, за свои нужды. Борются рабочие, изнуренные непосильным трудом, борются крестьяне, сидящие на нищенском наделе, борется весь русский народ за волю и землю. А родные дети этого народа, забитые казарменной муштровкой, глухи к стонам своей родины, глухи к ее радостям и печали: они покорно и послушно исполняют злодейские приказания своего начальства, они секут крестьян, насилуют их жен и дочерей, они расстреливают рабочих. Несчастные, верные рабы!

— Несчастные, верные рабы! — говорил русский народ. — Когда же вы, наконец, опомнитесь? Когда вы бросите свое каиново дело? Когда прекратите братоубийство?!

Молящий и гневный зов народа не остался без ответа. То там, то здесь отдельные части войск откликались. Севастополь, Либава, Кронштадт, Владивосток, Урунская станица — все это были проблески проснувшейся солдатской совести. Но это были только проблески, которые не в силах были рассеять густой мрак, окутавший нашу миллионную армию. То там, то здесь солдаты отказывались от повиновения начальству, то там, то здесь они пред'являли ему требования, заговорили о своих человеческих правах, высказали свое сочувствие народу. Но нигде солдаты не решались открыто, с оружием в руках, восстать против правительства, нигде они себе не ставили непосредственной цели—насильственно низвергнуть правительство.

Восстание в Свеаборге и Кронштадте есть великое знамение времени. Здесь впервые матросы и солдаты дали настоящее сражение врагам народа и с бою овладели на момент первоклассною крепостью. Это — заря новой жизни армии, начало возрождения солдата! С этого дня русский солдат может с гордостью сказать: я умею умирать не только как послушный, верный раб начальства, но и как сознательный, верный друг народа!

Как гром среди ясного неба, эти восстания поразили царское правительство. Неужели это начало конца? — спрашивало себя правительство в ужасе. Да, это начало конца, ибо эти восстания не были и не могли быть случайностью. Солдаты присягали царю и отечеству. Большинство солдат искренно верило, что, служа царю, они тем самым служат и отечеству. И что же случилось?! Царь созвал Государственную Думу, созвал представителей, избранных народом, и торжественно обещал наделить их известной долей законодательной власти.

Когда же Дума собралась, когда представители народа стали выполнять волю пославших их, когда они громогласно заявили о нуждах народа, когда они заговорили о земле и воле, царь их разогнал. Кому же теперь солдату служить? Как ему теперь остаться верным присяге?!

Эти вопросы не могли не возникать в головах солдат во время заседаний Думы, а когда Дума была разогнана, значительная часть армии нашла ответ на этот вопрос. Свеаборг и Кронштадт дока-

зывают, что завеса спала с глаз значительной части армии. Народ долго и с нетерпением ждал, когда, наконец, армия прозреет, когда исчезнет пропасть, отделяющая ее от народа, когда, наконец, армия перейдет на сторону народа. Желанный час наступает. Народ должен протянуть руку восставшим солдатам! Народ должен рука об руку с солдатами вступить в бой с царским правительством, разогнавшим Государственную Думу и насмеявшимся над правительством народным и над волей народной.

Не поздно ли? — скажут маловеры. Ведь Свеаборг и Кронштадт уже подавлены, ведь одни из солдат уже расстреляны, а другие со дня на день ждут той же участи от царских палачей.

Нет, не поздно! Свеаборг и Кронштадт — это только первый раскат надвигающейся великой грозы. Если вся страна теперь поднимется, — жертвы, павшие в Свеаборге и Кронштадте, не пропадут даром.

Их кровью крепится братский союз между армией и народом, и уже обреченные жертвы в Кронштадте и Свеаборге умрут в счастливом сознании, что они дали могучий толчок народной революции, а тысячи и тысячи солдат, которые после подавления Кронштадта и Свеаборга остаются пока в нерешительности, отбросят колебания и последуют славному примеру своих Свеаборгских и Кронштадтских товарищей.

Наступил решительный момент, и русский народ докажет, что он — великий, достойный свободы, народ!

Да здравствует революция!

Да здравствует союз армии с народом!

Центр. Ком. Рос. Социал-Демократическ. Раб. Партии.

ОТДЕЛ IV.

ВОССТАНИЕ НА КРЕЙСЕРЕ „ПАМЯТЬ АЗОВА" В РЕВЕЛЕ В 1906 ГОДУ.

1. Восстание [1].

В кампанию 1906 года крейсер «Память Азова» был флагманским кораблем Учебно-Артиллерийского отряда Балтийского моря. Он плавал под брейд-вымпелом Начальника отряда, флигель-ад'ютанта капитана 1-го ранга Дабича. В самом начале кампании из команды и переменного состава учеников, выделилось несколько революционно настроенных людей: артиллерийский квартирмейстер 1-й степени Лобадин, баталер 1-й степени Гаврилов, гальванерный квартирмейстер 1-й степени Колодин, минер Осадский и др.; а из учеников—матросы 1-й степени — Кузьмин, Котихин, Болдырев, Шеряев и Пенкевич.

Они вели с матросами разговоры политического характера, читали им газеты левого направления, например, «Мысль», «Волгу», «Страну», даже прокламации Российской Социал-Демократической партии. Основная мысль всех этих разговоров и чтений сводилась к осуждению правительства и к необходимости Учредительного Собрания.

К квартирмейстеру Лобадину заходили в арсенал для каких-то тайных переговоров, писарь 2-й степени Кулицкий, машинный содержатель 2-й степени Аникеев и квартирмейстер Колодин. Наиболее осторожные и начальству послушные матросы предостерегали своих товарищей против «политических». Но квартирмейстер Лобадин прямо сказал, что не потерпит никакого подглядывания, противоречий и доносов. А кто будет восстанавливать матросов против Лобадина и его товарищей, того недолго выбросить за борт. У Лобадина слово не расходилось с делом, и комендор Смолянский был здорово избит: его подозревали в том, что он написал команде письмо о дисциплине и верности присяге.

[1] По материалам двухтомного дела № 201 за 1906 год главного военно-судного управления (2 отд. III секции Л. Ц. И. А. — Морской архив).

И на берегу велась пропаганда; в лесу, под открытом небом, устраивались митинги матросов. На них выступал агитатор, которого матросы привыкли называть «студентом Оськой». На самом деле это был одесский мещанин Арсений Коптюх; он жил в Ревеле по подложному паспорту мещанина Степана Петрова. «Студент Оська» был неутомим: он не только привлекал матросов на свидания в частной квартире в Ревеле, но в июне даже приехал на самый крейсер и участвовал в заседании судового комитета. Этот комитет составился из нижних чинов, избранных путем тайной подачи голосов. Среди матросов собирали пожертвования на Ревельский революционный комитет; одним словом, агитация и пропаганда шли с большим успехом.

В конце июня был небольшой конфликт. Команде не понравился суп, она вышла из-за стола и собралась на баке. Как-то все улеглось, лишь некоторые офицеры начали поговаривать, что в команде неблагополучно.

Особенно ревизор, мичман Дорогов, часто указывал командиру крейсера капитану 1-го ранга Лозинскому, что необходимо списать с корабля наиболее неблагонадежных. Командир долго не соглашался. Но в начале июля начальство получило сведения о противоправительственной деятельности минера Осадского. Только тут Лозинский раскачался: отдал приказание арестовать его и передать на берег судебной власти.

Команда сильно взволновалась. Особенно были возбуждены машинный содержатель Аникеев и машинный квартирмейстер Черноусов. Ученики Болдырев и Пенкевич собрали вокруг себя толпу нижних чинов и агитировали, что надо освободить арестованного, главное, не допускать его своза на берег.

Дело на этот раз кончилось только шумом, но внутри команды шла большая революционная работа. Один из комендоров донес артиллерийскому кондуктору, что команда постоянного состава назначила на 14 июля бунт. Кондуктор доложил начальству, и 14 июля крейсер посетил морской министр. День прошел совершенно спокойно, но для большей предосторожности весь учебно-артиллерийский отряд перевели в бухту Панон Вик.

19 июля вечером из Ревеля пришел минный крейсер «Абрек». Он привез провизию для команды «Память Азова» и, главное, на нем приехал студент Оська, переодетый матросом. Вместе с артельщиками, принимавшими провизию, Коптюх незаметно перешел на «Память Азова». Около 11 часов ночи в таранном отделении началось заседание судового комитета, которое собрало до 50 человек. Долго и подробно обсуждала телеграмму, полученную баталером Гавриловым о восстании в Свеаборге. Многие сомневались в достоверности сообщений, и поэтому вопрос,—должен ли крейсер примкнуть к восставшим, обсуждался очень долго. Был уже 1 час ночи, когда участники собрания стали прямо задыхаться от духоты.

Жизнь на крейсере шла своим порядком. Отпущенная на берег команда вернулась во-время. Как всегда, прекратили пары на паровом,

10*

минном катерах и на таранном баркасе. Закончилась спешная работа в носовой кочегарке, и ушли наблюдавшие за ней механики. Может быть необычны, странны были бродившие по палубе кучки матросов и их настороженный шопот. Еще страннее вел себя в этот день ученик Тильман. А около полуночи этот старательный молодой человек подошел к судовому священнику, прося предупредить старшего офицера, что в час ночи он, Тильман, доложит ему наедине секретное дело первостепенной важности.

Действительно, во втором часу ночи старший офицер, капитан 2-го ранга Мазуров, узнал от Тильмана, что на крейсере есть «посторонний» человек. Младший механик, поручик Высоцкий, тотчас же получил приказание обойти машинное и кочегарное отделения и записать «лишних» людей. А сам старший офицер с лейтенантом Захаровым прошел по батарейной палубе. В носовом отделении жилой палубы он приказал позвать лейтенанта Селитренникова, мичмана Кржижановского и караул.

Наконец, переносная лампочка в руках Мазурова осветила горловину таранного отделения и обнаружила шесть матросов, которые не успели еще разойтись с заседания. Однако, среди них постороннего человека не было. Посторонний человек, студент Оська, издали увидал Мазурова, входящего в жилую палубу, и быстро прилег к маляру Козлову. Так офицер его долго не замечал. Он переписал находившихся в таранном отделении и выслушал доклад поручика Высоцкого о том, что в осмотренном им отделении никого из посторонних на находится. Наконец, взгляд старшего офицера упал на Коптюха, лежащего на одной подушке с Козловым.

Коптюха спросили: «кто ты такой?». Он назвался кочегаром № 122; такого номера не было на корабле и стало ясно, что это не матрос, а посторонний. Его посадили в офицерскую ванну, за кают-компанией, на корме, по правому борту. Около открытой двери поставили четырех часовых. В случае малейшей попытки Коптюхи к бегству, они должны были заколоть арестанта.

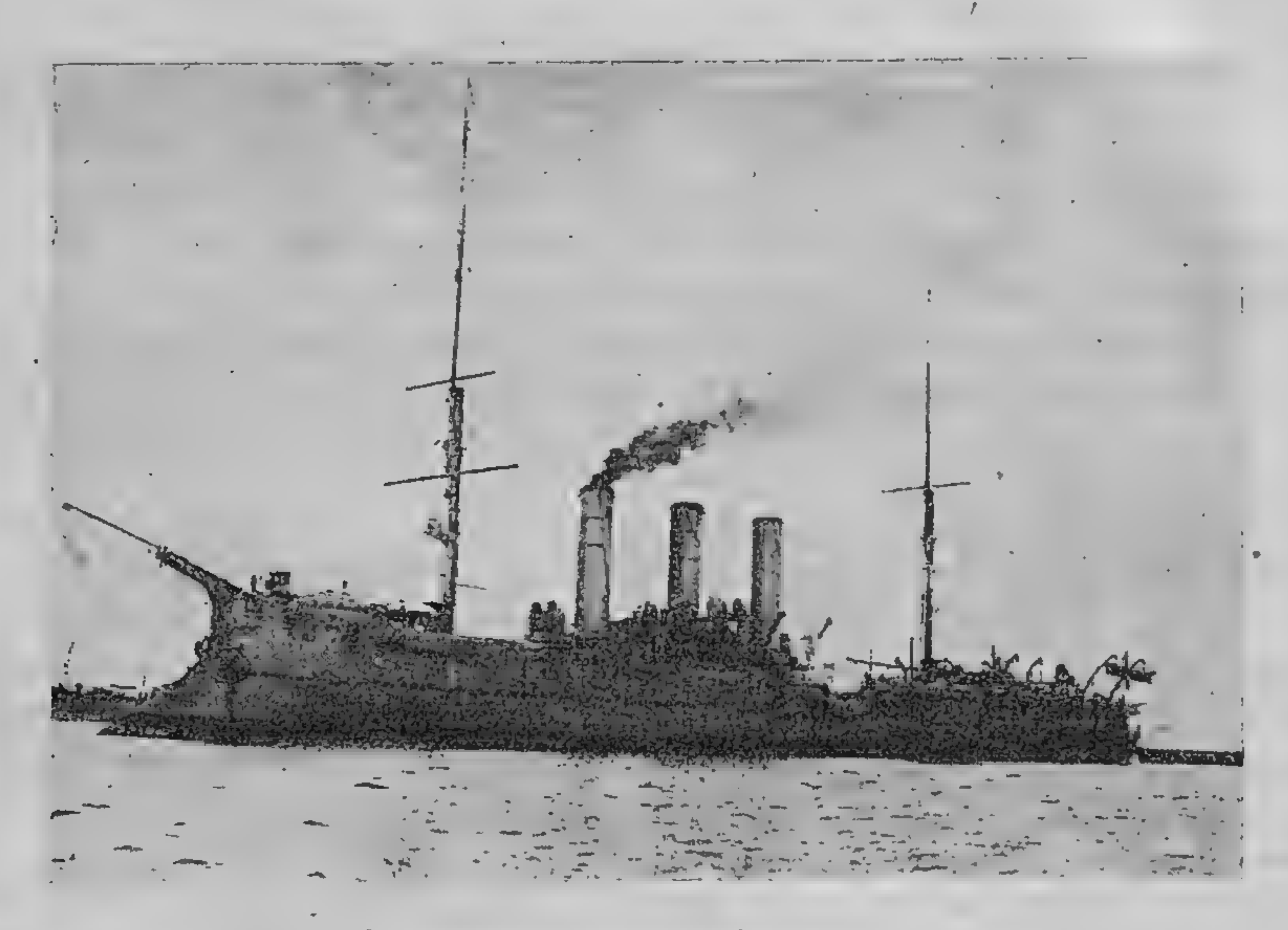
На допросе Коптюх держался самоуверенно и грубо; давал ответы командиру, развалясь на ванне. Командир отдал приказ снять с Коптюха матросское платье, фуражку и немедленно отправить на минный крейсер «Воевода», который утром уходил за провизией в Ревель.

Наступало время действовать. Лобадин распорядился и на батарейной палубе погасли лампочки, в темноте забегали матросы. На часового у денежного сундука бросилось несколько человек, требуя патроны. Часовой кое-как отбился штыком, но через несколько минут погасло электричество. Неизвестные избили часового и разводящего, и утащили ящик с патронами. По приказу командира в кают-компанию принесли из жилой палубы винтовки и оставшиеся около денежного сундука четыре ящика патронов. Офицеры и кондукторы вынимали из винтовок затворы и прятали их по офицерским каютам.

Квартирмейстер Лобадин живо роздал патроны, приказал зарядить ружья и с криком: «выходи за мной!» выскочил из темноты

батарейной палубы наверх. Было 3 часа 40 мин. ночи, когда на палубе раздался первый выстрел. Неизвестно, кто начал, но Лобадин пробежал по батарее с криком: «выходи наверх, нас офицеры бьют!» Его поддержали Колодин и Котихин. Началась стрельба и на верхней палубе.

Сразу были смертельно ранены вахтенный начальник и тяжело старший офицер. Командир крикнул: «господа офицеры, с револьверами наверх!» и навстречу восставшим матросам поднялись штурманский офицер — Захаров и лейтенант Македонский. Лейтенант Захаров был убит сразу, а Македонский бросился за борт и его пристрелили в воде. Командир, кончив раздачу патронов офицерам и кондукторам, поднялся наверх и нашел здесь смертельно раненого мичмана Сборовского.

Крейсер „Память Азова".

Матросы из-за прикрытий обстреливали люк и через люки стреляли в кают-компанию; при этом убили старшего судового врача Соколовского и ученика Тильмана, стоявшего часовым у арестованного.

Офицерам приходил конец. Они прошли в кормовую батарею и спустились на таранный баркас, стоявший на бакштофе под кормой. На баркасе уже разводились пары; туда были спущены раненый Вердеревский и Селитренников. Когда пары были подняты, баркас отвалил. На крейсере остались только три офицера, судовой священник, артиллерийский содержатель, делопроизводитель штаба и штурманский подполковник.

В погоню за бежавшими матросы послали паровой катер, куда погрузили 37′ мм. пушку. Выстрелом из нее были убиты Вердерев-

ский, мичман Погожев и тяжело ранен лейтенант Унковский. Но паровой катер сел на мель и ему пришлось вернуться на крейсер.

Матросы долго обстреливали кают-компанию. Но офицеры не отвечали и команда прекратила огонь. В 4 часа 30 мин. утра матросы арестовали офицеров, заперли их по каютам, приставив надежных часовых и освободили Коптюха. После побудки команда собралась на баке. Первый начал Лобадин:

«Ребята, вчера с провизией к нам на крейсер прибыл вольный, который вместе с нами сидел в трюме; ночью его нашел старший офицер и переписал нас. Из-за этого все и вышло. Офицеры хотели его застрелить, но бог миловал!».

Коптюх предложил выбрать комитет для управления кораблем. Впоследствии некоторые свидетели показывали, что он предложил выбрать совет. В члены этого комитета или совета Коптюх предложил себя, Лобадина и еще нескольких матросов. Остальных кандидатов указывал Лобадин, спрашивая мнение команды о каждом из них. Сколько выбрали в комитет, точно не определено. Коптюх и некоторые свидетели говорят, что было 12 выборных, а другие настаивают, что комитет состоял из 18—20 человек. Все члены комитета переоделись в черное, а командиром крейсера выбрали Лобадина. Лобадин заявил, что все судовые росписания остаются в силе, и служба должна итти по установленному порядку. После завтрака команда получила приказание сняться с якоря и поднять сигнал прочим судам, стоявшим в Панон Вике.

Тогда же обыскали всех арестованных и снова заперли по каютам. Команда показала пример редкого благородства к побежденному врагу. К раненому старшему офицеру беспрепятственно ходил фельдшер, дважды делавший ему перевязки. Священнику тоже не было отказано в посещении больного. Из каюты лейтенанта Селитренникова больному принесли вина. Матросы, которые приносили офицерам и кондукторам чай и командный обед, говорили, как бы извиняясь:

« Это Лобадина распоряжение, чтобы для всех была одна пища».

На мостике набирали сигналы «Воеводе» «сняться с якоря и подойти к борту». «Воевода» приказание исполнил, но «Памяти Азова» показалось, что он подходил с открытым минным аппаратом. Пришлось поднять вновь сигнал, «стать на якорь», а минный крейсер «Абрек», миноносец «Ретивый» получили приказание присоединиться к «Азову». Оба корабля подняли ответ «ясно вижу», но с места не двигались.

Лобадин приказал правому борту открыть огонь по «Абреку» и миноносцам из 6-ти и 7-ми мм. орудий. Была сыграна короткая тревога, но никто не расходился по местам. Было приказано сыграть в две дроби тревогу. Прислуга встала по росписанию, но не стреляла. Только один комендор навел орудие, да и то мимо. Одним словом, Лобадин со своими единомышленниками сделали только два выстрела из 6-ти мм. орудия, ибо вследствие неумелого обращения орудие заклинивалось.

После обстрела крейсер вышел в море, взяв курс на Ревель. На мостике стояли Коптюх, одетый мичманом, Лобадин, Колодин, ученики Котихин и Кузнецов. Во время хода лейтенант Лосев попросил, чтобы к нему в каюту позвали «того из нижних чинов, кто распоряжается всем». Минут через двадцать к арестованному спустился Колодин, следователь комитета. Он успокоил офицера, что арестованным бояться нечего. Избиение офицеров произошло потому, что лейтенант Захаров первый убил матроса. Колодин предложил даже Лосеву присоединиться к восставшим, об'ясняя причины восстания.

Как интересно было бы подслушать разговор этих совершенно разных людей. Один — офицер, выкормок буржуазии, другой — революционер, бросающий пламенные слова:

— Мы желаем возрождения России и флота. Мы уверены в победе, ибо в наших рядах минный отряд, броненосцы «Цесаревич», «Слава», крейсер «Богатырь» и транспорт «Рига».

Затем Колодин сообщил, что в Ревеле на «Память Азова» приедут двое: один видный революционер, а другой трудовик, член Государственной Думы. Команда крейсера сплотилась еще до выхода из Кронштадта, разделясь на несколько революционных групп: социал-демократов, социал-революционеров и трудовиков.

В боевой рубке состоялось краткое совещание, на которое пригласили кондукторов; им даже разрешили одеть свою форму. Лобадин обратился к ним, прося поддержать революционное восстание и распределил между ними обязанности. Один из кондукторов, не надеясь на успех восставших, благоразумно попросил запереть их снова в каюту.

Вообще между верными собаками офицеров — кондукторами и революционерами, была пропасть. Кондукторам говорили о борьбе за правду и свободу, они продолжали спрашивать: «как же приниматься за дело, не зная, что делать?». Тщетно Коптюх напоминал о восстаниях на броненосце «Князь Потемкин Таврический» в Севастополе, о лейтенанте Шмидте и кондукторе Частнике. В заключение он стал читать революционный манифест о необходимости помочь рабочим и о 9 января.

Во время заседания в рубку вбежал телеграфный квартирмейстер Баженов.

— Товарищи, команда пала духом. Нужно ее воодушевить.

Заседание было прервано, команду собрали на бак. Коптюх стал на шпиль и обратился к команде с речью. Причиной восстания был роспуск Государственной Думы и массовый арест лучших людей. Далее он упомянул о постановлении думской социал-демократической фракции и трудовой группы передать всю землю крестьянам. Вместе с «Ригой» крейсер должен уйти из Ревеля в Свеаборг и там присоединиться к учебно-минному отряду, тоже поднявшему восстание. В заключение Коптюх прочитал команде выборгское воззвание, а также воззвание трудовиков и думской социал-демократической фракции.

Он предложил даже провозгласить «ура» за свободу, но настроение команды, действительно, сильно понизилось; только после вторичного крика квартирмейстера Баженова:—«ура»,—его подхватили и то очень немногие. Затем спросили команду, что делать с арестованными офицерами. Сторонников убийства оказалось мало и вопрос был отложен. Команда получила по полчарки вина и разошлась обедать.

Около двух часов дня восставшие встретили в море «Летучего». Миноносец, в ответ на сигнал «присоединиться», начал быстро уходить. Тогда по нем сделали два выстрела из 6-ти мм орудия и несколько из 47 мм пушек. Близь Ревеля «Память Азова» встретила какой-то коммерческий иностранный пароход. На него была отправлена шлюпка, которая привезла газеты и радостное известие, что в Свеаборге даже лайбы ходят под красным флагом.

В 5 часов дня крейсер стал на якорь на ревельском рейде. Лобадин остановил портовый пароход «Карлос», который вел на буксире баржу. Команда пересадила на пароход раненого судового священника и двух вольных поваров, служивших на корабле. Одному из этих сомнительных людей Лобадин поручил все-таки зайти в лавочку и передать человеку в форменной фуражке и очках, которого он там найдет, приказание прислать шлюпку. Очень остро стоял вопрос с провизией. Характерно для честности революционного моряка, что Лобадин не велел трогать денежного сундука и сказал Коптюхе, что «деньги на провизию надо достать с берега».

Коптюх написал записку, но почему-то ее не доставили, она так и осталась на крейсере. Эту записку собирались везти на берег машинный содержатель Аникеев и баталер Гаврилов. Они уже переоделись в штатские костюмы одного из вольных поваров, но Коптюх колебался, не убегут ли они. В записке Коптюх писал, что к «Памяти Азова» пока еще никто не присоединился, а Свеаборг в руках восставших матросов и солдат. Сообщал Коптюх о плане захватить Ревель и просил по этому поводу прислать положительный ответ. Он звал так же на корабль члена Государственной Думы, если он уже приехал. Главное же надо было позаботиться о провизии для крейсера.

Настроение восставших падало, потому что они чувствовали себя изолированными от масс флота. Кондуктора, которые никак не могли сочувствовать революции, намотали на ус упадок настроения большинства команды. Они задумали черное дело: овладеть крейсером и так или иначе подавить восстание. Действовали с подходцем, с хитрецой. Всячески обхаживали учеников перед ужином и наводили их осторожненько на мысль об ужасных последствиях мятежа.

Один из единомышленников Лобадина случайно подслушал эти переговоры и побежал на бак, где собрались члены комитета. Команда села ужинать, но членам комитета было не до ужина. Получив сообщение, что кондуктора мутят команду, Лобадин приказал дать дудку: „кондукторам наверх". Один из кондукторов выскочил с револьвером наверх и крикнул:

— Переменный и постоянный состав, кто не желает бунтовать, становись по правую сторону, а кто желает — по левую.

Кондуктор был положен на месте, успев дать один или два выстрела из револьвера.

Тем временем внизу дали команду: — в ружье!— Ученики, разагитированные кондукторами, расхватали винтовки, патроны и началась стрельба. Почти все революционеры собрались на баке, несколько из них бросилось за борт, остальные отстреливались от наступавших учеников. Один из революционеров пытался навести на учеников пулемет, но его сбили с ног, избили и связали. На беду смертельно ранили Лобадина. Когда его убийца торжествующе крикнул об этом команде, революционные матросы совершенно пали духом. Они быстро спустились в машину и в батарейную палубу, где смешались с учениками. Когда ученики прорвались на верхнюю палубу, революционеры бросили винтовки. Один из них крикнул: «братцы, сдаемся!»

Еще в самом начале борьбы один кондуктор с несколькими учениками спустился вниз и освободил арестованных офицеров. Два мичмана сейчас же поднялись наверх и стали распоряжаться подавлением мятежа. По их приказанию обезоруженных арестованных революционеров начали свозить на берег на шлюпках и портовых пароходах. На первых двух шлюпках отправили главарей: Баженова, Колодина, Болдырева, Котихина, Пенкевича, Григорьева, Кроткова, Осадского и др. Весь постоянный состав тоже свезли на берег, а на крейсере оставили лишь часть машинной команды, необходимой для поддержания паров.

Коптюха выловили из воды, где он проплыл саженей десять. Баталера Гаврилова нашли в машине лишь на следующий день.

Около десяти вечера со стороны моря к крейсеру подошла шлюпка со спущенными парусами. Часовой окрикнул шлюпку и получил ответ: «Косарев. К Лобадину и Колодину». Мичман Кржижановский, распоряжавшийся на крейсере, велел ответить: «Лобадин и Колодин принимают».

В это время с берега возвращался баркас, отвозивший арестованных. Писарю Евстафиеву, старшему в патруле, было приказано задержать шлюпку. А люди из шлюпки доверчиво кричали:

— Здорово, товарищи!..

Евстафиев предложил им перейти на баркас. Таким образом удалось арестовать и обезоружить запасного гальванера Косарева, ранее служившего на «Памяти Азова», и двух неизвестных.

Во время мятежа было убито 6 офицеров, ранено — 3 офицера, судовой священник, два кондуктора; и матросов убито 20 и ранено 48.

К суду были привлечены: 91 нижний чин и четверо штатских. Дело разбиралось в Ревеле судом Особой Комиссии. Заседания суда начались 31 июля и происходили ежедневно до 4 августа, когда в 1 час ночи подсудимым прочитали краткий приговор: Коптюх и 17 человек нижних чинов были приговорены к смертной казни через повешение; 12 — к каторжным работам, на сроки от 6 до

12 лет, 13 матросов разослали по дисциплинарным баталионам и тюрьмам, 15 присудили к дисциплинарным наказаниям, 34 матроса были оправданы. Дознание о трех штатских было передано прокурору Ревельского Окружного суда.

В знак «милости» командующий Отдельным отрядом судов, назначенных для плавания с корабельными гардемаринами, заменил повешение расстрелом. 5 августа утром 18 стойких революционеров были расстреляны, трупы их отправлены на барже в море.

2. Расстрел азовцев.

Печатаемый ниже «весьма секретный» документ открывает кошмарную страницу из второй половины 1906 года — времени поражения первой Российской революции.

Документ говорит сам за себя, не требуя излишних комментарий.

П. К.

* * *

Штаб Войск Гвардии
Петербургского Военного Округа
Управление
Окружного
Генерал-Квартирмейстера

Отделение Военно-Судное.

3 июля 1906 года.
№ 1374

в Красном Селе.

Копия [1].
В. Секретно.

Ревельскому Временному Военному Генерал-Губернатору.

По соглашению с Морским Министром, Его Императорское Высочество Главнокомандующий приказал Вашему Превосходительству, по окончании суда над мятежными матросами крейсера «Память Азова», принять к руководству следующие указания:

1) тех мятежников, которых суд приговорит к смертной казни, по конфирмации таковых капитаном 1-го ранга Бостремом, — расстрелять на указанном Морским Министром острове «Карлос». Приговоренных доставить туда под сильным пехотным конвоем ночью, когда замрет городская уличная жизнь, а самый приговор привести в исполнение на рассвете.

Для расстреляния назначить матросов того же крейсера «Память Азова» из числа приговоренных к другим наказаниям [2].

---

[1] Из «Красной Летописи». № 2(13), 1925 г. (Историч. журнал Ленинградского Истпарта, Ленинград, Гос. Изд.).

[2] Или других матросов по соглашению с адмиралом Вульф (примечание документа). Курсив наш. *Ред.*

Место казни должно быть оцеплено вышеупомянутым конвоем с трех сторон силою, примерно, баталион, при чем, *если матросы, назначенные для приведения в исполнение приговора отказались бы* [1], то эта пехотная часть должна заставить выполнить возложенную на них задачу силою оружия.

Место казни тщательно оцепить и вообще принять все меры, чтобы и на самом острове Карлос, ни поблизости, не было никаких посторонних лиц.

Тела расстрелянных похоронить на том же острове или предать морю, по усмотрению Морского начальства, с тем, чтобы необходимые для сего рабочие были назначены из числа матросов крейсера «Память Азова», присужденных к другим наказаниям.

Место погребения надлежит тщательно сравнять [2].

Рассчитать время так, чтобы известие о смертном приговоре и приведении его в исполнение стало общеизвестным уже тогда, когда все кончено и все прочие осужденные уже отправлены в Кронштадт.

О том, когда и сколько матросов казнено — донести телеграммою.

2) Из состава эскадры капитана 1-го ранга Бострема, а в особенности из состава сохранивших верность присяге команды крейсера «Память Азова», — никого ни к какому участию в экзекуции не привлекать.

3) Тех мятежников крейсера «Память Азова», которые будут приговорены к различным другим наказаниям, — отправить немедленно, по приведении смертной казни в исполнение, на особом транспортном судне в Кронштадт, под конвоем роты вверенных Вам войск, и сдать их там в распоряжение Коменданта крепости.

Транспортное судно для этой цели должно быть прислано заблаговременно по распоряжению Морского Министерства. К какому именно времени (в зависимости от времени окончания суда над мятежниками), — Ваше Превосходительство имеете условиться телеграммою с Начальником Главного Морского Штаба, а о времени прибытия в Ревель и отправления в Кронштадт транспортного судна — донести телеграммой Августейшему Главнокомандующему и предупредить телеграммою же Кронштадтского Коменданта для его распоряжений по встрече и приему осужденных к аресту в Кронштадте.

Для сведения и соображений Ваших сообщается, что эскадра Капитана I-го ранга Бострема остается на Ревельском рейде до окончания суда над мятежниками и затем непосредственно уйдет на два-три дня в море, после чего направится в Кронштадт и уже оттуда отбудет в продолжительное заграничное плавание.

---

[1] и [2] Курсив наш. *Ред.*

Об изложенном, по приказанию Его Императорского Высочества, Главнокомандующего, уведомляю для надлежащих распоряжений.

Начальнику Главного Морского Штаба вместе с сим послана копия с настоящего отзыва для сведения.

Подписал: Окружный Генерал-квартирмейстер Свиты Его Величества Генерал-Майор *Раух.*

Верно: Заведывающий Военно-Судной частью
Капитан (подпись неразборчива).

ОТДЕЛ V.

Революционный путь моряков в 1905 году[1].

Много жертв принес рабочий класс во имя своего освобождения, и в рядах революционных рабочих всегда на первых и на самых опасных местах боя уже издавна стояли моряки.

Первые выступления относятся ко времени сто лет назад. 14 декабря 1825 года, матросы Гвардейского экипажа в полном составе приняли участие в восстании против самодержавия, потеряв выбывшими из строя до ста человек. В 1827 году восстали поголовно все матросы корабля «Александр Невский», когда корабль стоял на Ля-Выгедском рейде на острове Мадера. При этом выступлении матросы принесли жертву в несколько десятков человек, приговоренных к смертной казни. Смерть была им заменена, за их отличную храбрость и подвиги в Наваринском бою, бессрочными каторжными работами с предварительным нещадным избиением кошками. В 1831 году несколько десятков матросов-поляков, отправленных на службу в Кронштадт, отказались принять присягу на верность Николаю I, поработителю и палачу польского народа. В 70-х годах десятки моряков приняли участие в революционном движении интеллигенции против самодержавия. Лейтенант Суханов и некоторые другие офицеры участвовали в подготовке покушения на Александра II. Лейтенант Суханов был расстрелян, лейтенант барон Штромберг повешен...

Неисчислимы подвиги и жертвы моряков в 1905 году. Вот маленький цифровой подсчет на основании сухих, безжизненных архивных документов, писанных руками палачей и судей неправедных: 3 ноября 1904 года в вооруженных беспорядках в Севастополе приняло участие 2.000 человек, в восстании на «Потемкине Таврическом» 14 (27) июня 1905 года — до 800 человек; в ноябрьском восстании 1905 года на крейсере «Очаков» и во флотских экипажах Севастополя — до 3.000 человек, в восстании в Кронштадте

---

[1] По архивным данным (дела военно-морского учебного отдела Главного Штаба за № 15 и 41, по морскому архиву — №№ 212 и 204).

в октябре 1905 года участвовали чуть не все экипажи — минимально две—три тысячи человек (хотя судилось всего 208 человек), в Кронштадском восстании в июле 1906 года — около двух с половиной тысяч; на «Памяти Азова» несколько сот человек, в Свеаборгском порту во время свеаборгского вооруженного восстания — около 200 человек (судилось 98)...

Понятие о расправах дают также некоторые цифры архивных справок.

30 июня 1905 года был произведен суд над 44 участниками восстания, матросами с «Прута». Из них 14 были присуждены к расстрелу. Из 98 матросов, преданных суду за участие в Свеаборгском вооруженном восстании, расстреляно 117. За участие в кронштадтском восстании 1906 года из 700 судившихся 17 сентября 19 расстреляны, 12 — в бессрочные каторжные работы, 23—в каторжные работы на 20 лет, 7 человек—на 15 лет каторги, 8 человек—на 10 лет и т. д. Во Владивостоке осенью 1907 года расстреляно 100 человек...

Мы коснулись только нескольких восстаний. На самом деле их было гораздо больше. Не было почти ни одного корабля в 1905—06 г.г., на котором не происходили бы волнения, беспорядки, а то и прямое восстание. Первые волнения с применением оружия произошли в Балтийском флоте еще в январе 1905 года в Либаве, во время подготовления к походу Небогатовской эскадры. С января тянется длинная цепь волнений, не прекращающихся вплоть до 1907 года. Вот частичный список: волнение команды эскадренного броненосца «Цесаревич», из состава которой предано суду 28 матросов по 109—110 ст. ст. (бунт); возмущение на корабле «Адмирал Лазарев», открытое неповиновение команды учебного судна «Воин», беспорядки на учебном судне «Рига», вооруженное восстание артиллерийского отряда Балтийского флота, беспорядки на броненосце береговой обороны «Адмирал Грейг», участие матросов Либавского флотского полуэкипажа в революционных кружках, беспорядки на канонерской лодке «Манджур», беспорядки на крейсере 1-го ранга «Богатырь» во время заграничного плавания, брожение команд на «Князе Пожарском» и «Корнилове», революционная агитация на миноносце «109», волнение на судне «Генерал-Адмирал» и т. д. Список можно удлинить до полного перечисления всех судов Балтийского флота, если считать разные виды выступлений, которые, с точки зрения старого военно-морского устава, мало чем отличались один от другого, раз они были связаны с массовым нарушением дисциплины и с отказом от повиновения. Вот несколько таких примеров. Во время восстания в Кронштадте на рейде стоял броненосец «Император Александр II», команда которого прямого участия в восстании не приняла; но когда матросам этого корабля было приказано выступить против восставших экипажей, матросы наотрез отказались. Во время восстания «Памяти Азова» минным крейсерам адмиралом Сарнавским было приказано потопить восставший крейсер. Но команда минного крейсера «Трухменец» произвела бунт (хотя еще

недавно стреляла в Свеаборге по восставшим матросам Свеаборгского флотского экипажа), и затея потопить «Память Азова» не удалась. При этом же случае команда учебного судна «Европа» отказалась снабдить боевой миной Уайтхеда миноносец «Летучий», для потопления «Памяти Азова».

24 июля произошли беспорядки на минном крейсере «Эмир-Бухарский», при чем пропало сто пятьдесят патронов. 13 сентября в Либаве на этом же миноносце «Эмир-Бухарский», матрос Порошин ударил старшего офицера на шканцах (священное место на корабле, где совершить преступление означало усугубить вину). 14 ноября 1906 года на миноносце «220» матросы стали шикать во время пения молитвы «Спаси, господи, люди твоя»; команда отказалась выдать виновных, так что ее пришлось ссадить на баркас и поставить на бакштоф. 26 ноября 250 матросов, арестованных в морском арестном доме, об'явили голодовку. 2 июля во время стоянки учебного судна «Рында» на ревельском рейде команда потребовала начальника отряда адмирала Воеводского и просила распоряжения не группировать в Ревеле судов. 6 июля матрос броненосца «Слава» ударил в Ревеле на берегу сухопутного офицера. Когда матроса арестовали, среди команд началось брожение: заявили требование об удалении двух квартирмейстеров. Капитан I-го ранга Русин, командир «Славы», донес, что необходимо кончать кампанию, иначе дело дойдет до катастрофы. Было решено, что, в случае беспорядков, офицеры должны затопить бомбовые погреба броненосца, а в случае вооруженного восстания, корабль будет расстрелян крепостными орудиями.

Из дел охранного отделения департамента полиции мы видим, что с декабря 1910 года вплоть до февральской революции 1917 года охранное отделение департамента полиции и отдельный корпус жандармов ведут, можно сказать, поденную запись революционных событий во флоте. И вот из этой записи —ряд толстенных томов— видно, что движение во флоте не прекращалось буквально ни на один месяц, начиная с декабря 1910 г. (смотри нашу статью в журнале «Красная Летопись», № 5 за 1922 год.—«Революционное движение во флоте в 1910—11 г.»).

Как известно, даже во время империалистической войны правительство не могло найти себе покоя от матросов. В 1915 году во время стоянки на Свеаборгском рейде линейного корабля «Гангут», с командой в 1200 человек, на нем произошли беспорядки. Смертельно перепуганное начальство поспешило немедленно из'ять несколько сот матросов команды дредноута, водворив их за проволочную сеть знаменитого красного манежа в Свеаборге.

Не ошибся революционный матрос, артиллерийский квартирмейстер 5-го экипажа, Алексей Данилович Кукарцев, утверждая в своем письме незадолго до казни: «Иду на смертную казнь через расстрел. Погибаю за народное дело. Вы тоже страдаете, но страдания должны скоро кончиться, должна скоро быть свобода. Но если будет свобода, тогда узнаете, какая нам будет честь». Матрос

Николай Комарницкий пишет: «Остается несколько часов до расстрела. У окна стоит часовой и плачет. Пусть правительство знает, что скоро расчет. Убивая и расстреливая нас, оно наживает сотни мстителей за каждую погибшую жизнь. Мы смеемся над бессилием наших палачей».

Матрос Тимофей Глебко в предсмертном письме незадолго до расстрела: «После нас не долго останется царствовать этим хищным зверям — царю и его помощникам».

Ни в чем не ошиблись моряки-революционеры 1905 года, веря в правоту и в близкую победу своего дела. Прошло всего несколько лет после поражения революции 1905 года, и правда пролетарской победы торжествует. Достигнуто даже гораздо больше, чем могли мечтать революционеры 1905 г. Они надеялись свергнуть царское самодержавие. Царский престол был сметен революцией, словно вихрем, в полном смысле слова разом, как только к восставшим рабочим в феврале 1917 г. присоединились солдаты питерского гарнизона и матросы Балтийского флота. В апреле 1917 года великий вождь всех рабочих мира, т. Ленин, указал еще более высокую цель: ниспровергнуть господство капитала. Матросы Кронштадта Балтийского флота были среди первых, отозвавшихся на этот великий призыв к переустройству общества. Уже в июле 1917 г. матросы с оружием в руках выступили против правительства фабрикантов и примыкающей к ней средней и мелкой буржуазии, представленной в правительстве партией с.-р. и меньшевиков. Октябрьские бои завязали опять-таки матросы Кронштадта и Балтийского флота.

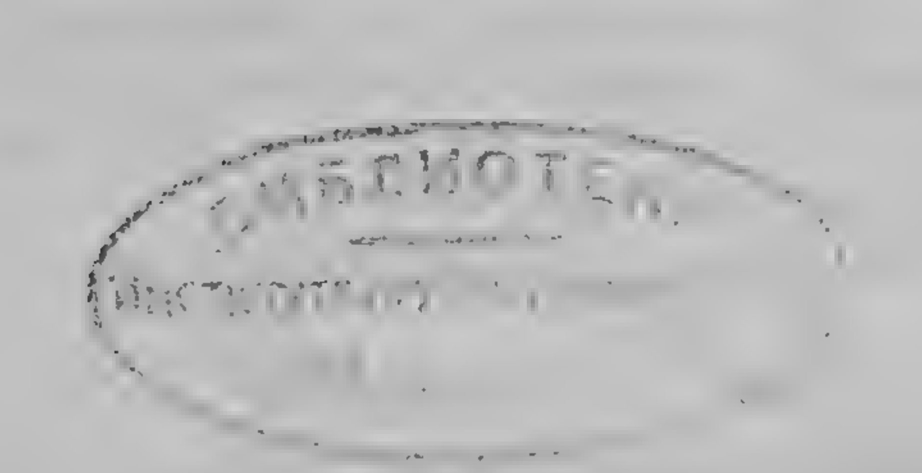
Они остались верны заветам своих товарищей и предшественников в революцию 1905 года. Кровью героев и мучеников-матросов Черноморцев и Балтийцев спаян Красный флот, стоящий теперь на страже революции и пролетарских побед под Красным Знаменем РКП (б).

Теперь, в 1925 году, отмечаются две годовщины: 1-го восстания против царизма декабристов в 1825 году и революции 1905 года.

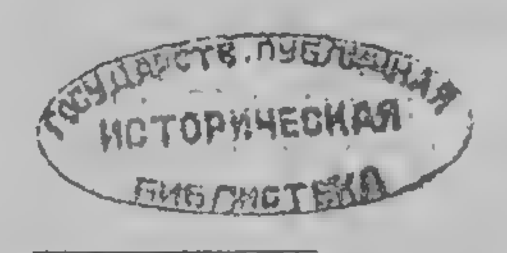
Каждый краснофлотец, комсомолец, весь рабочий класс и трудовые крестьяне должны знать, что великая победа рабочего класса, восьмую годовщину которой мы празднуем в этом году, во многом обязана геройской борьбе матросов, начиная с 1825 года и кончая славными днями Красного Октября и Гражданской войны.

Вечная слава матросам-революционерам!

Ив. Егоров.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

